

100 книг на душу населения

Очередная программная статья Владимира Путина, опубликованная в «Независимой газете», целиком посвящена национальному вопросу. Характерно, что именно в этом контексте прозвучала мысль о «золотой сотне» книг, которые должен прочитать каждый российский школьник: «Наша нация всегда была читающей нацией. Давайте проведём опрос наших культурных авторитетов и сформируем список 100 книг, которые должен будет прочитать каждый выпускник российской школы». То есть чтению — по словам Пушкина, «лучшему учению» — возвращается статус национального приоритета и дела государственной важности. Вопрос назрел давно. Интенсивность откликов лидеров общественного мнения именно на это положение статьи кандидата в президенты показала истинный уровень актуальности предложения. Естественно, нашлись, особенно среди коммерческих литераторов, персоны, которые решили извлечь для себя немедленную выгоду. Так, совсем по басне Крылова «Кукушка и петух» быстрый разумом Д. Быков предложил включить в «сотню юных бойцов» 3. Прилепина, в ответ на что тот вполне ожидаемо рекомендовал в список трилогию Д. Быкова. Но это, что называется, «головкружение от успехов». В сотню должны попасть писатели, чьё место в литературе утверждено временем, а не сиюминутной шустростью. Для начала необходимо выработать методологическую основу отбора. С русской классикой всё более или менее ясно. А вот по каким книгам современный школьник составит представление об отечественной истории и культуре XX столетия? Только по А. Солженицыну или В. Набокову? Или всё же и по А. Фадееву, Л. Леонову, Н. Островскому? И по каким критериям будет, например, сочетаться русская, зарубежная литература и литература народов России? Предложение В. Путина — вызов прежде всего гуманитарному сообществу, возможность для «культурных авторитетов» преодолеть наконец «стилистические разногласия» и начать диалог. Только договороспособная и профессиональная гуманитарная группа в состоянии дать обществу не меняющиеся в зависимости от исторической конъюнктуры «чёрный» и «белый» списки, а создать своеобразный национальный «резервный банк» книг, который наконец обеспечит вечной доходностью обнищавшую душу населения.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

EUROPE: D – 2,20 €; A – 2,30 €; B – 2,30 €; PL – 12,90 PLN; L – 2,30 €; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50 €; I – 2,50 €; GR – 2,5 €; CYP – 1,35 CYP; TR – 5 M. TRY; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 23,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 \$; C – 2,50 CAD

Международное издание

Выходит по средам

Кудесник оперы

Если искусству везёт с эпохой, то это надолго. Творцы не заставляют ждать, когда народный призыв требует служения. И бывает мастеров в достатке, а время пленяет их, как янтарь цикаду, и, подобно янтарю, консервирует сверчковую трель, придавая песне оттенок золотящейся вечности.

Три года без Бориса Покровского — и целый век с ним. Будто с самого рождения ставил мастер оперу в русском театре. Сделав синонимами «оперную режиссуру» и «театр Покровского». Кто вызвал художника? Время! Которое не выберешь, но которое можешь формировать, коли хватает смелости и сил ломать янтарные узы чиновничьей ласки.

Борис Покровский — консерватор и традиционалист. Не одно десятилетие в «образцовом» театре России — СССР: Большом. Главный режиссёр главной площадки сумел понять, чем должно укреплять могущество победившего строя. Новая страна нуждалась не столько в новом искусстве, сколько в утверждении собственной мощи, в диктате своей мессианской универсальной идеи, остающейся для русского народа парадоксально национальной на века. Силы брались в токах родной земли и в уверенном стоянии на твёрдой почве культуры с её вечными «прописями» основ и повторениями пройденного. Так, Святогор-богатырь в русских сказках был непобедим, пока его не оторвали от матери-земли. Так и Покровский, прямой и острый, как штык винтовки Мосина, старался быть таким же неприметным и разящим в режиссуре, каким бывал клинок в руках опытного пехотинца.

Его награждали. Его возвеличили. Его назначали, его снимали, а он не бронзовел. Не боялся ста-

ИТАР-ТАСС

вить опыта над собой и зрителем. Его наказывали за «формализм», но не «расстрельно». Государство понимало, что без разведки будущего можно лишиться и славного прошлого.

Покровский шёл бесстрашно вперед. Он либо «замораживал» метод до совершенства полярного льда, либо «жёл» так, как не сумел бы ожечь и полярный лёд.

Создавал новые театры, творил новые эпохи, был «демурином охранительства», саму «охран-

ность» отвергая самобытным творчеством.

Художник устремлялся вдалёк — и на этой стезе возмечивалась страна. Мир вслушивался в русскую оперу и не скупился, когда требовалось занять место в партнере, чтобы всмотреться.

Никто не смел сказать, что оперная сцена СССР провинциальна!

...Большой театр не готовит торжеств по случаю столетия героя.

У БТ теперь иные маяки. Из кожи вон — но как «в Европах!» Аскетизм первородства отдан за чечевичную похлёбку провинциальной «родственности» и разбитое «стуло» в «людской».

Художника нет. Идеалы преданы. В дни столетия маэстро хочется взломиться:

«Покрый нас от всякаго зла честным Твоим омофором!»

Продолжение темы «100-летие со дня рождения Б.А. Покровского» — на стр. 11

КЛАССИКИ И БЫТ

СВОИ НЕ В ДОСКУ

Что может быть приятнее самолюбиво журналиста, чем устранение «отдельных недостатков», выявленных в острой статье? И что может разбить журналистское сердце так, как полное наплевание на поданный сигнал?

29 ноября прошедшего года была открыта мемориальная доска на знаменитом Доме писателей в Москве (Лаврушинский переулок, дом 17, строение 2). «Здесь в разные годы жили выдающиеся писатели, учёные, деятели культуры», гласит надпись на мемориале. Казалось бы, ура — и пробки в потолок! Ведь 16 ноября (№ 45) «ЛГ» опубликовала довольно-таки язвительную заметку «Что в имени тебе моём», где речь шла как раз о том, что на легендарном доме висит только одна доска — в честь забытого театрального критика Ю. Юзовского, автора монографии «Советские актёры в горьковских ролях». Странно: улица Горького стала Тверской, памятник Буревестнику убрал с площади Белорусского вокзала, а имя Юзовского одиноко сияет мемориальным золотом.

А между тем в доме, построенном по личному указу И. Сталина, в разное время проживали Борис Пастернак, Илья Эренбург, Агния Барто, Илья Ильф и Евгений Петров, Федор Гладков, Константин Федин, Юрий Олеша, Михаил Пришвин, Всеволод Иванов, Вениамин Каверин, Эммануил Казакевич, Константин Паустовский, Владимир Чивилихин, Маргарита Алигер, Лев Ошанин, Владимир Соколов и многие другие.

Но победный крик отчего-то застрял в горле. На памятной доске не перечислен никто из именитых

жильцов дома в Замоскворечье. Не оправдалось даже ироническое предположение нашей газеты, что выдающихся писателей переведут в «и др.» и «многие», — в мемориальном тексте отсутствуют и эти слова. Просто «жил» невесть кто «в разные годы». А

Юзовский за всех представительствуем. Подробное перечисление, видимо, напугало чиновников, охраняющих московские памятники, возможными последствиями: глядишь, учёные своих потребуют увековечить, «деятели культуры» за своих начнут хлопотать.

А тут вроде бы всем сестрам по серьгам, пусть и камушки дешёвенькие.

Чиновники управы столичного района Якиманка, говорят, обиделись на «ЛГ» за предыдущую публикацию. Дескать, мы за эту доску бились-бились, а нас вон как! Так не стоило, дорогие якиманцы, молчком убиваться за такое убожество. Надо было в колокола звонить. Ведь дом в Лаврушинском числится объектом культурного значения, хотя и с невыявленной категорией. Так её и надо было выявлять, прежде чем лепить безымянную доску! Правда, против фамилии А.В. Левановой — начальника отдела культурного наследия ЦАО в одноимённом департаменте — нет ни номера телефона, ни адреса электронной почты, но, полагаем, добраться до неё посылкой: было бы желание.

Да и неслучайно, по всему выходит, апеллировала «ЛГ» к районной управе: в прессе сообщалось, что на торжественном открытии глухонемой мемориальной доски к собравшимся «с приветственной речью» обратился глава РУ Якиманка Михаил Столбов. Но почему же на сайте управы нет ни слова о столь якобы знаменательном событии? Не потому ли, что М. Столбов и его подчинённые прекрасно понимают, что досочка-то того... Пуштоватая, прямо скажем.

Что ж! Значит, орган исполнительной власти самого маленького по территории и самого крупного по объектам культуры района не вполне понимает задачу сохранения культурного наследия лица государства — его столицы. Пойдём выше! И надеемся, что мэр Москвы услышит и поймёт нас.

П. ХОХЛОВСКИЙ

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

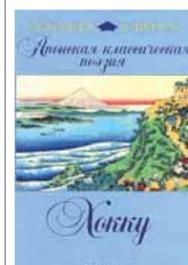

● Римма Казакова. Стихотворения, песни. — М.: ФСИЭП, 2011. — 496 с. — 2000 экз. Римма Казакова. Публицистика, проза, воспоминания современников. — М.: ФСИЭП, 2011. — 366 с. — 2000 экз.

К 80-летию со дня рождения Риммы Казаковой Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ при финансовой поддержке фонда «Русский мир» выпустил двухтомник её произведений. В первый том вошли стихи разных лет, а также тексты песен, музыку к которым писали А. Пахмутова, И. Крутой, К. Орбелян и другие известные композиторы данного жанра. Второй вобрал в себя лирические хроники первой половины 90-х годов. Самобытный поэтический голос Казаковой, на котором выросло несколько поколений, остаётся актуальным по сей день. «Главной задачей этого двухтомника было сохранение в нём её живого голоса со всеми оттенками интонаций, с разной степенью эмоциональности», — отмечают издатели.

● Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков: Коллективная монография / Ред. Н.В. Ковтун. — М.: Флинта; Наука, 2011. — 408 с. — 500 экз.

Настоящее издание посвящено анализу русской утопической традиции во всём многообразии её художественных проявлений. Исследования глобальных утопических проектов (почвенничество, конструктивизм, социалистический реализм, патриархальная версия современных традиционалистов) сочетаются здесь с главами-медальонами о творчестве отдельных авторов, обратившихся к теме утопии. Книгу отличает от многих, ей подобных, специфика рассмотрения самого понятия «утопия» как своеобразного инструмента измерения: оно изначально оценочно и беспристрастно. Безусловно, издание будет интересно не только филологам и историкам, но и всем любителям российской словесности.

● Японская классическая поэзия. Хокуку. Антология / Пер. Веры Марковой. — М.: Эксмо, 2012. — 160 с. — (Серия «Классика в школе»). — 5000 экз.

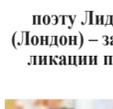
Хокуку — уникальный жанр японской поэзии, состоящий всего из трёх нерифмованных строчек. Трудно сказать, почему он стал таким популярным в России, но факт остаётся фактом: у нас не только широко издаются произведения японских классиков, но и современные русские поэты активно работают в данном жанре, публикуя хокуку в своих сборниках, журналах, газетах, альманахах. В настоящую антологию вошли как признанные классики японской литературы, так и малоизвестные авторы. Отрадно, что книга вышла в серии «Классика в школе», хотя она представляет несомненный интерес и для старшего поколения. Переводы, выполненные замечательным литературоведом и востоковедом Верой Николаевной Марковой (1907–1995), давно признаны эталонными.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

В начале нового года редакционная коллегия «Литературной газеты» традиционно объявляет имена лауреатов нашей премии имени Антона Дельвига — ближайшего сподвижника основателя старейшего российского культурологического издания А.С. Пушкина. Премии за 2011 год присуждены:

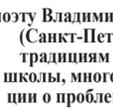
члену-корреспонденту, советнику Российской академии наук Николаю СКАТОВУ (Санкт-Петербург) — за статью по истории отечественной литературы;

поэту Лидии ГРИГОРЬЕВОЙ (Лондон) — за стихотворные публикации последних лет и эссе;

актёру кино и театра Владимиру КОНКИНУ — за публицистические выступления на страницах «ЛГ» на актуальные темы современности, рассказы и эссе;

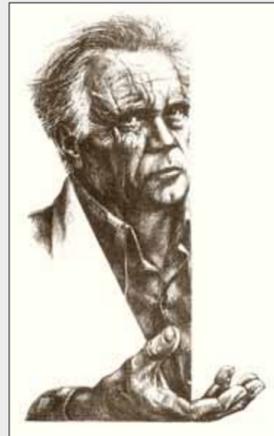

поэту Владимиру ШЕМШУЧЕНКО (Санкт-Петербург) — за верность традициям русской поэтической школы, многочисленные публикации о проблемах культуры, сохранения русского языка.

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

В афише Большого зала консерватории это называлось просто – «Авторский вечер Александры Пахмутовой». Но надо знать Александру Николаевну! Она пригласила к участию в нём не только Симфонический оркестр Министерства обороны РФ (дирижёр Валерий Халилов), Академический русский хор имени А.В. Свешникова и камерный хор Московской консерватории (дирижёр Борис Тевлин), но и солистов, каждый из которых собирает полные залы. Любимые песни Александры Пахмутовой и Николая Добронравова исполняли Иосиф Кобзон, Тамара Гвердцители, Александр Градский. Звучали «Поклонимся великим тем годам», «Надежда», «Знаете, каким он парнем был», «Песня о тревожной молодости», «Нежность». Увы, пяти вечеров не хватит, чтобы насладиться поистине народными песнями – их у композитора более четырёхсот! Некоторые из них почастливились спеть молодым голосам – Оксане Волковой, Павлу Коллатину, звезде проекта «Большая опера» Евгению Кузурову. Публике особенно понравился Сергей Рабоченко, которому была доверена песня «Зачарованная Русь», сочинённая в году нынешнем. Ей пришлось повторить на бис. Нашлось место и для «серьёзных» произведений – Екатерина Мечетина солировала в симфонической картине «Птица-тройка».

В актовом зале храма мученицы Татианы при МГУ открылась выставка работ художника-графика Юрия Селивёрстова. С иллюстрациями художника вышли более 100 произведений мировой и отечественной классики в ведущих издательствах страны. Среди книг, оформленных Селивёрстовым, «Слово о полку Игореве», произведения Гоголя, Достоевского. На открытии выставки выступили протоиерей Максим Козлов, писатель Валентин Курбатов, доктор богословия Валентин Никитин и другие.

Работа Ю. Селивёрстова «Писатель Виктор Астафьев».

ЗЛОБА ДНЯ

Политреформа. Имеются противопоказания

В Госдуму поступил пакет предложений президента Медведева по реформированию нашей политической системы. Предлагается, в частности, вернуть прямые выборы губернаторов, сильно облегчить регистрацию новых партий...

точное дробление политического спектра, потеря стимулов для объединения мелких «тусовок», каждая из которых почувствует себя самодостаточной, лишь поддержит падающий авторитет «партии власти» — она почувствует себя гигантом на фоне муравьиной возни.

Весьма неоднозначна и идея возвращения прямых выборов глав субъектов. Как мы помним, это привело к установлению в некоторых регионах (особенно в национальных) едва ли не диктаторских коррупционных режимов, которые, опираясь на «народный мандат», подавляли любое инакомыслие. На выборах правил бал реки денег сомнительного происхождения, щедро раздаваемые политтехнологам и имиджмейкерам, готовым «втиснуть» населению любого кандидата.

С другой стороны, выборы глав субъектов важны, так как Центр больше не в силах нести на себе всё бремя политической и экономической ответственности. Но возвращение выборности должно происходить не в впопыхах, а сопровождаться глубокой реформой, гарантирующей свободу местного самоуправления, независимость бизнеса и СМИ в регионах.

Выборность губернаторов? Это, по-моему, разительно не изменит ситуацию. Что у нас до 2004 года был прекрасный губернаторский корпус? Не исключено, что и сейчас криминал просочится во власть, пользуясь деньгами. А кто-то оседлет популизм. Это действует, особенно в дотационных регионах, а таких у нас большинство. Поэтому прямые выборы местных начальников — не палочка-выручалочка.

Партии... Нынешние партии вовсе не партии в чистом виде. Это своего рода бренды. Они и рекламируются, как товары. Нет нормальных правил членства, нет социальных лифтов, нет программ. Хорошо, что легче можно будет создать и зарегистрировать партию. Может, что-то поправится. Сейчас надо конструктивно вести диалог по всем самым острым вопросам, но поддерживать лично я стал бы тех (независимо от партийной принадлежности), кто предлагает вещи, реально реализуемые.

и повысит вес денег, больших денег, сконцентрированных в руках узкого слоя. Против чего никто из «либеральных» вожakov не выступает — их это устраивает. Так откуда среди нынешних сверхимущих возьмутся национально ориентированные — заинтересованные в том, чтобы у нас была не зона «делания бабок», а суверенная и неуклонно развивающаяся страна? Напомним: и в нынешнюю избирательную кампанию вопрос о вступлении в ВТО, закрепляющем наш колониальный статус, не становится центральным.

И случай второй — если рассчитывать не на национальную ориентацию части «элиты», а на революционные массы. Тогда и главными элементами политической системы должны быть те, что прежде всего ограничивают роль денег. Но это сверху не подарят.

КАК ОСТАНОВИТЬ «БЕЛИЧЬЕ КОЛЕСО»

Юрий БОЛДЫРЕВ, публицист:

— Политическая система, конечно, должна быть более свободной, нежели нынешняя пародия. Но от планируемой либерализации серьёзных плодов я не жду. Суть проблемы ведь не просто в том, что каналы влияния граждан на власть перекрыты, но в том, что страна — практически колония, где вся «элита», включая хозяев массовых СМИ, — не более чем «внешние управляющие». Страна — место не для жизни «элиты», но лишь для «зарабатывания» сверхсостояний почти вахтовым методом. И что даст чуть большая конкуренция в борьбе за власть среди того же узкого круга? Расширения же круга, разрыва кольца, слова «беличьего колеса», призванного создавать лишь видимость свободы, нынешние политреформы не предполагают.

Собираются реформировать лишь форму, обеспечивающую забетонированность системы, — регистрацию партий, семипроцентный барьер и т.п. Но все эти детали не спущены с неба, а стали итогом экономической системы и её прежней политнадстройки, как будто более свободной. И простой возврат к ней ещё ничего не гарантирует. Напомню: заводомо бандаитские залогово-кредитные аукционы, породившие всех прохоровых в их нынешней силе, а заодно затем и путинскую реставрацию, проводились в период самой «свободной» политсистемы, да ещё и под аплодисменты нынешних либеральных вожakov.

Значит, корень в другом. Пресечение нынешнего разложения и воссоздание созидательного государства возможно в двух случаях.

Первый. Если основными «игроками» на политике станут силы национально ориентированные. Но «игроками» либерализованной системы, как известно, становятся прежде всего имущие — чрезвычайно имущие. Отличие либерализованной политсистемы от нынешней будет лишь в том, что снизится вес «административного ресурса»

ПЛОД ЗЕЛЕН ИЛИ ЗАГНИВАЕТ?

Александр РЕПНИКОВ, доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ):

— Обратившись к истории, можно заметить, что развитие России идёт скачкообразно, когда все силы рывком бросаются на преодоление предшествующего реформам периода застоя. Но цель реформ не должна заключаться только в том, чтобы создать экономический, культурный и иной потенциал. Не менее важно сохранить то разумное, что есть.

Русские консерваторы полагали, что выход из кризиса возможен при проведении политики органического заимствования такого варианта модернизации, который бы отвечал традиционным ценностям страны.

Недавно мы перезадали работу Льва Тихомирова «Монархическая государственность» (первые вышли в 1905 году). Тихомиров, который в молодости был народоловом, революционером, а потом стал монархистом, отмечал склонность русского народа либо к монархии, либо к анархии, считал, что власть в нашей стране всегда вынуждена балансировать между охранением и реформами, между «сдерживанием» и свободой. В книге много актуальных рассуждений. Реформы, которые ведутся продуманно и постепенно, — лучшая гарантия от революции. Революция — это нетерпение. Реакция — попытка сохранить то, что отжило своё. И реакция, и прогресс «во что бы то ни стало» — насилие над нацией. Изменения должны созреть, как плод на дереве. Революционер спешит сорвать его зелёным, а реакционер не трогает, пока тот не станет гнить.

Тихомиров пытался (как и Столыпин) найти «поле», на котором власть могла бы взаимодействовать с представителями общественности во имя общего блага. На этом пути, считал он, неизбежен период проб и ошибок. Но ошибки не фатальны в том случае, если власть и общество начинают наконец взаимодействовать на уровне партнёрства, а не борьбы. В начале XX века это не удалось. Как-то будет в начале XXI...

Опрашивал Владимир СУХОМЛИНОВ

ИнтерНЕТ-интерДА

• Тут «революционеры» Немцов, Чирикова, Пономарёв, Рыжков и другие были приглашены на аудиенцию к «специальному по революциям», как называют нового посла США Майкла Макфола. Журналистам удалось снять на видео, как организаторы акций на Болотной площади и проспекте Сахарова стягивались в посольство США. Увидев людей с камерами, поборники свободы слова почему-то каменели лицом, отворачивались и спешно прятались в здании посольства, как будто их поймали на чём-то непристойном. Приглашения на встречу с Макфолом получили член фракции КПРФ Леонид Калашников, представители фракции «Справедливая Россия» Оксана Дмитриева и Илья Пономарёв, лидер партии «Яблоко» Сергей Митрохин...

Если на входе журналисты застали «революционеров» врасплох, то спустя час оппозиционеры вышли с гордо поднятыми головами, будто кто-то их проинструктировал, как дать отпор СМИ и что говорить. Люди начали отретированно скандировать «высурковская пропаганда», а Евгения Чирикова радостно-истерично кричала, что «хозяева» журналистов будут сидеть.

astr hr

• Когда-то я учила детей не ходить на красный свет. Потом учила не расслабляться, когда идёшь на зелёный. Теперь же учу не расслабляться ни на тротуарах, ни в магазинах и вообще нигде. Люди ходят, как в трансе. У людей расстроено внимание. Обман, мистификация, внушение стали обыденностью и повседневною.

Может, кто-то сочтёт это малым уроном, я так не думаю. На самом деле нас обманули. Демократия — подставная модель. Нам дали право бороться за свободу и говорят, что это должно нас осчастливить. Капиталистическое равенство нам просто подсузили как возможную реальность. Вот только возможность её существования никто не доказал. Зато под шумок нашей борьбы за него идёт разграбление нашей страны. Такова суть этой демократии — модели абсолютно искусственной.

Мария Леонина

• В эфире Би-би-си-2 советник экс-премьера Великобритании признал: знаменитый скандал со «шпионскими камнями» 2006 года, которые использовали британские спецслужбы в России, — не выдумка русской пропаганды. «Это было неприятно, но нас поймали на месте», — заявил он. Чем эта новость по-настоящему интересна? Те самые люди, которые сегодня интеллигентно ржут над попытками объяснить восстановление хипстеров, экс-премьеров, экс-вице-премьеров ещё и «рукой Госдепа», точно так же долго ржали над сообщениями о шпионском камне.

Вот впечатляющий список людей, ставших вместе со своими продвинутыми читателями над тупой госпропагандой об «английских камнях». В списке — устроители «снежных революций» минувшего декабря Антон Носик и Роман Доброхотов, Ирина Якина, Юлия Латынина, Виктор Шендерович, Сергей Пархоменко, Олег Кашин...

Эти люди сегодня обращаются к вполне определённой возрастной и социальной аудитории: воспитанным в офисах детям столичных семей в районе 22–25 лет. Эти люди объясняют юношеству, что они — креативный класс, впервые отважившийся взять на себя ответственность за судьбу страны. И что этот взрослый креативный класс молодых специалистов, конечно же, не поверит ни в какие «руки Госдепа». Ведь он же взрослый и креативный, так? А взрослые и креативные люди в детские сказки про шпионов не верят. Шпионы бывают только русские.

The Pragmatic

ВПОПЫХАХ УСПЕХА НЕ ДОСТИГНЕТЬ

Леонтий БЫЗОВ, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН:

— В ответ на общественное брожение власть предпринимает политические реформы. Их ждали давно, но сдвинулись они только сейчас. Без серьёзного обсуждения в расчёте, как обычно, на сиюминутный эффект — сбить волну недовольства, а дальше будет что будет. Скоропалательность вызывает опасения.

Да, политические реформы назрели и перзрели. Держать активную часть общества на «коротком поводке», выхлославив активность снизу, контролировать всё и вся, диктовать избирательные списки даже номинально оппозиционным партиям, всё это и аморально, и неэффективно. Общественная активность, лишённая развития в цивилизованной форме, прорастает в нецивилизованной — вроде Манежной площади.

Власть не в состоянии одна без поддержки активной части общества управлять страной. Но у всего есть оборотная сторона. Большая часть того, что сегодня предлагает власть как свежие политреформы, уже испробовано в 90-е годы, и далеко не всегда давало позитивные плоды.

Взять либерализацию процесса регистрации партий. Да, нынешние партии не отражают современного общественного дискурса, они — рудименты минувших эпох. У нас, скажем, нет современных «левых» — ни социал-демократов, ни более радикальных социалистов, отсылающих не к опыту социализма в СССР, а к современной общественной мысли. Нет просвета на либеральном фланге. Страну сотрясают «русские марши», но нет ни одной респектабельной партии, которая бы обживала поляну националистической мысли. Наличие таких партий заставило бы и власть более чётко разобратся с собственной идеологией.

Но есть опасность, что повторится картина первой половины 90-х, когда в избирательный бюллетень вносились 30–40 «партий», за большую частью которых стояли лишь амбиции нескольких человек. Институт политических партий вообще сильно дискредитирован и во многом морально устарел, тем самым сетевой самоорганизацией граждан. Следует подумать не просто об упрощении регистрации, но и о самой реформе партий как политического института, о демократизации внутривнутрипартийной жизни, чтобы единомышленники могли участвовать в принятии решений не под диктовку съездов и президиумов, как правило, штампующих заготовки партийных вождей. Пока же есть подозрения, что избы-

ЭЛИТА ДОЛЖНА ДУМАТЬ

Валерий КАПЛЮНАТ, председатель совета директоров ООО «Омский завод технического узелера»:

— Любая элита, если она видит, что её правление вызывает неоднозначную реакцию в обществе, должна делать выводы, видеоизменяться. Тем и хороша демократическая модель, которая, конечно, не идеальна.

Сможет ли современная правящая элита реагировать так, чтобы развитие общества было адекватно-гармоничным? При этом всем ведь не угодишь. Ублажить маргинальную часть общества и его экономически активную часть не получится. Моё личное мнение: сможет. Во-первых, и тут я ничуть не крикну душой, Путин способен точно сканировать настроения общества, значит, способен на правильные выводы.

Путину сейчас очень тяжело, он в сложнейшем положении. Но неправильно его пинать его ни за что, так и признавать его априори самым великим и непогрешимым — это значит оказывать ему (простите за каламбур) медвежью услугу.

Если вернуться к экономике, то настала пора её реально, а не на словах перестроить. Но для перехода к инновационной модели — и это надо понимать каждому гражданину — нужны годы. Одним махом ничего не добиться. Хватит ускорений. Израилью понадобилось 30 лет, у Тайваня, Сингапура также ушли десятилетия. В процесс поступательного движения должны быть встроены все части общества.

Люди хотят справедливости, так было всегда. И правила игры в бизнесе, во всех сферах должны быть справедливыми и понятными каждому. Если они попираются, говорится одно, а делается другое, начинает накапливаться недоверие к власти со всеми его последствиями.

Собственные корреспонденты
Александр Самойленко (Калуга), Юрий Беликов (Пермь), Жан Миндубаев (Ульяновская область, Татарстан), Владимир Шемшученко (Самар-Петербург), Сергей Евстратов (Республика Магдана), Всеволод Марьян (Заволжье), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамакер (Центральная Европа), Никита Барашев (Италия), Светлана Селиванова (Китай)

Отдел оформления
Сергей Мышакания, Лев Пирогов, Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург), Алексей Кожелуб, Игорь Гамаюнов

Спецпроекты
Анастасия Ермакова, Ольга Моторина

Директор по распространению
Валерия Красотова
тел. 8-499-788-01-12

Отдел рекламы
тел. 8-495-688-80-78
Юлия Поскрёбышева

Московский тираж — 61 853 экз.
Федеральный тираж — 35 281 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске и Хабаровске)
Тираж в Крыму — 2500 экз.
Тираж в Европе и США — 6000 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне)

Тираж в Израиле — 22 000 экз.
Тираж в Великобритании — 9000 экз.
Тираж в Греции — 3000 экз.

Общий тираж
139 634 экз.

Цена договорная
Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экспресс М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.
Номер подписки к печати
24 января 2012 г.
Зак. № 12-01-00278

Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.

Подписные индексы:
50067, 34189, 84874 и 99168 (для предприятий и организаций)
Экспортная подписка — по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.
Материалы рубрики «Точка зрения» публикуются на коммерческой основе.

Адрес редакции:
Хохловский переулок,
д. 10, стр. 6
Москва, 109028

Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru

Факс: 8-499-788-00-52

Автоинформатор
и соединение с отделами:
8-499-788-02-10

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
1971 1979
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом «Литературная газета»
Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ
Первый заместитель
главного редактора
Леонид Колпаков
Заместитель главного редактора
Валерий Павлов
(представляет в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)

Отделы:
«Политика, экономика»
тел. 8-499-788-01-06
шеф-редактор Игорь Серков,
обозреватель Владимир Сухомлинов
«Литература и библиография»
тел. 8-499-788-02-05
ведущий редактор Марина Кудинова,
Игорь Панин
«Искусство»,
«ТелеЕдинение»
тел. 8-499-788-02-12,
8-499-788-00-53
ведущий редактор Александр Кондрашов,
Олег Пуханцев

Евгений Маликов,
Анна Кузнецова
«Общество»
тел. 8-499-788-02-08
ведущий редактор Людмила Мазурова,
Наталья Гамаюнова
«Клуб 12 стульев»
тел. 8-499-788-00-53
администратор Александр Хорт
Обозреватели
Сергей Мышакания, Лев Пирогов,
Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург),
Алексей Кожелуб, Игорь Гамаюнов
Спецпроекты
Анастасия Ермакова,
Ольга Моторина

Рой Медведев. Рафаэль Гусейнов. Медведев о Путине: Двенадцать откровенных интервью о самом популярном российском политике XXI века. — М.: Издательский дом «Трибуна», 2011. — 160 с. — Тираж не указан.

Следует сразу предупредить, что название книги может ввести в заблуждение. О политике Владимир Путин рассказывает и размышляет не президент Дмитрий Медведев, а известный историк, публицист Рой Медведев в ходе интервью, которые он дал на протяжении нескольких лет журналисту Рафаэлю Гусейнову. Среди текстов и весьма свежие, и те, что готовились больше десяти лет назад.

По нынешним временам, когда политическая борьба вокруг выборов президента неожиданно для многих приобрела весьма жесткие очертания, когда в центре её оказался именно Владимир Путин, принимающий ныне на себя всю яростную критику и системную, и несистемную оппозиции, спокойный, рассудительный разговор о нём уже редкость. Ибо критика зачастую переходит за рамки приличий, сводится к немудреному набору оскорбительных лозунгов.

Рой Медведев вовсе не избегает острых вопросов, скандальных тем, но стремится смотреть на фигуру и деятельность Путина с иных позиций — как историк. Вот пример.

«— Недавно политолог Глеб Павловский заявил: «Так часто бывает, что политик, решивший главную задачу, становится проблемой для страны. А Путин решил, безусловно, свою главную задачу. Таких знаменитых высказываний становится всё больше... Речь идёт о недвусмысленных намерениях: сделал своё дело — уходи. Чем так мешает Путин оппозиционером разных мастей и на что рассчитывают они, если он освободит место на властном Олимпе?»

Нельзя согласиться с тем, что Путин выполнил свою главную задачу. Он только создал предпосылки для успешного решения проблем. Путин преодолел тенденции к распаду России, создал фактически крепкое Российское государство, выстроил вертикаль власти. Но всё это предпосылки для решения главной задачи: подъёма экономики и подъёма России как великой державы. Он видит в этом свою задачу и об этом открыто говорит. Задуманное только начинает воплощаться, и он возглавляет эту работу. Крупный политик, решив поставленную задачу, тут же начинает решать новую, более продвинутую. Так что Путин ещё не решил своей главной задачи. Он хотел сделать Россию конкурентоспособной. Он как-то произнёс очень любопытную фразу о том, что есть много амбициозных людей, но очень мало эффективных. Существует острая необходимость наполнить Российское государство эффективными управленцами. И она только сейчас начинает решаться, когда мы вышли из кризиса... Кроме него и его команды никто эти задачи не ставит и не способен решить».

Впрочем, Рой Медведев тут же признаётся, что оставаться только историком ему удаётся не всегда. «Когда я пишу об Андропове, Хрущёве, Сталине, то как историк смотрю на ту эпоху как на прошедшее время, как на события, которые уже состоялись. И здесь ничего не прибавить, ничего не убавить. Мне не с кем сводить счёты. О Путине я пишу, не буду скрывать, в какой-то мере и с целью поддержки... Но я старался быть максимально объективным. В его деятельности я видел шанс для России. Ведь мне, как гражданину, безразлична судьба страны».

Сегодня у нас разом вдруг объявилось немало граждан, кому вроде бы не безразлична судьба страны. Только вот безразличие, которое не опирается на здравый смысл и умение слушать других, которое зачастую оборачивается лишь послушным повторением чужих-то злых утверждений, вряд ли доведёт до добра эту самую страну.

Дмитрий МАКАРОВ

«ЛГ», № 39

«ЛГ», № 40

НЕРАЗРЕШЁННЫЙ ВОПРОС

Средненькие европейцы?

Так уж совпало, что на той неделе, когда в «ЛГ» была опубликована статья Т. и В. Соловей «Что не хотят русские», в Санкт-Петербургском университете проходила международная конференция «Русская идентичность и будущее православного мира в эпоху глобализации», посвящённая памяти выдающегося отечественного мыслителя Константина Николаевича Леонтьева.

Уже много раз отмечалось, что в прошлом и начале нынешнего века сбылись/сбываются практически все религиозно-философские, культурные и национальные прогнозы этого удивительного человека, вплоть до деталей. Вот и теперь, читая статью господ Соловей, я снова поразило, насколько далеко (и глубоко) видел этот эстет-монах.

Когда авторы, оговариваясь, что пишут кощунственное, утверждают, что «русские — вполне буржуазный и обычный европейский народ, мечты, надежды и желания которого самые что ни на есть буржуазные и обычные», мне вспоминается работа Константина Николаевича «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Там чёрным по белому написано, к чему ведёт подобная мечта на деле — к тому самому глобальному кризису рыночной цивилизации, который переживает сейчас весь мир: утрате смысла жизни. Его не заменишь ни усадьбами, ни мерседесами, ни футболом, ни сорока сортами колбасы.

Возведя в идеал — в предел мечтаний — спокойную и сытую жизнь, человек и народ теряют свою метафизическую перспективу, утрачивают образ Божий в себе и других, и конец такого общества и человека уже виден в буквальном смысле слова. Например, половину циркулирующей в Интернете цивилизованных стран информации составляют порнография и сатанизм разных мастей, и это подсчитано в килобайтах. Осталось только перенести всё это в жизнь, что уже и происходит гигантскими темпами.

Сказанное, разумеется, не означает, что русские должны специально искать себе страданий, лишений и испытаний...

Теперь собственно о нации. Промышленность, наука, культура, военная служба — вот традиционные точки приложения русской силы, которые сейчас в заgone. Реальная поддержка русских — возрождение всего этого. Пока всё остаётся как есть, русский Ваня будет проигрывать Фрицу, Джону, Рамзану и Науму. Русский Ваня кормится не банковской лихвой, пуританской бережливостью или лихим набогом, а землей, станком, автомобилем Калашникова. Неслучайно у нас не получаются кадиллаки, но получаются лучшие в мире танки и самолёты.

Однако национализм как таковой есть абсолютизация собственной нации, превращение её в непрекаемого «бога». И вот тут мне опять вспоминается Леонтьев со своей статьёй «Национальная политика как орудие всемирной революции». Под революцией Леонтьев понимал именно всемирный буржуазно-либеральный прогресс вместе с определяющим его типом человека — собственника, эгоиста, мешанина. И как раз в нём видел главную угрозу мировой истории. А в буржуазных националистах усматривал людей, которые сознательно или бессознательно способны утверждению на вершине мировой пирамиды такого «обезьяночеловека».

Статья г. Соловей и есть манифест классического буржуазного национализма, возникшего в Европе в XVIII веке и приведшего ныне к тому, что некоторые мыслители называют «инферногенезом» — всё более очевидной демонизацией современной жизни, сейчас уже постхристианской, а скоро и антихристианской. Гениально писал Леонтьев: «Не ужасно и не обидно было бы думать, что Моисей взошёл на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пуниче-

ские войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благоденствовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?»

Ещё один принципиальный недостаток концепции г. Соловей — её явный антиисторизм и невнимание к культуре. Во всём тексте статьи нет ни слова об истории России, кроме разве что замечаний относительно враждебности русского народа к государству. А русское государство не русские, что ли, создавали — исключительно варяги, немцы, евреи?

В настоящей статье не хватит места для того, чтобы привести хотя бы малую толику доказательств государственности русского народа — от Куликова поля до Прохоровского. Да, построил такую многонациональную державу, кормить и просвещать её дорогого стоит, но потому русский народ и является истинно великим народом, а не просто сборищем бюргеров, которые пьют пиво с сосисками под аккомпанемент разговоров (а потом и кровавой войны) о тысячекратном рейхе. Отношения между русским народом и государством никогда не были европейскими и тем более американскими — «Смит против Соединённых Штатов». Это были отношения сына и матери-Родины, в какой бы одежде (царской, императорской, советской, демократической) эта суровая мать ни являлась. Русские — не европейцы и не азиаты, они русские.

Что касается культуры, то тут неуязва. Возьмите всю классическую русскую литературу и философию — где вы найдёте аполитичного буржуазного националиста? Может быть, это Чичиков — подлец-приобретатель? Или Штольц — немец-бизнесмен? Русский гений, от Чаадаева до Бердяева, сплошь антибуржуазен, и коммунисты (левые западники) успешно использовали эту соборную установку русского типа сознания в своих целях.

Пушкин принадлежал классической приговору русскому «европеизму»: «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой; история её требует другой мысли, другой формы».

Гораздо более тревожна, к сожалению, статья социолога Л. Бызова («ЛГ», № 42) о состоянии сегодняшней «новорусской» нации. Это действительно некий новейший «милл-класс», которого кто-то остроумно обозвал «быдл-классом» — «житель мегаполисов, абсолютно оторванный от своих национальных корней, природы и традиции, не интересующийся ни своими предками, ни историей страны, ни национальной культурой».

Как отмечает Бызов, указанные антиценности свойственны и современной русской молодёжи, которая вынуждена самоорганизовываться и добиваться своего места в жизни, не зная фактически ни истории России, ни её религии и культуры. Конституция всё это, социологи находят в указанных процессах «запрос на формирование новорусской нации, имеющей совершенно иную социальную и идейную основу» — идеологию массового потребления, не

желающую «нести бремени ответственности за судьбу русской цивилизации, за наследие русского суперэтноса вообще».

Опять пришли к национал-капитализму, только с другого конца, на этот раз со стороны молодёжи. Да, полевые наблюдения и опросы, особенно в мегаполисах, вроде бы подтверждают выводы Бызова. Эмпирически всё правильно.

Однако кроме социологических фактов есть ещё энергетика духа. Подобного рода молодёжь была (и даже количественно преобладала) в наших столицах всегда. Лично я встречал её в советские годы в ленинградской школе, учился вместе с ней на философском факультете Ленинградского университета и наблюдаю теперь в Санкт-Петербургском университете кино и телевидения, где я преподаю.

В каждом школьном классе и студенческой группе есть, в общем, три типа людей — активные (хотя порой бессознательно) христиане-патриоты, их прямые идейные противники и, наконец, «оболото», которым действительно «всё всё равно». На протяжении ряда поколений, которые мне приходилось лично наблюдать, соотношение верующих идеалистов и пошлейших нигилистов-обывателей оставалось примерно одинаковым — вот что необходимо подчеркнуть. Причём независимо от политических режимов, экономических формаций и даже телевидения-интернета.

Конечно, Бызов прав в том, что общий культурный уровень населения в России, да

Новые нерусские

В пригороде Волгограда у меня есть небольшой домик, что-то вроде дачи. Летом я почти всегда постоянно нахожусь там. И вот однажды за разговором я услышал чужую горланную речь. Проходила компания «лиц кавказской национальности», громко обсуждая какие-то свои проблемы. Спустился некоторое время снова послышались возгласы на непонятном языке — к магазину, расположенному рядом, направлялась группа таджиков. Потом прошли цыгане, потом снова кавказцы, потом опять таджики-строители...

Русской речи не было слышно. В какой-то момент возникло полное ощущение того, что мой двор перенесён в другое государство. А ведь когда-то выходцы из южных краёв в нашем посёлке были экзотической редкостью.

Так как же получилось так, что русские медленно, но верно становятся в южных городах меньшинством?

За разъяснениями я обратился к начальнику организационно-аналитического отдела УФМС России по Волгоградской области Галине АЛЯБЬЕВОЙ.

— Галина Владимировна, меняется ли национальная структура региона? И если меняется, то как?

— Согласно Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года, утверждённой в 2008 году, на территории области проживает более 110 национальностей и народностей, общая численность нерусского населения составляет 299,9 тыс. человек, или 11,1 процента от общего числа населения. Среди наиболее крупных и влиятельных общин: чеченская (численность около 70 тысяч человек), азербайджанская (75–80 тысяч человек), армянская (30–35 тысяч человек), казахская (40–50 тысяч человек).

Что касается изменений национальной структуры региона... Если проанализировать итоги переписи населения России и Волгоградской области, в частности в 1970, 1979, 1989, 2002 годах, мы увидим, что действительно численность русского населения в регионе уменьшается с 90,58% от общей численности населения в 1970 году до 88,89% в 2002-м. Зато растёт численность казахов, армян, азербайджанцев. Но то, что языковой разговор можно слышать где-то чаще, чем родной язык, это, скорее всего, частный случай. Здесь речь должна идти об увеличении численности иностранной рабочей силы.

Понятно, что гастарбайтеров гонят в наши края неустойчивость на родине, возможность заработать. Но над ними должен быть контроль хотя бы со стороны той же миграционной службы.

Гораздо больший демографический натиск наблюдается со стороны автономных республик Северного Кавказа, жители которых являются гражданами Российской Федерации. Формально у нас одна Конституция, один государственный язык, но по желанию ассимилироваться, принять местные порядки они практически ничем не отличаются от мигрантов из бывших союзных республик.

Зато им не надо регистрироваться и проходить таможенный и прочие контроли. Между тем реальность такова, что эта группа приезжих никоим образом не желает поступиться «своим уставом». Более того, они зачастую пренебрегают законами, да и просто нормами поведения местных жителей. Уголовная хроника пестрит фамилиями выходцев из Северного Кавказа.

У них много детей в отличие от русских семей, для которых два ребёнка уже стартовый демографический подвиг. Поневолье растёт опасение, что в один пре-

красный день мы окажемся в другом городе, где русские станут меньшинством.

— Каково соотношение в Волгограде «внешних» и «внутренних» мигрантов? Ведётся ли вообще учёт переселенцев из республик Северного Кавказа? Ведёт ли ФМС криминальную статистику?

— О соотношении внешних и внутренних мигрантов мы можем судить лишь по данным о постановке или снятии с миграционного или регистрационного учёта.

Учёт переселенцев из республик Северного Кавказа УФМС не ведёт, так же как и не ведёт криминальную статистику. Мы лишь можем использовать данные Волгограда и ГУ МВД России по Волгоградской области.

Ещё лет десять назад китайцы в России были экзотикой. Сейчас их встречаешь не просто часто, а очень часто. Среди студентов местных вузов есть китайцы. Они снимают квартиры, покупают дома. В городе открылся торговый центр, который так и называется — «Китай-город».

Картина района меняется буквально на глазах. Китайские мамы возят своих китайских детей в колясках, а их сопровождают китайские папы.

Довольно много жителей Турции. Многие здесь учатся. Некоторые турки едут к нам, как ни странно, отдыхать. Особенно их привлекает рыбная ловля. Там, в Турции, за это удовольствие надо платить, и много.

Кто-то приезжает и на постоянное жительство. С одним таким «новым русским» мне удалось побеседовать. К нам Измаила вынудила приехать экономика. Он — высококвалифицированный отделочник. Работал с братьями на стройках Москвы. На родине работы мало.

Итак, проблема мигрантов (внешних и внутренних) есть. Мы не единственные в мире, кто с ней столкнулся. Франция с её арабскими кварталами, Англия, Голландия, Скандинавия...

Россия с её уживчивостью готова понять и принять любую нацию. Но готовы ли мы стать национальным меньшинством? А ведь при нынешних тенденциях движимся именно к такому положению. Что будет в моём родном пригороде через двадцать лет? Кто будет соседом моих детей? Махмуд или Михаил? Людмила или Зульфия? Не останемся ли мы в меньшинстве, которое всегда легко сместить, выселить?

Георгий ПОПОВ, ВОЛГОГРАД

Тот самый вопрос

В опубликованной на днях статье Владимира Путина «Россия — национальный вопрос» много говорится о русском народе и его роли в истории и будущем страны. Историческая Россия — не этническое государство и не американский «плавильный котёл», где выявляются мигрантами, напоминает Путин. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство, в котором постоянно шёл процесс взаимного привыкания и смешивания народов.

«Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации — русский народ, русская культура. Вот как раз этот стержень разного рода провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России...»

Скрепление многонациональной и многоконфессиональной российской цивилизации, по мнению Путина, является «великой миссией русских». Наша цивилизация скреплена русским культурным ядром. Особая роль здесь принадлежит образованию. Поэтому необходимо повысить роль таких предметов, как русский язык, русская литература и отечественная история.

Именно об этом наша газета упорно пишет на протяжении уже многих лет. В следующем номере наши авторы и эксперты расскажут о своём видении затронутых Путиным проблем.

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

«Гость должен доказать, что явился с добром»

Елена Чудинова не считает, что Россия и христианская цивилизация в целом обречены

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Елена Петровна Чудинова. Родилась в Москве в семье известных палеонтологов. Училась в МГПУ, филолог и историк. Автор антиутопии «Мечеть Парижской Богоматери», романов «Ларец», «Лилея», «Декабрь без Рождества» и др. Лауреат премии «БАСТКОН» (2006), награждена медалью Св. Преп. Сергия Радонежского («Радонеж»).

— Споры о вашем романе «Мечеть Парижской Богоматери», вышедшем в 2005 году, до сих пор не утихают. Многие уже называют роман культовым. А вы как считаете, в чём его популярность?

— Это — болевая книга. Она, к сожалению, долгоиграющая, потеряет остроту только вместе с породившей её проблемой. Так бывает иногда: проблема зависает в атмосфере, как молния, ищет, в кого бы ей ударить. Книга о новой экспансии исламского мира в Европу не могла быть не написана. Мне принадлежат стиль, образы, знания, но не сам роман. Ударь проблема в другого писателя — художественные особенности были бы иными, название бы другое придумалось, но книга всё равно появилась бы. Я верю в материальность идей.

— В России, насколько мне известно, эта книга издавалась дважды. А за границей?

— Отстаёте от жизни! В России минувшей осенью вышло четвёртое издание книги с кадрами из одноимённого документального фильма. Первое иностранное издание появилось в Белграде в 2006 году. Перевод Любинки Миличич, сделанный совершенно бескорыстно. Любинка — сербская крёстная моей книги. Впрочем, таких крёстных матерей и отцов у книги немало. Во Франции сейчас расходится второе издание — это при характерном «заговоре молчания» со стороны больших СМИ. Есть норвежский перевод, тоже волонтерский и очень хороший. Но в Норвегии книга пока не издана. Зато существует пиратское издание в Турции, я о нём узнала совершенно случайно. Готовится издание на польском языке.

— Не боитесь обвинений в ксенофобии, расизме? Сейчас ведь так называемая политкорректность доходит до абсурда. Если бы в наше время творили Пушкин, Гоголь, Достоевский — их преследовали бы по 282-й статье, разве нет?

— Бояться вообще ничего не надо: «страх убивает разум». А нам сейчас без разума никак. Прежде всего надлежит поразмыслить, отчего слово «ксенофобия» нас так пугает? Оно означает — боязнь пришлых. Но ведь это же древнейший человеческий инстинкт. Пришлый, гость — он ведь должен доказать, что явился с добром. Докажи, говорил наш

древний предок-земледелец, что не хочешь съездить мои посеять, угнать моих дочерей в плен, разорить мой дом! Докажи, что принес полезное знание, ремёсла. Докажи — а если я тебе поверю, будем соседствовать. При современном же перевёрнутом сознании мы начинаем сами себе напереконки доказывать, что пришлый непременно хорош. Это неестественно. Опять же — если быть хоть немного разумными — обвинять христиан в «расизме» немощно нелепо. Впрочем, это весьма обманчивая наивность. Наклейщики ярлыков знают, что делают.

— А не обидно, что вас воспринимают как автора одной книги? Вы же ещё немало романов написали, в том числе и трилогию «Держатель знака» о Гражданской войне в России. А разговоры всё равно идут о «Мечети»...

— Совершенно естественно, что литератор узнаваем прежде всего по самой шумевшей книге. Но за другие книги мне печалиться не приходится — «Ларец» скоро

выходит четвёртым изданием, «Лилея» (роман о шуанах) — вторым. «Мечеть» — это произведение, в котором, как бы ни хотелось, нельзя отделить литературу от злобы дня, единственная моя книга в подобном роде. Надеюсь, таковой и останется. Ну а остальное — оно нигде не денется. Другие книги мои шажок за шагом занимают своё место, им-то спешить некуда.

— Стало быть, писать «Мечеть Василия Блаженного» не собираетесь?

— Нет, ни в коем случае! Я выбрала (в той мере, в какой вообще что-либо выбирала) Францию как некое средоточие христианской культуры. Судьба Франции затрагивает любого европейца, восточного ли, западного ли. Уверена, что никогда не возьмусь за новую книгу об исламизации континента. Я сказала всё, что хотела. Как писателю мне добавить нечего. Ну а элементы российской специфики — для этого существует публицистика.

— Вы часто бываете в Европе, в той же Франции. Каково отношение французам к вам? Воспринимают ли они нас как европейцев? Или мы для них — тёмная азиатская страна, от которой приходится ждать чего-то хорошего?

— Я месяцами живу в Нормандии, думаю, немного вправе судить. Но есть ведь разные французы. «Дикие азиаты» мы — для леваков, вот уж кто нас действительно не

любит и боится. Мои же друзья — то, что называется *francais de souche*, коренные французы, католики-традиционалисты, правые. В первый раз на католической книжной ярмарке Renaissance catholique в конце 2009 года я была просто потрясена, сколько доброго услышала от читателей о своей стране. Некоторые пытались со мною разговаривать по-русски. Очень многие говорили: «Россия — жива, она ещё спасёт всех».

— Вот писатель-эмигрант Анатолий Гладили, живущий в Париже, несколько лет назад сказал в интервью «Известиям»: «У меня ощущение, что людей, во мне которых Европа наводнена иммигрантами, когда-нибудь будут судить так же, как судили фашистов на Нюрнберском процессе...» А что об этом думают сами европейцы?

— Год назад я принимала участие в международном совещании «Против исламизации наших стран», собранном в Париже, в зале Шарантон. Это было огромным событием в политической жизни старой Европы. У нас, к сожалению, его почти не заметили. Намеренно либо случайно, не знаю. Но у меня, единственной русской участницы этого события, никто в России по возвращении даже интервью не взял. А ведь это после Шарантона намелились новые властные тенденции отношения к проблеме. Европа начинает мучительно осмыслять свои ошибки, допущенные, как оно, впрочем, всегда бывает, из самых лучших побуждений. Мы же, напро-

Три обязательных вопроса:

— В начале XX века критика наперебой говорила, что писатель измечдался. А что можно сказать о нынешнем времени?

— «Ах, вернуться бы в доброе старое время, на пять десятков лет назад — вот вечная наша поговорка с того дня, когда Адаму пошёл пятьдесят первый год» — так писал в своё время Джером К. Джером. Между тем XX век явил своих великих, иных, быть может, но несомненных. Спады и подъёмы неизбежны. Сейчас время спада. А отечественная литература только что и в острой форме переболела постмодернизмом. Но ведь ничто не ново: перед Шатобрианом и немецкими романтиками были Вольтер, Шодерло де Лабло, Гюми на самом деле тот же духовный упадок, глум, смрад, пустота. Думаю, пора уже ждать новых имён, новых открытий.

— Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

— Боясь, сыграла дурную роль коммерциализация литературы. Мы её видим, закрывая глаза глупо. Прошла она не без помощи крупных изда-

тельств, плеников «проектного» мышления. Ведь даже Мартин Иден (характер всё же не вполне русский) мог мерить буквы центами и центры буквами только до той поры, пока деньги были для него символом признания. Когда они сделались «просто деньгами, на которые можно что-нибудь купить», он писать перестал, как мы помним. Сегодняшний литератор, заложник «маркетинга», «проект» и проч., писать продолжает. Иной раз — даже неплохо писать. Но владеть умами может только действительно свободный писатель. Творчество без читателя? Не знаю. Не так-то просто ответить. Помню, как я перестала писать стихи, а ведь была в юности очень неплохим поэтом. Но что-то переменялось. Поэзия, которая была нашей первейшей насущной необходимостью, вдруг взяла и ушла. Не совсем, конечно. Но перестала быть воздухом и хлебом. Я чувствовала, что задыхаюсь. И тяжело заболела. Чтобы подняться на ноги уже прозаиком. Не хотелось бы пережить подобное вновь.

— Подводя итоги: на какой вопрос вы хотели ответить, но мы вам его не задали?

— Я ждала самого банального вопроса: какой новинкой готова порадовать читателя? Между тем новинка поспела. В конце зимы издательство

«Вече» выпустит новое издание моего цикла исторических романов о семье Сабуровых и де Роскоф. Но дилогия стала трилогией — и шагнула в XIX век. Роман «Декабрь без Рождества» — продолжение семейной саги, романов «Ларец» и «Лилея». Тема на сей раз специфически русская. Мятаж декабристов. Очень я их не люблю, этих «детей революции», мерзавцев, которых уже несколько поколений драпирует в романтические тоги героев. Всё это, мне неважное: «от Синода к Сенату, как четыре строки». Я пытаюсь показать, что герои 14 декабря совсем иные люди — это гусар Николай Павлович и те, кто готовился за него умереть. Работа над книгой была как никогда долгой и тяжёлой. XIX столетие я вообще не люблю, но пришлось следовать за моими героями, которым теперь в нём жить. Мне не впервой полемизировать в художественной форме с историческими оценками реальных лиц и событий. Читатели «Ларца» помнят, что моя книга подлила масла в огонь в спорах, что не затихают вокруг фигуры Иоанна IV. Но по сей день делят дебаты и вокруг декабристов. К моему изумлению, ряд современных историков сейчас ищет в декабристах некую новую «национальную идею». Этих я не пораду. Конечно, это всего лишь мой взгляд. Но я не могла его не высказать.

РВАННОЕ ВРЕМЯ

Живая Римма

В этом январе Римма Фёдоровна Казакова могла бы отметить своё 80-летие. Однако её не стало в мае 2008 года, вроде бы совсем недавно и уже вечно назад... Это произошло в подмосковном санатории «Перуховское» в час дня. Предположительно, оторвался тромб... А легла она в санаторий для профилактики остеопороза. Это болезнь, которой в основном болеют немолодые дамы. От недостатка кальция кости становятся хрупкими и легко ломаются. Римма Фёдоровна ушла из жизни на 76-м году жизни.

А за пару месяцев до её ухода мы с ней в последний, как оказалось, раз говорили по телефону. Как обычно, обо всём на свете. Она была очень живая, подвижная и даже импульсивная натура. Десять лет она работала первым секретарём Союза писателей Москвы, решала вопросы и проблемы коллег и друзей, билась за то, чтобы отстоять помещение союза, всерьёз страдала, что организация, которая повела за собой две тысячи писателей, осталась на улице в результате бюрократической борьбы за общую писательскую собственность. Отчасти в этом были виноваты и функционеры самого СПМ — временные полуписатели.

— Ты представляешь, есть люди в администрации президента, которые ко мне хорошо относятся... — призналась Римма. — Для меня готовы сделать всё, что мне надо... Прошу о союзе — ничего не получается.

Меня это не удивило. Новой российской власти мощный Союз писателей по образцу Союза писателей СССР был не нужен. Тем более демократическая его фракция. Такой парадокс, точнее, один из парадоксов нынешней российской действительности. Люди, которые в каком-то смысле привели к переменам в стране, оказались ненужными, выброшенными из реальной жизни. Впрочем, такое положение вещей — не парадокс, это закон истории: гилра революции всегда пожирает своих детей и соратников... Просто делает это каждый раз непредсказуемым образом.

— Римма, — ответил я, — ну зачем тебе всё это? Ты замечательная поэтесса, ты известна, даже знаменита, твои песни поют по всей России... Зачем ты тащишь на горбу эту организацию? Сиди в своей прекрасной квартире, пиши стихи, выступай — много денег всё равно не будет, но ведь и нуждаться не будешь...

Но Римма не могла отказаться от участия в общественной жизни. Со-

циально активная личность, она не могла не заниматься делами других людей.

Вспоминаю Казакову, я называю её Риммой. Это не фамильярность. В течение почти четырёх десятилетий я называл её просто по имени. И не только я, а практически все, кто с ней общался.

Примерно тридцать семь лет назад, в начале семидесятых, когда моё поколение с опаской, но стали допускать в писательский дом на Герцена — в ЦДЛ, мы гудели в Пётрском зале: Володя Шлёнский, ещё кто-то из тех, кто назывался «молодыми поэтами». Внезапно к столу подошла Казакова. Мы уже были знакомы по советским вечерам. Мы были участниками, а Римма вела семинары. В этот вечер в хмельном задымлённом кафе она подарила мне своё только что вышедшую книгу «Снежная баба».

В конце прошлого — начале этого века снежные бабы вывелись как класс: в Москве на них не хватало снега. А тогда эти существа, скатанные обычно из трёх снежных шаров, с глазами из угольев и озорной морковкой вместо носа охотно насеяли наши дворы и скверы. Название «Снежная баба» отсылало и к снеговикам, и одновременно несло ещё несколько смыслов, среди которых слышалось и «нежная баба», да и просто «баба» в самом бытовом — ни в коем случае не уничижительном смысле. Римма Казакова — тоже была этой Снежной бабой, и хрупкой, легко уязвимой, и одновременно двухликой и талантливой женщиной из российской глубинки. Была она и дамой, о чём написала стихи, и матерью, и хорошим другом. Учила испанский язык, много ездила по стране, бывала за границей, в том числе и на Кубе, где испанский оказался очень кстати. Через много лет она написала о своих странствиях:

Я столько километров отмотала, как птица, в долгих поисках тепла! И поняла: от жизни так устала, так я устала, что едва цела.

Она в те годы дружила не только с Володей Савельевым и Таней Кузовлевой, но обожаала поэта Евгения Евтушенко, была товарищески очень близка с Инной Кашежовой. В семидесятые годы её часто можно было увидеть с Инной за чашечкой кофе и рюмкой коньяку в уникальном по составу своих посетителей Пётрском зале ЦДЛ.

Очень контактная, Римма вообще всегда была способна легко позна-

комиться и подружиться с самыми разными людьми. А в творческой среде дружить не так просто. У неё это получалось. Правда, получались не только друзья.

В 1978 году незадолго до очередного съезда советских писателей она вступила в партию. (Для тех, у кого короткая память или тогда не жил, напомню, что тогда в стране властвовала единственная партия.) Это была акция с далёким прицелом, и действительно, на очередном съезде Союза писателей СССР Римма Фёдоровна была избрана в руководство союза и стала рабочим секретарём по пропаганде.

Любопытно, что тогда же заторопился вступать в партию поэт и переводчик Владимир Цыбин, он тоже рвался в секретари. Но без партийного билета попасть на такие должности было почти невозможно. Вот эта иерархия партийного и беспартийного и называлась номенклатурой. Вообще когда сегодня говорят о тоталитарном режиме — отсчитывая с 60-х годов прошлого века, часто преувеличивают свирепость и жестокость этого режима. Никто никого не заставлял — всё делалось добровольно. Вы могли быть просто поэтом, ещё лучше — хорошим поэтом, вас издавали, и никто даже не собирался вас обижать. Но если вам хотелось подняться вверх по общественной и административной лестнице, то уж будьте добры!.. Ну а разве сегодня не так? Сам Цыбин вообще был властолюбив и к тому же ревностно соперничал с Казаковой. Но партийность секретаря «большого союза», как тогда называли всесоюзное писательское руководство, Владимира Дмитриевича так и не сделала. Он стал председателем Творческого объединения поэтов Москвы и одним из секретарей Московской писательской организации. Также весьма заметные трибуны для литератора.

Римма Фёдоровна пробывала в должности секретаря Большого союза несколько лет. Потом ей пришлось уйти. Точнее, её заставили покинуть секретарский пост. На неё «наехал» Володя Лазарев. Володя, конечно, был завистник. Он не понимал, почему песни на стихи Риммы поют со всех эстрад, а его песни едва звучат... Также он ополчился на песенного «чемпиона» — удачливого Михаила Пляцковского, напоминая — автором текстов песен «Хмуриться не надо, Лада», «С голубого ручейка начинается река», а главная его песня — это, конечно, «Мой адрес не дом и не улица — мой адрес Советский Союз...» и ещё полсотни шлягеров, не понимая, что песни Миши поют не только потому, что тот удачлив: у Пляцковского было невероятное песенное чутьё. Лазареву этого чутья явно не хватало. Так или иначе Римму из большого руководящего кресла он выдвинул. Ну и что? Она осталась замечательной поэтессой.

С годами социальный темперамент Риммы Казаковой не угасал. Она так же пламенно, как и при Советской власти, возмущалась бездумием чиновников, болела душой за писателей, которых новая жизнь отбросила на обочину. Когда один полубезумный издатель пригласил её дать стихи в его журнал, Римма ему отказала: за литературный труд надо платить, а редактор любил халю — он не платил авторам. В итоге основанный им журнал приказал долго жить. Римму любили читатели, она много выступала, отвечала на вопросы в телепрограммах, приняла участие в создании Гимна России на музыку Глинки, писала тексты для песен — они звучали на эстраде, издавала книгу за книгой, короче, была востребована в новой российской реальности.

В конце 80-х — начале 90-х годов, когда порушились старые связи и отношения, мы несколько лет не общались. А впервые после перерыва встретились в «Московском рабочем», издательстве, которое вскоре будет захвачено рейдерами, как многое из прошлой жизни. Помнит мне, это была презентация, может быть, даже первого номера альманаха московских писателей «Кольцо «А», потому что нас встречала Татьяна Кузовлева — главный редактор издания, которое продержалось лет пятнадцать. На этой встрече я в последний раз увиделся с Юрием Нагибиным. Вскоре он, грузный, больной, обиженный всем на свете, ушёл из жизни. Сердце не вынесло нового миропорядка.

Тогда мы разговаривали с Риммой, как будто последний раз виделись вчера. Она, как и раньше, осталась очень контактным, лёгким,

быстрым в общении человеком. Рассказала, что приходит в себя после инфаркта — была в тёмных очках. Очки, наверное, скрывали синие круги под глазами — свидетельство сердечной недостаточности. Стало понятно, почему её лицо, обычно очень живое, было словно заёрнуто серой тенью...

Но сердечная недостаточность — это одно, а сердечность человеческая, душевная — совсем другое, и её у Риммы хватало на всех. Не зря она была выбрана первым секретарём нынче полумифического Союза писателей Москвы, где, кстати, я и сам состою, и стала заниматься делами друзей, коллег, знакомых ей литераторов и заодно своими.

Сердце временно пришло в порядок, но жизнь в порядок уже прийти не могла. В Перedelкинe стореда дача, где она жила... В многочисленных фракциях недавно могучего Союза писателей начались скандалы, разгоралась вражда, сведение счётов, сражность в Лиффонде, приходилось брать сторону одних против других. Всё это, конечно, подрывало нервы, снова било по сердцу поэтессы. К этому можно прибавить и личные проблемы. Как и всякая женщина, — а тем более талантливая, красивая, страстная, — Казакова искала своё счастье. Но счастья не получалось.

Римма была во многом человеком противоречивым. Например, в середине 90-х годов прошлого века она яростно защищала от нападков одного из кумиров и друзей своей творческой юности — поэта Евгения Евтушенко. А в новом веке сама нелицеприятно критиковала его — и не только приватно, но даже на поминках — по Владимиру Корнилову в зале траурных церемоний Боткинской больницы прошлась в надгробном слове в его адрес. Имени не назвала, но все поняли, а кто-то даже удивился.

Вместе с прозаиком и политологом Игорем Харичевым мы не раз бывали у неё в гостях на улице Чайнова. Совсем недавно я заглядывал в книжную лавку «У кентавра». Дорога вела как раз под окнами Риммы. И мне снова вспомнилось эти очень дружеские посиделки. Почему-то припомнилась на самом видном месте в прихожей её квартиры фотография Габриэля Гарсиа Маркеса, подаренная поэтессе, с автографом гениального писателя.

Казакова не только стихи писать умела — была она прекрасной хозяйкой, умела пожарить картошку и посолить красную рыбу. Готовила вкусно, за столом в её кухне получался хороший разговор. Помню приготовленные ею заку-

тив, мечемся сейчас из крайности в крайность, лишь бы не глядеть правде в глаза. То охотённо цепляемся за «секонд-хенд» западноевропейской либеральной идеологии, то бездумно твердим об «особом пути» России. В определённом смысле, конечно, путь у России действительно особый. Но это не значит, что она может оказаться в стороне от процессов, затрагивающих весь христианский континент. Россия не может, не должна и не будет жить вне остальной Европы.

— Вы пишете острые политико-социальные колонки для журнала «Эксперт», в разное время сотрудничали с национал-патриотами, а заняться политикой всерьёз нет желания?

— Нашей литературе вообще всегда была присуща несколько чрезмерная «гражданственность». Так уж повелось, что делается. Как писатель, чьё мнение о злобе дня востребовано, я не могу вдруг взять и подняться в башню слоновий кости. Но — становиться политиком? Помилуйте! Я решительно беспартийна — всю жизнь!

— Вы — убеждённая христианка. А чего, повашему, не хватает христианству сегодня? Посмотрите, всюду строятся храмы, а количество верующих не только не увеличивается, но и уменьшается.

— Тут есть с чём поспорить. Как раз в моей колонке на «Эксперт-онлайн» я недавно писала о том, сколь внушительна наша жизнь опровергла кое-какие сложившиеся стереотипы. Миллионы людей, в холод, с детьми — все пришли на поклон Поясу Пресвятой Богородицы. Стояли долгие часы. Очень неожиданная, очень внушительная демонстрация народного выбора. Некоторые либералы это настолько задело, что заговорили со злости о «примитивном магизме», о том, что «раньше за колдобой стояли, а теперь — за Богом, совкам-де лишь бы очередь была». Я понимаю, либералам обидно. Ведь вроде бы уже решили и договорились, что «огромные толпы верующих» — это не православные. «Пассионарной» сегодня назначена совсем иная религия. И вдруг такой афронт. Не станем обольщаться, традиции православной жизни вправду разрушены — ведь семь десятков лет именно их выкорчевывали с особой злобой. Но душа-то народная осталась христианкой. Хочется или нет — а теперь придётся это признать.

— Вы не считаете, что христианская цивилизация обречена?

— Не в большей мере, чем Россия. Сколько нас уже хоронили как страну? У кого было столько же времён Смутных? А мы всякий раз выживаем. Христов континент — как я люблю называть Европу — не впервые претерпевает враждебные нашествия. Сейчас, быть может, оно особенно страшно оттого, что Европа разделена изнутри секуляризмом, её иммунные системы ослаблены. Но ведь сегодня о христианских корнях, само упоминание о которых ещё недавно было под запретом, заговорили вновь! Случайно ли? Не думаю. Нас ждут интересные перемены.

Беседу вёл Игорь ПАНИН

ки на огромных плоских белых тарелках. Сама Римма Фёдоровна не отказывала себе в удовольствии выпить пару рюмок водки. На застольях бывали разные люди. Как-то мы встретились в её доме с Таней Кузовлевой, с Кириллом Ковальджи, душевно общались с её сыном прозаиком Егором Радовым.

Казалось бы, совсем недавно она сидела в Малом зале ЦДЛ перед гробом Саши Ткаченко, как-то беспритворно находившись. Рядом стоял Егор. Я подошёл к Римме — было безумно больно провозжать Сашу. Неожиданно пришло время провозжать в последний путь её саму. Нашу Снежную бабу из поэтической юности. Гроб с телом поэтессы после отпевания в храме на Маросейке выставили для прощания в Большом зале ЦДЛ. В 12 началась панихида.

Давно на писательской панихиде не собралось так много знакомых и незнакомых людей, в основном литераторов. Смерть Риммы задела многих из тех, кто давно даже не появлялся в бывшем писательском Доме.

Захоронили Римму Фёдоровну Казакову на Ваганьковском кладбище. Вот тут, думается, без помощи людей из президентской администрации не обошлось.

И вот неожиданно 80-летие со дня рождения. А мне вспомнились стихи Риммы, написанные чуть ли не тридцать лет назад:

Поэзия — мужское дело, волюй труд, солёный пот. Зачем же Орлеанской девой в поэты девочка идёт?

Именно вот такой мне запомнилась Римма Казакова — дружелюбная и непримиримая, она всегда тянулась к молодым стихотворцам, старалась помогать не только друзьям, но часто просто коллегам или малознакомым людям. Для Риммы Казаковой понятие «поэтический цех» было наполнено смыслом и делом. Может быть, поэтому её тоже не забывают... Она осталась в памяти многих из тех, кто её окружал. В первом и единственном номере гламурно-поэтического журнала «Поэтоум» целая страница была посвящена поэтессе: обложки почти трёх десятков её книг.

Римма была очень живым человеком. Такой и осталась в памяти.

Сергей МНАЦКАНЯН

ДИСКУССИЯ «ПОСТМОДЕРНИЗМ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ»

Поминки по постмодернизму

Постмодернизм в России скорее мёртв, чем жив. Как спетая песня: больше не зажигает.

В политике это стало ясно сейчас, когда даже самые циничные политтехнологи пытаются принять искренний, человеческий вид, а гламурные дивы выходят на баррикады.

В литературе процесс пошёл значительно раньше, вопреки недавним запоздалым триумфам наших доморощенных писателей-постмодернистов. Ну да, Елизаров получил «Русского Букера», пожертвовав своей концептуальной маргинальностью ради мейнстримного признания, а Шишкин и Сорокин — «Большую книгу». Но это шлейф вчерашней славы.

Да и Шишкин с Сорокиным в начале века переменялись, каждый по-своему, но в чём-то важном совпал с ведущей тенденцией — к новой серьёзности и искренности, новому реализму, который я (следом за Акилле Бонито Оливой) склонен называть трансавангардом.

Хотя это не самые захватывающие примеры; интереснее, пожалуй, было смотреть, как, наступая на одни и те же грабли, изводил себя и терял читателей Юрий Буйда, пока к рубежу 10-х годов не нашёл новый звук и новое дыхание.

Как мутировал, перерождался игровой метод Пелевина, ставшего главным русским сатириком начала нового века, нашим угрюмым и беспощадным Свифтом.

Или как выдавливал из себя по капле постмодерниста Тимур Кибиров.

Как, наконец, невосприимчивы оказались к ироническому перемешиванию молодые писатели, от Сергея Шаргунова и Елены Георгиевской до Марины Кошкиной и Натальи Ключаревой, от Анны Русс и Алексея Блокарева до Веры Полозковой...

Суть в том, что постмодернизм в России оказался гносеологически и этически бездарен.

Этически это операция прикрытия победительного, как чудилось ещё вчера, цинизма. Пародийная инверсия русского нигилизма, хулиганства и гопничества. А у цинизма короткий век. И он бездетен. Сегодня он кончается повсеместно, сливается в канализационные стоки истории. Вместе с глумом и стёбом, с пошлыми подмигиваниями и сортирным юмором. С мутью гламурной, бордельной эпохи.

Гносеологически это опровержение прогноза Михаила Эпштейна, в незапамятные времена отождествившего постмодернизм с мистической апофатикой. Прорыв к иному в нём не задан, а даже демонические вещи выглядели (например, у Шарова) неуместной детской шалостью.

Нашей литературе он не дал ничего значительного, сопоставимого хотя бы с творческими западными корифеями Павича и Эко. Да хоть Зюскинда. Игровой проект русского постмодернизма не то чтоб провалился, но иссяк, ушёл в массовую литературу, разве что технически её обогатил. Достижения его сугубо второстепенны. Возможно даже, что они ему не принадлежат. Ведь у него нет монополии на свободу, которую обрёл в современном мире писатель. Эта свобода (и связанные с нею искушения, поражения и победы) и прежде бывала запредельно чужда безопорному релятивизму. Скажем, в поздней прозе Юрия Давыдова. Или у Юрия Малевича, Евгения Кузнецова.

Не постмодернизм как направление в искусстве породил свободу, а свобода как главная предпосылка творческой самореализации в современном мире стала вызовом, на который каждый отвечал, как умел. И если раскованность становилась разнузданностью и безответственностью, то это является результатом личного выбора художника, а не законом мироздания. Не нужно пу-

тат ставшую фактом жизни ситуацию культурного плюрализма с релятивными поведенческими рефлексивами, пусть даже популярными, тем паче — с оглушительным произволом личной воли.

Сейчас смешно вспоминать, как лет 15 назад интеллектуалы вроде Вячеслава Курицына с важным видом провозглашали, что рельсы прогресса ведут к станции «Постмодернизм», что иного пути нет, да и не надо. Утверждали, что «наш паровоз» здесь и остановится, поскольку дальше ехать некуда. Да и незачем. Записывали в свои претречи Набокова и Венедикта Ерофеева, возводили свою генеалогию к «Пушкинскому Дому» Битова и «Школе для дураков» Саши Соколова.

людей к настоящему, с жадной подлинности в мире социальных и культурных фикций, декораций и игр. Оказалось, что без правды можно жить пять и даже десять лет — но нельзя всю жизнь. Для души невыносимо; как замечательно — каждый по-своему — показали это Малевич в «Конце игры» (о да, и в «конце игры»!) и Маканин в «Асане», привела своих героев к катарсической смерти, ставшей испуительным оправданием их запустелой жизни. Мне кажется, это лучшая проза 2000-х, «нулевых», слава богу, закончившихся, ушедших в дым в неморозном, ростепельном декабре 2011-го.

Помню, как в донкихотском противостоянии авансцене литературной

в которой существует искусство последнего художественного поколения. Поиск настоящего, попытка постичь, осознать и выразить истину возвращаются в литературу как доминанта и как мейнстрим. Таков вектор литературного опыта. Отвергая фантомно-манипулятивный характер художественной рефлексии как аксиому, трансавангард конца минувшего и начала нового века в России вдохновляется идеалами новой серьёзности, пафосом ответственности и ангажмента, долга и миссии.

Последние стали первыми. Впрочем, они и не были никогда последними, и нам ещё предстоит осознать последнее двадцатилетие в его собственном духовном содержании и литературной значимости. Как на Западе рядом с Эко был Уэльбек, так и у нас не иссякал поиск ответа на новые жизненные вызовы огромной силой.

Возникло новое проблемное пространство. Мистерия творчества призракает новый вид и наполняется новым смыслом.

Писатель, во-первых, делает попытку решить почти неразрешимую проблему: нащупать надёжную почву вопреки факту её отсутствия в конкретно-эмпирическом опыте. Потому он часто являет нам оскорожность, раздёрзанность души современного человека как такового. Его творчество — это попытка рефлексии об ускользающей идентичности, поиск ответа на вопрос: «Что такое Я?»

Особенно характерный аспект — передача травматического опыта. Человеческая травма — это встреча с болью и это уроки потерь. Это концептуализация жизни как перманентной утраты, как тотальной неудачи.

С другой стороны, нужно оценить в современной литературе присутствие реальной тайны, её автор знает, что в этом мире мерцающее отражается не условно-примышленное, а вполне реальное, онтологически конкретное инобытие. Писатель скептически отрубает слишком прямые пути к Абсолюту, отбрасывает старые оболочки (может быть, слишком даже решительно). И за счёт этого достигает новой ясности и новой простоты в отношениях с Иным.

От декаданса — к барокко. От гипертрофии игрового концепта, исходящего из представления о самодостаточности рассудочного конструирования, от капризного эстетизма — к той поляризации бытия, которая ведёт (очень ярко, скажем, у Сенчина, Павлова, Палей) к актуальным свидетельствам о безыдейности наличного существования, но так, что мы угадываем здесь — может быть, не всегда уверенно — наличие недостижимого, непостижимого, но несомненного Неба. Неба души. Угадываем серьёзность вопроса, обращённого не в чести), сколько влудь.

Наконец, новая литература открывает (пока не очень решительно) наличие читателя не как пассивно-нейзбежной фигуры потребителя-покупателя, но как живой и творческой личности. Возникает новый тип писательско-читательского взаимодействия и интенсивного читательского соучастия в литературе (живое слово, интернет-коммуникация и сетевой резонанс). Он оборачивается феноменом незавершённости смысла литературного произведения: оно завершается уже в индивидуальном опыте читателя, слушателя, что, вероятно, неизбежно и может вести как к умножению хаоса, так и к приращению смысла.

Это хорошие, бодрящие новости.

Евгений ЕРМОЛИН

ФОРУМ

Неевклидовы рифмы

В Казани прошёл Международный поэтический фестиваль имени Н. Лобачевского. В основу фестиваля легла идея о близости и даже взаимном влиянии поэзии и математики. Это первый в России литературный фестиваль, носящий имя математика. Автором идеи и организатором фестиваля стала казанская поэтесса Лилия Газизова.

Начался фестиваль с круглого стола «Моя прогулка с Лобачевским», который вёл новосибирский поэт Владимир Берязев. Участникам было предложено совершить гипотетическую прогулку с великим учёным. Все участники согласились с тем, что для того, чтобы создать выдающееся литературное произведение и совершить открытие в науке, необходимо обладать образным мышлением. Во время встречи не раз звучало высказывание Пушкина о том, что «вдохновение необходимо в поэзии так же, как в геометрии». И хотя нет убедительных доказательств того, что поэт и математик встречались, эта фраза могла быть сказана, думается, после встречи с великим основателем неевклидовой геометрии.

скового движения России и Казани в начале XIX века» (Альфия Галимуллина, кандидат педагогических наук, Казань)...

Один из фестивальных дней прошёл в Доме-музее В. Аксёнова, где состоялась презентация «толстых» литературных журналов России. И открыл этот поэтический марафон вечер авторов журнала «Сибирские огни», которому в этом году исполняется 90 лет. Кстати, 90-летний юбилей в 2012 году отметит и татарстанский журнал «Казань утлары». Это старейшие региональные литературно-художественные журналы России.

С особой теплотой прошёл «Вечер на троих», в котором приняли участие известные поэты Равиль Бухараев, Владимир Берязев и Алексей Остудин.

Идея фестиваля объединила не только поэтов, но и математиков, философов, религиозных деятелей, композиторов... Неслучайно в его рамках в научной библиотеке им. Н. Лобачевского прошла научно-практическая конференция «Влияние неевклидовой геометрии на художественное сознание».

«Змеиной мудрости расчёт...» и поэзия вдохновения» (Равиль Бухараев, поэт, Лондон), «Неевклидов трансцендентализм русского художественного мышления (Игорь Цветков, протоиерей, кандидат богословия, Казань), «Лобачевский и поэзия Серебряного века» (Рахим Гайсин, кандидат филологических наук, Елабуга), «Новаторство Велимира Хлебникова: попытка создания «новой мифологии» и «сверхязыка» грядущего свободного человечества» (Наталья Елизарова, поэтесса, Москва), «Казанское семиколье» и воображаемая геометрия Н. Лобачевского как парадигмальные единицы словаря «казанского текста» (Галина Зайнуллина, литературный критик, кандидат искусствоведения, Казань), «Н. Лобачевский в контексте просветитель-

С сообщением «О фестивале» выступил поэт и литературный критик, организатор Международного Волошинского поэтического фестиваля в Коктебеле Андрей Корвин. Множество вопросов к выступающему свидетельствовало о неподдельном интересе к этой популярной в XXI веке форме литературной активности.

Многие гости отметили высокий уровень организации форума. Не пропущены даже такие мелочи, как блокноты и значки с эмблемой фестиваля, которые раздавались участникам. В кулуарах фестиваля в самых разных контекстах употреблялось слово «неевклидовый»: «неевклидовый» поэт, «неевклидовый» вечер, «неевклидовы» рифмы и т.д. И это тоже говорит о том, что фестиваль пробуждает интерес к «неевклидовой» области математики и к её гениальному создателю.

В будущем году великому геометру исполняется 220 лет. Хочется верить, что Международный поэтический фестиваль имени Н. Лобачевского станет традиционным.

Сююмбике САВЕЛЬЕВА

David Della Venezia

В этом декларативно-наивном детерминизме меня, отчаянного свободолюбца и мистического анархиста, уже тогда, в начале 90-х, жутко раздражала директивная, «напостовская» нотка: странная, парадоксальная претензия на обладание последней истиной — об отсутствии истины как таковой.

Господа, если вы не имеете об истине никакого представления, то это не значит, что её нет вовсе. И если мы не доверяем тем средствам и формам, в каких её публично предьявляют, если мы не согласны с её приватизацией самодовольными бездарями, то из этого совсем не следует, что она невыразима — ну да, апофатически или, скажем так, диалектически. Как делали это, кстати, Набоков и Вен. Ерофеев, Борхес и Фаулз.

Перелом наматился уже в конце 90-х годов, с их читательской любовью к нон-фикшн, породившей, кстати, лучшую нашу выставку-ярмарку Non/Fiction. Литературный вектор явно совпал с обозначившейся тягой

жизни 90-х я одно время всерьёз считал себя неоконсервативом и чуть ли не реакционером. Но связывать себя исключительно с прошлым мне совсем не хотелось, никогда. Мне не нравилось название сборника «Арьергард: против наступления на культуру» (ЭОН. Альманах старой и новой культуры. Вып. V. — М., 1998), куда вошла и моя статья, и начали казаться не очень убедительными консервативные литературные пристрастия Станислава Рассадина, Ирины Роднянской, Ренаты Гальцевой, не говоря уж о неосоветских патриотах и сомнительных почвенниках.

Домой возврата нет, историческая Россия возникла навсегда, в том числе литературно, как и советский андеграунд... Я был той смешной и нелепой птицей, которая ждёт очистительной бури, я ждал только обновления жизни и обновления литературы. Смейтесь сегодня снова, но литература обновилась. Обновляется. Это очевидно.

Бонито Олива говорил, что трансавангард — это «культурная атмосфера,

ЛИТДИНФОРМБЮРО

ЛИТПРЕМИИ

Стартовал двенадцатый сезон премии «Национальный бестселлер». Цикл 2012 года пройдёт в следующие сроки. 17 января — начало, публикация списка номинаторов. 7 февраля — публикация длинного списка и состава Большого жюри. 12 апреля — публикация короткого списка и представления Малого жюри. 3 июня — финал.

Организационный комитет Литературной премии УрФО, учреждённой под патронатом Полномочного представителя Президента России в УрФО Евгения Куйвашева Ассоциацией писателей Урала, завершил работу по приёму произведений, выдвинутых на соискание новой престижной литературной награды. Короткий список будет опубликован через месяц. Итоги конкурса планируют подвести в канун Международного дня писателя, отмечаемого 3 марта. Пять лучших произведений прозы, поэзии, краеведения, документалистики и критики будут отмечены денежными премиями по 75 тысяч рублей каждая, дипломами и нагрудным знаком.

Объявлены имена претендентов на получение XIII Всероссийской литературной премии имени Бахова. В короткий список премии в 2012 году вошли молодой екатеринбуржец Александр Бавилов со сборником стихотворений «Итальянский нокторн», известный уральский художник Алексей Рыжков с книгой в жанре занимательного краеведения «Нарисованный город», Вячеслав Рабинович с издательским проектом

«12 поэтов Екатеринбург» и издательский проект содружества детских писателей Екатеринбург «Путешествие по Уралу с детскими писателями». Также в списке значатся Андрей Юрич из Кеморова, Тамара Михеева из Челябинска, поэт Наталья Кускова из Омска, челябинские краеведы Татьяна Корецкая и Владимир Поздеев, писатель Николай Григорьев и поэт Лия Кулешова из Челябинска, нижегородский писатель Василий Овсепян, Юрий Горюхин из Уфы, пермский поэт Владимир Винниченко и прозаик Андрей Зеленин.

Награждены лауреаты национальной премии «Имперская культура». Среди них много литераторов: поэты Евгений Юшин (Москва) и Владимир Молчанов (Белгород), прозаики Герой Советского Союза Сергей Коновалов и Лариса Северикова (Москва), Пётр Чалый (Воронежская обл.), Елена Пустовойтова (Владимирская обл.), Георгий Марчук (Минск), Андрей Грунтовский (Санкт-Петербург), Павел Тужилкин (Саров), публицисты Александр Родионов и Анатолий Кириллин (Барнаул), Максим Шевченко, протоиерей Александр Шестак, Лариса Лыкошина, Елена Бондарева, Игорь Янин (Москва), Галина Егорова, Елена Соколова (Волгоград), литературовед Дмитрий Неаченко, критики Валентина Ефимовская (Санкт-Петербург) и Анатолий Мирошниченко (Харьков).

В короткий список премии «Книгру» вошли произведения нескольких известных авторов, но отдельного издания удостоился только один проект. Теперь все тексты-финалисты будут выложены на сайте премии, где за них сможет проголосовать любой подросток,

зарегистрировавшийся в качестве члена жюри. Всего в шорт-лист премии попали 15 претендентов из многих регионов России и зарубежных стран. В каждой номинации могут быть присуждены три премии — за 1-е, 2-е и 3-е места. Денежный приз лауреатам соответственно — 250 тыс., 150 тыс. и 100 тыс. рублей. Результаты конкурса будут объявлены 20 марта в канун Недели детской книги.

Роман-биография «Лимонов» французского писателя Эммануэля Каррера, который ранее получил премию «Ренодо», удостоился «Премии премий», созданной Пьером Лероном, топ-менеджером издательской корпорации «Лагардер». Лауреат «Премии премий» был выбран из авторов, которым в 2011 году присуждены восемь главных литературных наград Франции.

ЛИТКОНКУРСЫ

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу объявило о проведении регионального конкурса на издание литературных произведений. Участниками конкурса могут стать жители края, а произведения победителей будут изданы за счёт средств регионального бюджета. Конкурс проводится в шести номинациях: художественная проза, поэзия, публицистика, литература для детей и юношества, краеведение и первая книга. Документы на участие в конкурсе принимаются до 15 февраля.

Второй детский международный литературный конкурс «Сказка в новогоднюю ночь» стартовал на интернет-портале Вектор-успеха. рф. Конкурс включает три номинации: сказка, сти-

хотворение, фантастический рассказ или рассказ в стиле фэнтези. Приём работ осуществляется до 8 февраля. Участие в конкурсе может принять любой автор в возрасте от 6 до 18 лет.

ЛИТУРАТЫ

В Йоккема скончался выдающийся переводчик творчества Л.Н. Толстого профессор Такаси Фудзунума. Наибольшую известность Фудзунума снискал как исследователь и переводчик Льва Толстого. В круг его научных интересов входила вся русская классическая литература и фольклор. На протяжении многих десятилетий он был активным участником культурных связей между Японией и Россией, неоднократно приезжал в нашу страну.

С прискорбием извещаем, что в Пскове на 65-м году жизни скончался замечательный русский прозаик Владимир Курносенко.

На 62-м году жизни в Магнитогорске скончался поэт, журналист, лауреат Литературного конкурса имени К.М. Нефедьева Юрий Ильясев. Соболезнуем землякам и близким.

ЛИТВЕЧЕРА

В Санкт-Петербурге в доме книги состоялась презентация нового романа Ильи Штемлера «Нюма, Самвел и собачка Точка», посвящённого проблеме совместности людей разных взглядов и национальностей. Петербуржцы тепло встретили новый увлекательный роман известного автора, действие которого разворачивается в тесноте обычной коммунальной квартиры, но типичностью межнациональных обид и конфликтов проецируется на всю страну.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный Дом литераторов Большой зал

27 января — к 80-летию Риммы Казаковой. Юбилейный вечер, начало в 19.00.

28 января — юбилейный вечер, посвящённый 20-летию творческой деятельности Флоры Фавиной, начало в 18.00.

29 января — «Искренне Ваш». Юбилейный вечер поэта Владимира Исачева и представление новой книги, начало в 15.00.

26 января — представление новой книги Нины Красновой «Избранное», начало в 18.30.

27 января — «Живи, свободная душа». Творческий вечер Л.И.Т.О. «Ясноцвет», ведущая — Нина Дубовицкая, начало в 18.30.

30 января — творческий вечер Бориса Виленского, начало в 18.30.

Музей В.В. Маяковского Лубянский пр., д.3/б, стр. 4

31 января — поэт Тимур Зулфикаров, начало в 19.00.

Клуб «Русский институт» Малый Пешковскийский, 9/8, стр. 3а 26 января — презентация книги Елены Генерозовой «Австралия», начало в 19.00.

Детская галерея «Якиманка» Б. Якиманка, 26 29 января — блоготворительный фонд «Поделись теплом», презентация книги «Любимые сказки пологого слона», начало в 17.00.

Союз литераторов России Георгиевский зал Российского общенационально-политического центра Лучников пер. 4 26 января — открытие сезона, презентация книг Кати Рубиной «Рассказики» и Александры Олейниковой «Уходящая натура».

ПОЭЗИЯ

«...и не кончилось время на наших часах»

Сергей СОКОЛКИН

Кто — обретаю, а я теряю снова
права на жизнь по правде, не по лжи...
И оправдаться — разве только словом?...
Но это надо кровью заслужить...

Идёт война на виртуальном свете,
нас атакуют солнцита врагов.
Вопят с небес зачёркнутые дети,
в экраны зрят мильоны дураков.

Зачем же я, душою обнимая
тебя, моя безумная страна,
шепчу пароль, в надежде призывая
тебя — в пустыню бездну — имена?!
Все имена...

Но были-небылицы
сплавляются в одну простую мысль.
И я шепчу — и воздух шевелится,
— сиюминутный мир теряет смысл,
как прорванная мухой паутина...

Вот за окном светлеет горизонт.
Но речь темна, слеза и нелюдима,
в ней нет ни слова, —
все ушли на фронт.

Бедный, малограмотный народ,
он в Берлин придёт, он доползёт.
...А над Волгой бабы будут вить,
от чужих — своих детей растить.
Лебеду и землю молча жрать,
от убитых — сыновей рожать.
Бога нет,
но есть приказ — вперёд!
Бога мой народ потом найдёт.
Сэкономит порох, динамит, —
но Гагарин в космос полетит.
Колокольный и кандаальный звон.
Бога нет,
чернил
и нет бумаги —
кровушкой Ему напишет Он
на когда-то грамотном Рейхстаге.
Он ещё откинется потом...
Про народ я...
Несибаяем Он.

Петру Калинину
И сказал мне дядя Ваня,
бывший кент вора в законе,
бывший... — лагерная вохра,
Ворошиловский стрелок:

— Зря не бацай,
СССР был,
как кулак народов братских...
В общем,
если шмайсер держишь,
жми сильнее на курок.

И сказал мне дядя Ваня,
шоркнув сталинской наколкой:
— За слова свои ответишь,
так что много не бацай...

В жизни столько баб красивых,
что одной по горло хватит,
так что больше, чем пролотишь,
в свой стакан не наливай.

И сказал мне дядя Ваня,
разливая, не скучая,
выключая телевизор,
матерясь на беспредел:

— Гитлер — падал,
Ельцин — тоже!
И народ — пацан, в натуре...
А менты ещё покажут —
кто и где
чьё мясо съел.

И сказал мне дядя Ваня:
— Зря не бацай, паря, глоткой,
на рожон не лезь без бабки,
партия нам что велит?!

Мол, вокруг все п... (голубые. — С.С.) —
в телевизоре иazole...
Изменяется природа,
мир на месте не стоит...

Но сказал мне дядя Ваня:
— Жизнь нельзя сдавать без боя! —
и налил за край и выше,
наградной взяв револьвер, —

Гастарбайтеры достали,
а скины совсем тупые...
Где ты, дядя Сталин?!
Суки, —
развалили СССР!

Как хорошо в последний день Помпеи
пройти по улицам заснеженной Москвы.
На миг любви — в бессмертье поверие,
услышав из-под снега рост травы.

Увидеть в небе ветра зарождение,
в голубке серой Божий лик узреть...
И что-то вечное смехнуть, как наваждение,
ещё пока не время умереть...

Твои глаза...
Но что-то говорит мне,
что всё не так, как мне мечталось быть.
И сердце сокращается в том ритме,
в котором мы давно не можем жить.

Счастливым быть уже я не сумею.
Другая жизнь у Родины в крови.
Моя душа — безумнее Помпеи —
в последний день несбывшейся любви.

Кто умер, тот уже бессмертен, —
порукою — сыра земля.
Давно живём без тьмы и света,
но кто здесь ты и кто здесь я...

Шеннёшь:
— Прости, Россия-мама,
в своей забытой Богом мгле
с душой пустой, как голограмма,
не весящей уже ни грамма,
мы к небу ближе, чем к земле...

Сын за отца не отвечает...
А слово — словно воробей.
И поле жизни заматает
заморский ветер глумовой.

Но вдруг внезапно прозреваешь...
Как с бодуна приди домой,
ты взглядом прошлое пронзаешь
и понимаешь: ты здесь свой.

Не вырывая даже йоты
судьбы, прожитой не тобой,
что стала главной частью плоти
и полностью твоей душой...

Невыносимы муки эти!
Отец, прошу, сойди с креста.
Бессмертье страшнее смерти,
когда бояться перестала...

На душе соловьями отпели рассветы
и поплыли закаты в глазах-небесах.
И твои поцелуи, как бабочки лета,
обречённо застыли на талых губах.

В волосах терпкий запах созревшей полыни,
пьяный запах измятой девичьей мечты.
Но сентябрь замерца, и серебряный иней
проступил сквозь родные до боли черты.

Я ведь врат не умел никогда. И не буду.
Я безумно любил и терял — не одну...
И растратил полжизни — на счастье,
как будто...

Пил, гулял, в драках часто бывал я некстати,
но не продал друзей, Русь в себе не сгубил.
И пуская мезотонны души я растратил,
для тебя ещё больше осталось в груди.

И я понял, что счастье — сидеть просто рядом
и полюбью дышать твоих душевных волос,
задышавшись во тьме раскалённого взгляда,
отгоняя печаль накапившихся слёз, —

оттого, что ты есть на планете-планете
и не кончилось время на наших часах, —
там, где, как соловьи, надорвались рассветы
и взорвались закаты в глазах-небесах...

ШАМИЛЬ И ЦАРЬ

Абдулле Даганову
Велик Шамиль —
под знаменем Пророка —
когда в глуши смотрящих в небо скал
адамов древних тёмные пороки
огнём кровавым в душах выжигал.

Упрям Шамиль, уверовавший свято
в свой волчий жребий, как в земную сыть,
когда — на русский —
средством газавата
Аллаха волю стал переводить...

Но мудр Шамиль, дошедший до предела,
когда, душой неустовой горя,
смирясь,
Кавказа раненое тело
отдал на милость Белого царя.

Умён и славен царь-«завоеватель»
когда,
чтоб души тяжкие спасти,
имам Шамиля, поняв как брата,
«на покаянье»
в Мекку отпустил.

Под бестрепетным лунным прицелом
слышу землю с другого конца.
И ложусь в неестественно белом
на могилу отца-праотца.

Слышу зовы и рая, и ада,
но во тьме не пойму, где какой, —
в небеса с лёгким шелестом
падаю,
в небо смерти и жизни самой.

И когда человеки лихие —
с пулей-ножичком
тешатся тьмой,
мертвецы,
испокон не чужие,
вырастают стеной крепостной.

Пофамильно,
повзводно,
поротно
мои прадеды-деды идут
с ненаглядными,
с самыми «родными»...
И дядёв молчаливых ведут ведут.

Сердца стук —
словно бубен шамана,
дословесная тёмная речь.
Предки,
смертью прикрывая раны,
жизнь живую выводят стеречь,

прорастая во мне васильками,
проливаясь водою живой,
и губами шепца, и сердцами:
— Не боись, сынок, мы с тобой.

Крест нателный к губам прижимаю
и о здравии Бога молю.
То ли жизнь мертвецам продлеваю,
то ли смерть приручаю свою.

РУССКИЙ ФЛАГ

Русский флаг, что русское оружие,
как улыбка Ваньки-дурака,
что с лица не сходит,
птицей кружит
вдоль по сердцу — в тучах-облаках.

...Оба войска пали над обрывом,
прокричал стервятник вдалеке,
звёзд лучи скрестились над заливом,
ангелы поплыли по реке...

Умирает Ванька, но счастливый,
древко жсав в некрогнувшей руке.

СТАНСЫ

Жизнь нас всех воевала,
к земле пригибала
и, связав,
навязала чужую игру.
Мимо нуля летала,
но не доставала,
лишь нырять заставляла
в любую дыру...

Пусть не сразу мой рост доходил до оконца,
быть сильнее и выше мне было не лень, —
ведь чем ниже садилось усталое солнце,
тем длиннее была на земле моя тень.

Жажда губ ножевых колотила и била,
имена пропадали в звенящей нови.
Ведь чем больше девочек меня погубило,
нерастроченной больше становилось любви.

Я был вечно влюблён,
уж такая порода...

Но менялась Отчизна,
менялись тела.
И не так было всё у страны, у народа.
И тебя я не знал,
хоть в душе ты жила.

Годы,
словно бродячие псы на дорогах,
под колёса бросались, рыча и визжа...
Ну а я от тебя,
как когда-то от многих,
скрыть пытался сжигающий сердце пожар.
Я ведь жил и мужал
и накапливал силы,
чтоб талант свой намыть

в трудной русской воде.
И отдать без остатка родимой России,
и отдать без остатка любимой тебе.

Не хочу, как все,
торговать или хапать,
я хотел бы служить,
понимаешь, служить.
Хватит сил ли, не знаю, —
энергии хватит,
чтоб ракету-носитель на Марс запустить.

И бессилие душит,
пьянит, словно брага, —
никому я не нужен здесь, в «этой стране».
И страна не нужна,
и народ — бедолага,
и не нужен язык,
— словно мы на луне...

Ты устала со мной.
И разверлилась вера.
Слышишь,
дочка за стеной Мадонну поёт...
И метусь я душой,
переполненной ветра,
восемь разных ветров продувают её.

Ты жил с великими поэтами,
как с ровней.
Но они ушли,
ушли кто Стиксами, кто Летами,
ушли, как в море корабли.

Ты жил,
но ничего не понял ты —
судьбу, считай, не оправдал.
Лишь дни сомнений вместе пропиты,
мерцает памяти бокал.

А в нём, на дне, все тайны Китежа,
и льётся небывалый свет.
Песнь слышится...
Теперь молчи уже.
И прямо с неба жди ответ.

Глаза росы

Иван АКУЛОВ

Всё исходит из высшего смысла.
Сыновья автохтонной Руси,
Мы века на плечах коромысла
Балансируем, лишь бы росы
Слышать Слово да видеть зарницы,
Да погону луны за лещом,
Да два слова из уст молодости
Под черемуховым плащом.
Мы обязаны солнцу и влаге,
Небесам и земным якорям
Самой жизнью в подаренном благе,
Удивлением календарям.
Нам ли жаждать иного в обиде!
На кого и на что?
Жизнь — как свет!
Хорошо: довелось — и увидел,
Что на свете её лучше нет.

Всё распадается. Время распада —
Точка отсчёта — цветение сада
Или, точнее, пора созревания
Яблока, жёлудя, ветра, желанья.
С первого шага, нет, с первого крика
Видны морщины глубокие лица —
Это начало процесса, событие,
Если забыть обаянье наитья.
Да, мы наивны! И — невероятно —
Не замечаем на солнышке пятна.

Мать России — деревушка.
Город — названный отец.
В срубе Родины избушка —
Нижний основной венец.
Самый нуждный, самый-самый,
Вне пространства и поясов,
С бабами и мужиками
Посреди лесов, осов.
Истекают деревушки
Ручейком степным в песке.
Церкви, церковки, церквушки
По Руси стоят в тоске...

У августа глаза росы,
Он пахнет звёздами и мёдом:
Из августа народ Руси,
С его ладоней родом.
Сон августа пухов,
по бровь —
Плат из цветов, душиста пята...
Над августом плывёт любовь,
Как лебедь белая, крылата.
Взмахнёт крылом — падёт перо
На поле — хлебом,
в рощу — златом...
Иди и собирай добро,
Живи счастливым и богатым.

* Паземка — земляника.
** Волот-Велес — бог богатства.

ЮБИЛЯЦИЯ

Мистический деревенщик

Исполнилось 60 лет замечательному прозаику Сергею Алексееву

Родившийся в Томской области в семье охотника-промысловика, будущий писатель буквально с пятилетнего возраста начал заниматься охотой и рыбалкой. Учился в школе, находившейся в семи километрах от дома, куда приходилось ежедневно добираться пешком. Уже после восьмого класса Алексеев начал работать молотобойцем в кузнице. А вообще перепробовал множество самых разнообразных профессий. Был и геологом, и журналистом, и следователем уголовного розыска. В 1968 году поступил в Томский геолого-разведочный техникум. Ночами подрабатывал на кондитерской фабрике. В 1970 году ушёл в армию. После окончания учёбы в 1974 году уехал работать геологом в полярную экспедицию на Таймыр. Поступил на юридический факультет Томского государственного университета. Странствовал по старообрядческим скитам Северного и Приполярного Урала.

Однако самым главным в его жизни всегда оставалась литература. Алексеев окончил Высшие литературные курсы в Москве, будучи уже состоявшимся писателем. За роман «Слово» в 1985 году получил премию Ленинского комсомола, в 1987-м — премию ВЦСПС и Союза писателей СССР за ро-

ман «Рой». В 1995 году удостоен премии имени М.А. Шолохова за роман «Возвращение Каина», а весной 2009 года стал лауреатом премии Кузбасса за роман-эссе «Россия: Мы и мир».

В первых своих романах Сергей Трофимович следовал традициям так называемой деревенской прозы, затем нашёл уже собственный стиль — сочетание реализма с мистикой, современности — с событиями истории, философских размышлений — с острым захватывающим сюжетом. Известность ему принесли произведения «Тайна третьего кургана», «Тайный омут», «Суд», а также роман «Крамолла», состоящий из двух книг. В романах «Стоящий у Солнца», «Земля Сияющей Власти», «Звёздные рань», «Хранитель Силы», «Правда и вымысел» писатель довольно своеобразно трактует историю славян. Тему прошлого и будущего России он поднимает также и в романе «Покаяние проколов». Огромной популярностью у читателей пользуется его приключенческий цикл «Сокровища Валькирии». Пьесы Алексеева регулярно идут на сцене Театра драмы в Вологде, где он жил с 1985 года и только недавно переехал в Москву. По его романам снято несколько фильмов.

Сергей Алексеев — страстный охотник и

мирный строитель. Построил собственноручно пять домов, десятков бань, часовню на могиле матери и деда, сложил несколько русских печей. Пробовал себя в живописи, драматургии, музыкальном продюсировании. Много занимается историей и этимологией русского языка. Факты его интереснейшей биографии описаны самим автором в повести «Материк», в романе «Сокровища Валькирии. Правда и вымысел», в романе-эссе «Ох, Охота!»

Можно с уверенностью сказать, что в современной русской словесности Алексеев занимает своё особое место, оставаясь независимым и ни на кого не похожим творцом.

«ЛГ» сердечно поздравляет своего постоянного автора с юбилеем, желает ему вдохновения и долголетия, а также ждёт новых произведений писателя.

Игорь ЧЕРНЫШОВ

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Габриэль Гарсиа Маркес. **О любви и прочих бесах.** — М.: Астрель, 2011. — 221 с. — 25 000 экз.

Повесть «О любви и прочих бесах» Маркес написал в 1994 году, но на русском языке она опубликована впервые. И хотя эту книгу сравнивают даже с историей Ромео и Джульетты, не меньше, чем любовь, в ней участвует невестество. Огромное людское невестество, граничащее с отчаянием и боязнь жизни, не поддающееся перевоспитанию, невосприимчивое к незаурядному. Можно сказать также, что это книга о различии между бешенством и бесноватостью. Мария Анхела не заразилась от укуса большой собаки, но яркость и свободолюбие её природы заставляют родственников поверить, что в неё вселились демоны. Возможно, избившись от этих подозрений у двенадцатилетней девочки ничуть не больше, чем было бы шансов излечиться от бешенства в восемнадцатом веке. Единственное, что оставляет читателя в утешение ироничный Маркес, — это что волосы, символ жизненной силы, «идут в рост» даже после смерти человека, их обладателя.

ПОЭЗИЯ

Московский счёт 2003–2011: Поэтическая антология. — М.: ОГИ, 2011. — 528 с. — 1000 экз.

«Московский счёт» — премия за лучшую поэтическую книгу года. Правда, книга при этом должна быть выпущена в Москве. Оценивают лучшие сборники сами поэты, вдобавок имеющие возможность проголосовать (отдать один из трёх голосов) за собственную книгу. И всё же премия «Московский счёт» не только престижна в кругу поэтов, но и представляет интерес для читателей. В особенности примечательна антология, явившая подборку лауреатов восьми лет, — именно тем хороша, что в ней отражён процесс длительный, характер пёстрый, сложный, и в массе «современной поэзии», несомненно, местами проглядывая высокое звание и назначение поэзии русской. Сборник хорош и для того, чтобы читатели разных поколений и мировоззрения могли услышать, выбрать близкий себе мотив — будь то Мария Галина или Борис Херсонский, Александр Тимофеевский или Андрей Васильевский, Юрий Кублановский или Олег Чухонцев.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей Марчуков. **Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время.** — М.: REGNUM, 2011. — 294 с. — 1000 экз.

Несмотря на название, в этой книге почти нет Украины — в ней есть Малороссия и Новороссия, Запорожье и Правобережье, и, конечно, Киев и Чернигов, древние русские святые. Потому что в русском сознании — так обусловлено русской историей и стародавней культурной традицией — запечатлены именно эти земли, в их родстве и непохожести. А русская культура для них — родная. Только так можно понять существование в нашей общей культуре Гоголя, вполне оценить гражданское мировоззрение Пушкина и Рылеева, Карамзина и Чехова. Марчуков написал книгу преимущественно историческую, но о такой истории, без знания которой бессмысленно вести речь о русской литературе и, более того, о русской самоидентификации. Подробно, с искренней любовью к материалу писатель исследует представление о Киеве как о заповедном месте, притягивающем паломников со всей Руси, и формированием мифа о Мазепе: находит и показывает тысячи нитей, которые держат, скрепляют Великодержавию и Малороссию.

БИОГРАФИИ

Андрей Тарасейчук. **Майн Рид.** — М.: Молодая гвардия, 2012. — 388 с. — (Серия «ЖЗЛ»). — 5000 экз.

Эдгар Аллан По говорил о Майн Рида: «Он выдумывает совершенно невообразимые вещи, но делает это так искусно и художественно убедительно, что я всегда внимательно его слушаю». Сын провинциального священника, ставший одним из создателей жанра приключенческого романа, Майн Рид охотно приносил художественный вымысел и в собственное жизнеописание. Биографы (из них первый — жена писателя) вынуждены были опираться на его щедрые признания... но Майн Рид путешествовал по свету значительно меньше, чем вспоминал об этом, да и с Э. По был не на такой уж дружеской ноге. И, однако же, он действительно успевал побывать и учителем, и охотником-траппером, а приняв участие в войне США с Мексикой, совершил самый настоящий, документально подтверждённый подвиг. Вышедшая в серии «ЖЗЛ» книга — первая подробная биография Томаса Майн Рида на русском языке.

ДЕТЛИТ

Светлана Иванова. **Тайна старого пирата.** — М.: СТС Пресс, 2011. — 224 с. — 500 экз.

Эта книга понравится маленьким, лет до девяти, детям, которые считают себя большими. Мало того, если ребёнок умеет читать, ему понравится читать её самостоятельно. Ведь взрослые прочтывают интересное место всего один раз, а если делаешь это сам — можешь тут же перечитать! По свидетельству нашего детского эксперта, такое желание возникает часто. Книга тамбовского писателя Светланы Ивановой не отличается новизной фабулы (пираты, сокровища и героические дети), но захватывает непредсказуемыми сюжетными ходами, яркими описаниями, забавными деталями. События сменяются, словно в калейдоскопе: главные герои успевают поручководить и школой для сердитых взрослых, и целой волшебной страной, попасть в плен и к пиратам, и к туземному племени, полетать на воздушном шаре и найти сокровища. «Тайна старого пирата» может стать сценарием для большого, увлекательного и доброго мультфильма — это заметно ещё и благодаря тому, что книга хорошо издана и иллюстрирована.

Книги предоставлены магазином «Фаланстер»

Главчит Татьяна ШАБАЕВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Исцеляющая ширь

Название поэтического сборника известного языковеда и культуролога, члена-корреспондента РАН Юрия Воронтикова вступает в конфронтацию с литературной формулой наших дней: «Невыносимая лёгкость бытия». И это не игра словами. «Тяжесть формы» в одноимённой книге — борьба Космоса и Хаоса, гибельной бесформенности и разумности жизненных форм. Лёгкость пустоты противостоит нелёгкому строительству мироздания — по законам добра и красоты. Формотворчество есть жизнестворчество, тогда как пустота бессмысленна и — «невозможно жить в ней, невозможно»... Отсюда — сомнение в исходном тезисе... «Но разве формы тяжелы / Для солнца или для пчелы? / Бесформенное — это смерть», — формулирует своё кредо автор в стихотворении, давшем название всему сборнику, — «Тяжесть формы».

Темы и мотивы, составляющие его лирическое пространство, традиционны и просты, в классическом смысле в основном это философская лирика о любви, творчестве и природе вещей, о времени и о себе. Открывающий книгу триптих «Дороги» задаёт мотив духовного странничества. Пути-дороги скитальцев русской истории неизбежно ведут к святыне Родной Земли, исконно — центру поэтического мира:

*Я остановлюсь,
до земли поклонюсь.
На стороне все на четыре
Тебе, моя Родина, тихая Русь,
Твоей исцеляющей шире.*

«Исцеляющая ширь» — и спасительная, и обязывающая суть мироощущения автора. Для него всё насыщено потаёнными смыслами:

Ю. Воронтиков.
Тяжесть формы.
— М.: Вече, 2011.
— 112 с. — Тираж не указан.

и негаданная встреча с пришедшей из прошлого возлюбленной, и белезья взрывы весенних деревьев, и замершая в полужесте рука с протянутым букетом. И — пронзительная тревога за старенькую мать, за близких и далёких, старых и молодых: за тех, кому выпали на долю голод, разруха, война, и за тех, кто ещё не успел прикоснуться к Истории.

Алла БОЛЬШАКОВА

Другая история Платона Беседина

Беседин П.
Книга Греха. — СПб.: Алетей, 2012. — 264 с. — 1000 экз.

Ещё совсем недавно на первый план в современном литературном произведении выходила матрица сошума, которая вместо фона становилась главным действующим лицом, имела доминирующее значение. Она подвёрстывала под себя всё пространство, будто чёрная дыра, втягивала человеческие вселенные, которым ничего не остаётся, как мимикрировать, приспосабливаться. А человек же часто был интересен в качестве отражения среды. Человек, как сейчас любят говорить, «среднестатистический» не имеет никакого влияния на среду, которая всё более становится саморазвивающимся организмом. Он практически перестал быть её субъектом.

Теперь же начали появляться произведения, которые поднимают вопросы о воле человека, а его способности к противодействию общему течению этих новых-старых реалий. Писатели начали вновь делать попытки заглянуть в душу человека, разведать её закоулки и понять причины её слабости и расшатанности. Это уже не классический «лишний человек», а человек разобшённого дифференцированного общества, где все отчуждены друг от друга и соединяются лишь в какие-то стаи, секты, сообщества на основе греха. Грех становится новым структурообразующим элементом эпохи. Страх греха — цемент, скрепляющий, повязывающий разобшённые элементы социума, пребывающие в беспечном и хаотическом блуждании. Не только о пленении грехом, которым повязан практически весь мир, но в первую очередь о рубцах от него на сердце человека написал в своём романе «Книга Греха» Платон Беседин.

Герой носит более чем говорящую фамилию: Данила Грехов. Он совершает «страшные вещи», не удосужившись родиться злодеем». Вернее, не совершает, а является непротивительцем этих «страшных вещей». Входит

в секту Кали, члены которой сами заражены и заражают окружающих вирусом, от которого умирают в течение трёх лет. Участвует в погромах фашиствующего общества.

Герой — орудие в игре, в том классическом плане, что весь мир — игра. Когда пустота внутреннего бытия наполняется ложью, Данила кажется, что «я действительно существую», и это тоже определённая игра. Такие повседневные атрибуты современной жизни, как пиво, мобильный телефон, телевизор, — причины большого перечня болезней, и не только социальных, а в первую очередь физических недугов человека, и на этом перечне автор подробно всякий раз останавливается. Они сопутствуют нашей обыденной жизни, любому её самым безобидным проявлениям. В том же пиве зашифрован определённый код, который формирует как человека, так и общество. Собственно, как и кровь в шприцах вездесущих сектантов, — она передатчик, носитель информации, её вирус — зашифрованный код. И соответственно разница между пивом и кровью с вирусом лишь в различных вариантах кодировки и в решении раскольничьей дилеммы: «тварь дрожащая или право имею», «охотник или добыча».

Вокруг Грехова умирают люди, он лишь с большей или меньшей долей эмоций наблюдает это, иногда и вообще безучастно. Он — «наблюдатель смерти». Собственно, и к своей жизни он относится без особого энтузиазма. Но всё это, естественно, до поры, пока печать смерти не затравивает слишком личные рецепторы, самые болевые. Мать Данилы заразила вирусом Кали в больнице, она в коме, и герой прозревает: «Моя жизнь — это лица близких рядом. Ради них я живу. И... буду жить. Вирус, ставший приговором, помог мне осознать, что все, кого ты любишь, умрут. Или умрёшь ты для всех тех, кого любишь». Эта боль стала для него Сонечкой Мармеладовой: «До комы матери я был мёртв. Она сделала мою Голгофу своей, и я ожил, воскрес».

Главное послание в книге Платона Беседина — православное учение о единой связи всех сущих, где грех одного частного элемента распространяется на всех, как в случае с грехопадением ветхозаветного Адама. Ты ответствен за всё, что происходит вокруг, даже если только снимал на видеокамеру, если был

только наблюдателем. Ты убийца — даже если только имел намерения убить. Это всё необходимо осознать и пережить, иначе грех будет единственным центром, модернизирующим твою личность и скрепляющим общество.

Это, с одной стороны, грех повязывает, соединяет людей в какие-то фашиствующие ватаги, секты, а с другой — пестует одиночество людей. Они в этом состоянии легко воспаляются им, становятся рабами удовольствий, которые со временем мутируют до чудовищных форм. Каждый замкнут в своём коконе, разобшён как с внешним миром, так и со своим интерьерным космосом: «Мы в телефонных будках взираем на мир сквозь заплясанные стёкла, а там никого». И пока каждый в своей будке говорит сам с собой и не слышит ответа — грех плетёт свою сеть, вирус кочует по венам, разъедая организм.

В книге Беседина прорехи в этой сети начинаются с переживания личной трагедии, которая больше тебя, когда герой начинает понимать главное: «грех — жить без ответственности». С момента, когда становишься ответственным, начинается возрождение. Возрождение с жертвы. В данном случае жертвы матери, которая своей провиденческой болезнью пострадала за сына и сбила код мира греха, вируса Кали. Окончательно — с личной жертвы, когда ты перестаёшь быть наблюдателем, а принимаешь на себя грехи всего мира, которые ранее лишь наблюдал, став теперь в глазах общества жутким маньяком. Этим окончательно порушаешь программу вируса, разрушаешь цепь греха и становишься свободным. Эти путём происходит излечение героя, он воскресает, как новозаветный Лазарь, как Родион Раскольников: ведь грех и раскол — это практически синонимичные понятия.

Герой Беседина прозрел и нашёл в своём сердце святую. Он узнал, что может быть альтернатива греху, — для этого необходимо перестать «тратить все силы, блуждая в затхло мрачной тесноте, ограниченной собственной персоной». Нужно писать «другую историю».

Андрей РУДАЛЁВ,
СЕВЕРОДВИНСК

ЛИТПРОЗЕКТОР

Афедрон: версия 2.0

Вышло в свет продолжение букеровского романа Елены Колядиной «Цветочный крест», который окрестили и смелым, и скандальным, и чуть ли не подвынным. Новая книга о приключениях Феодосии Ларионовой называется «Потешная ракета», и, что для «современной прозы» вообще нехарактерно, название отчасти соответствует содержанию. Про ракету там тоже будет, правда, совсем немного и в самом конце. А начинается роман с того, что Феодосия, которую влюблённый в неё стрелел спас из горящего сруба, приходит в себя в торговом обозе, где находчивый стрелел её припрятал, да ещё и переделал в целях конспирации монахом.

Что самое интересное, литературная Феодосия имеет реальный прототип. Вернее, прототипицу. В 1674 году в Тотьме действительно сожгли в порубе жёнку Федосью, обвинённую в колдовстве и наведении порчи. Правда, перед смертью она кричала, что «поклелала себя», не выдержав пыток. В дикой Московии разбирались с ведьмами так же лихо, как и в цивилизованной Европе. Или нет: на святой Руси — как и на загнивающем Западе. Такие пироги... Но если кто-то ожидает найти под обложкой авантюрный роман, где мастерски прописанная интрига и достоверно выведенные характеры соседствуют с достоверным историческим фоном, то ему суждено жестоко обмануться. «Очеса», «ушеса», «мудеса» и прочие стареобразные слова автора где-то навтыкала. Но это всего лишь маскировка, и не очень-то старательная. В книге, кое-как стилизованной «под древность», уютенько расположилась милая обывательско сердцу современность.

Вот, например, обоз держит путь в Москву — и Феодосия, то бишь холощёный монах Феодосий, туда же. Вопрос: а за каким чёртом ей потребовалось ехать в Москву? Ну, для современно-рошиянца этот вопрос лишён смысла — вроде как «зачем дышать и ходить по нужде». Понятно же: в Москве все деньги, в деньгах вся сила. Но так было не всегда.

Есть два рода великих империй: центростремительные и центробежные. В центростремительных богатая, пересыщенная всевозможными излишествами столица влечёт хватких провинциалов. Только в столице, и нигде более, можно «нормально подняться».

А в центробежных империях всё наоборот: сильной личности проще реализовать себя в колониях, Диких Землях, на Территориях, на фронтире.

Современная Российская Федерация — это, конечно, чистой воды центростремительная империя. А вот Российское государство времён царя и великого государя Алексея Михайловича было несколько иным. То есть совсем другим. Несмотря на то, что в московской державной традиции соединились европейский абсолютизм и восточный деспотизм, эта империя была, скорее, центробежной. Искатели счастья, забубённые головешки, отправлялись на Дон и Яик, за Камень, в Мангазею златокопнящую, на Мурман... а то и в Литву. Не один только «изменники-бояр» шнырял через литовский рубец.

А вы всё — «в Москву, в Москву», как заезженная пластинка... Да и феминисток (обоего пола) в то время не было. Вот, например,

авторша в силу извращённой фантазии вложила в уста стрелца такой прочувствованный спич: «У бабы какая доля? Огород, печь да горшки. Век её короткий, потому и называется — бабий. А мужу, коль не дурень, все пути-дороги открыты. Вот куда бы ты сейчас пошла в бабьем сарафане? Блудью бы обозвали и вослед плевали. В войско бабе не наняться, на лалье по морям не поплыть, ремеслом не заняться, земель новых не узнать».

Диагноз — хронический феминизм головного мозга, полный набор навязчивых фантазий. Вот только к реалиям XVII века это не имеет никакого отношения.

Во-первых, не были русские женщины той эпохи беспарными заботными теньями, голытагами из гаремов. Тем, кто сомневается, советуем обратиться к первоисточникам. Хотя бы прочитать тот же «Домострой». Но, поскольку это слишком объёмная книга, предлагаю начать с малого — скажем, с миниатюры «Сказание о молодце и девице». Наконец, в конце XVII века, задолго до «прогрессивных петровских преобразований», во главе страны стояла женщина (!), немужья (!) да ещё и имеющая фаворита (!!). Речь идёт о царевне Софье Алексеевне, сестрице будущего императора Петра I, если кто не догадался.

Во-вторых... Офисным недоуменным среднему роду трудно вообразить такое, но в обществах, именуемых традиционными, пресловутое «распределение гендерных ролей» всеми воспринималось как само собой разумеющееся. Мужчине — мужское, женщине — женское. И женская доля не хуже и не лучше мужской: она попросту другая. А чем чревата «смена гендерных ролей», повествуют озорные побаски вроде «Мужик за бабьей работой». Там главный персонаж, с большого ума предложивший жене на денёк поменяться с этими самыми гендерными ролями, в прямом смысле лишается мужского достоинства.

Неполиткорректные людишки были наши предки, что поделяш!

Однако едем дальше. В Москве Феодосья-Феодосий прибывает к Афонскому монастырю Иверской Божией Матери, он же «Шутиха на Сумерках». Эта в реальности не существовавшая учёной кабинетной представляется собой православную пародию на НИИЧаВо. Раз в год, к Рождеству, братия должна удивить народ техническими фокусами, выдаваемыми за чудеса, которые могут укрепить шаткие миры в вере. («Сии чудеса в нашем монастыре называются — укрепительные»; ладно, добро, что не слабительные.) Изобретательная Феодосья разрабатывает такие «чудеса и знамения», что её премируют паломничеством «в грецкие Метеоры... в составе делегации».

Ну, точь-в-точь как директор корпорации премирует трудолюбивого клерка путёвкой в Анталью или в ту же самую Грецию.

То, что паломничество несколько отличается от увеселительной поездки, — этого «руссо туристо» в сандалиях поверх носков попросту не в состоянии уразуметь. Современные анахронизмы в романе столько, что о них спотыкаешься, точно о черепа на взрытом бульдозерами кладбище. Откуда-то берётся старичок-экскурсовод, который рассказывает Феодосье-Феодосию про Кремль.

Летосчисление в романе ведётся не от Сотворения мира, как было до реформ Петра I, а от Рождества Христова: так проще авторше и понятнее читателю. Прогрессивный боярин Андрей Митрофанович («Андрей, просто Андрей») изрядно смыхивает на либеральное деятели, в недалёком прошлом без пяти минут премьер-министра, а ныне (времено!) оппозиционер Эра оранжевой масти...

Словом, в обёртке «под старину» мы видим дамский роман гламурной эпохи. Госпожа Колядина в своей творческой манере напоминает хрестоматийного чучку: «что вижу — о том пою». Если бы роман вышел лет на пятнадцать пораньше — там нашлось бы место и финансовым пирамидам, и смурным браткам, и стабилизационным кредитам, которые хронически нетрезвый царь выпрашивает, скажем, у Альбиона или у Флоренции...

Нет, конечно, обладательница «Русского Букера» — далеко не «чучка». Но своего читателя она считает то ли наивным дикарём, то ли на редкость ограниченным субъектом, воображающим мир, что окружает его в настоящий момент, вечным и неизменным. С ним, дурачком, надо попроще, без затей.

Кроме лёгкого презрения к читателю, который — было и не заметит фальши (а и заметит — так проглотит и возникать не станет), в романе более чем откровенно сквозит этакое высокомерно-пренебрежительное отношение к русской старине. Это особый шик: демонстративно презрительное незнание. По правилам хорошего «либерального» тона даже случайно обнаружить осведомлённость о русской традиции и культуре — зазорно само по себе. (Так, гламурной тусовщице стыдно знать, сколько стоит шаверма в ларьке или проезд в метро.) Что уж говорить о достоверном изображении исторического фона: в данном случае это было бы просто неприлично. Нерукопожатно. А нерукопожатным «букеров» не полагается.

Очевидно, география с недавних пор тоже в немилости у «прогрессивных» пишущих дам, потому что госпожа Колядина с божественной лёгкостью устроила маленький тектонический сдвиг в области альпийской складчатости в пределах Средиземноморского подвижного пояса: «Сии задние проходы (Варсофоний ухмыльнулся своей шутке) давно известны и установлены самовидцами. Наши, езда на Пиренеи, видели такой проход в ад — Везувиус называется».

Смешать город Помпеи с горами Пиренеями — это не каждому дано. После такого сакраментальный вопрос: «В афедрон не давала ли?» — беспомощно повисает в воздухе. Впрочем, финал «Потешной ракеты» указывает на то, что приключения Феодосии вне времени и пространства продолжатся в третьей книге, где нас ждут дальнейшие реформы отечественной истории, планетарной географии и, разумеется, раскрытие темы афедрона.

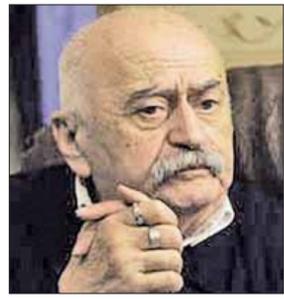

Владимир ТИТОВ

Елена Колядина. **Потешная ракета.** — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 256 с. — 6000 экз.

ЗВАННЫЙ ГОСТЬ

«Я не люблю капитализм»

Всемирно известному режиссёру и одному из ярчайших представителей советской и грузинской интеллигенции Резо ЧХЕИДЗЕ – 85. Но он по-прежнему полон замыслов и чутко реагирует на всё, что происходит вокруг.

— Резо Давидович, почему, на ваш взгляд, у нас парит такой беспредел на экранах? Текучесть крови, не смогла выстрелить... Де тот нравственный уровень, который сделал славу советскому кинематографу? — Вы абсолютно правы. Даже если советский фильм был плохой, нравственная составляющая в нём всё равно была. И это являлось несомненным достоинством советского кинематографа. Сейчас этого нет. Идёт какое-то оскорбление русской нации. Именно оскорбление! Показывают, как легко человека убивают. Святое имя Матери уничтожено. Показывают без конца грехопадение женщины: непонятно, с кем жила, от кого ребёнок — неизвестно... Ужасное впечатление! Причём, снимают примитивно, как фотограцию, потом клеят... Сценарий пишут во время съёмки... Нам как бы показывают: вот как легко кино делать! Каждый может...

— То есть сегодня это не искусство? — Не искусство. А главное — поощряется всё это. Вот по телевизору и идут такие фильмы...

— В Грузии так же? — Нет, в Грузии меньше. Потому что наши телестудии снимают редко — денег не хватает. А то, наверное, такой же ужас был бы.

— У нас говорят, что рынок и киноискусство — две несовместимые вещи...

— Конечно. Правда, когда читаешь записки Чарли Чаплина, то натыкаешься в конце на такую фразу: «Моя картина дала мне столько-то миллионов долларов». Ещё фильм закончил, снова пишет о доходах. А я, например, в жизни не спрашивал и не знаю, сколько денег давали мои картины. Потому что мы ничего, кроме зарплат, не получали.

— Деньги, получается, погубили кино?

— Знаете, может, это и глупо и человеку надо дать свободу, но сама религия не проповедует такую свободу. Наоборот, она держит вас в узде. Утром надо сделать так, потом в течение двух недель, месяца ограничить себя в чём-то. То есть религия держит человека в каких-то рамках... Человек — несовершенное создание. Если ему дать неограниченную свободу, он может и в зверя превратиться, начнёт поедать себе подобных...

— Так куда нам идти? Можете показать дорогу? Или Абуладзе уже всё сказал — к Храму, и никаких звезд...

— Я режиссёр и могу только через кино что-то сказать... В Москве уже показали мой последний фильм «Свеча с Гроба Господня». Это как раз для молодёжи картина. Но не только... Как один грузинский парень вёз благодатный огонь на родину. И как он менялся за время пути...

— Значит, всё-таки религия. В этом спасение? Дальше вы не заглядываете?

(Долго молчит.) — Есть сценарий 12-серийного фильма про Сталина...

— Это что, новая трактовка? — Да, во многом...

— То есть много лжи связано с этой темой?

— Абсолютной лжи. То, что он был таким...

— Жёстким и жестоким?

— Это факт, от этого не уйдёшь. Но без этого, знаете, государство не построишь. Он свою жизнь прожил в традициях Ивана Грозного, Петра Первого... У нас в Грузии тоже был свой царь Давид Строитель. Два века народ его не признавал! А теперь все считают его великим царём! Кстати, перед тем как умереть, он написал Покаяние. Его похоронили так по завещанию, что когда вы приходите в церковь, то обязательно должны пройти по его телу, его могиле. Он считал себя грешником. Мы

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Резо Чхеидзе родился в 1926 году в Кутаиси. В 1946-м окончил Тбилисский театральный институт имени Шота Руставели, а в 1953-м — ВГИК. Дебютировал документальными лентами, снятыми совместно с Тенгизом Абуладзе. Первый художественный фильм «Лурджа Магданы» был удостоен приза Каннского фестиваля в 1956 году. Среди известных лент: «Наш двор», «Отец солдата», «Саженцы», «Житие Дон Кихота и Санчо», «Свеча с Гроба Господня».

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии.

не знаем, что о нас скажут после смерти...

— Но вы представляете, сколько будет споров, если вам, дай бог, удастся поставить такой фильм... — Мне кажется, я знаю, как это сделать...

Что значит жестокость? Во имя чего ты это делаешь? Между прочим, люди говорят о жестокости, но никто не говорит о его гуманности. Сколько он делал для простых людей, для своих соратников... Особенно во время войны! Там была не только жестокость, но и много отцовского, дружеского отношения. И потом он был человеком религиозным...

— Думаю, многие с вами не соглашаются...

— Был такой случай. Когда после революции шли большие гонения на Церковь, он, не желая по-

казать свою симпатию к религии, придумал вместе с Луначарским те самые таблички, которые сейчас широко известны: мол, «памятник культуры, архитектуры, охраняется государством». И этим спас множество церквей по всей России. Рассказывают, что как-то шло заседание у Ленина, вбегает возмущённый Троцкий и кричит: «Владимир Ильич, вы знаете, что этот Сталин сделал?!» И бросает ему бумагу на стол об этих табличках. Тот посмотрел и положил под книжку. И ходу не дал...

— Но ваши оппоненты скажут: «А вот в тридцатые годы...»

— По-разному можно трактовать, но, например, известна записка немецкого генерала Гудариана, который наступал на Москву. В какой-то момент Москва была никем не защищена. Когда последние защитники пали, дорога была открыта. И Гудариан вспоминает: «Я не знаю, почему наши войска бежали. Какая была причина? Оборона уже не было. Бежали от какого-то психологического гнёта...»

Меня ещё, знаете, что удивило? Лет 10–15 назад по телевизору показали интервью, которое Константин Симонов в своё время брал у Жукова на даче. Он тогда спросил: была ли у маршала уверенность, что Москву удастся отстоять? И тот ответил: «Пожалуй, нет». Я тогда очень удивился...

Говорят, большую роль в тех со-

вокзал. К этому времени Леонов написал пьесу «Нашествие», но её никто не брал к постановке, потому что там герой — бывший узник. А они с женой уже знали, что скоро придёт машина и они должны уезжать.

Но Леонов категорически отказывался ехать, потому что послал Сталину эту пьесу. Жена ему: «Ты с ума сошёл! Такое положение критическое, а Сталину только и дел, что читать твою пьесу. Немцы вот-вот войдут в город». В это время раздаётся звонок. Звонит Поскрёбышев: «С вами будет разговаривать товарищ Сталин». Леонов начал объяснять, что его пьесе никто не берёт. Сталин его прервал и говорит: «Пьеса великолепная, отнесите её завтра в Художественный театр, они её примут». — «Да они не примут!» — «Отнесите, примут».

Тут Леонов поворачивается к жене: «Открывай чемоданы, мы никуда не едем. Москва не будет сдана!» А пьесу приняли и поставили, как сказал Сталин.

— Это будет в вашем фильме?

— Обязательно.

— А кто писал сценарий?

— Кроме меня ещё два человека. Один из них — журналист из партийной революционной семьи. Он очень хорошо знает внутренний мир, этикет верхушки власти. Между прочим, когда торжественно отмечали 70-летие Сталина, а как раз заканчивал учёбу во ВГИКе. Помню, показывали, как его поздравляли, что говорили, но Сталин в ответ ничего не сказал. Ничего! Не поблагодарил даже. Все встали и ушли. Я специально ездил в Белье Столбы, где вся плёнка хранится. Много смотрел. И убедился, что тогда он ни с кем не общался. А когда надевал шинель, сказал Микоян: «Строили коммунизм, а построили казарму»...

— Как сейчас в Грузии относятся к Сталину?

— Плохо. Считают, для своей родины ничего не сделал. Часть территории отдал другой республике...

— Скажите, как нашим народам жить дальше? Есть у вас рецепт?

— Этой проблемы нет. Это выдуманная проблема. Сейчас руководство Грузии держит американскую линию. Это купленные люди, они не понимают, чем это может обернуться, какое несчастье они принесут своему народу и всему региону.

Очень хорошо сказал наш патриарх Илия II: «Когда утром встаёшь, ты первым не солнце видишь, а видишь соседа. Место жительства нам никто не поменяет. Между нами большая граница, и мы должны хорошо относиться друг к другу». Вот пример: сын моей сестры в прошлом году женился на русской девушке, и мы живём в мире и согласии...

— Кого из режиссёров вы считаете самым великим?

— Такой человек у нас один — Чарли Чаплин. Это гениальный человек. И как актёр, и как сценарист, и как композитор... Он, кстати, первым показал, что такое капитализм. Всю его нелепость, извращённость нравов. Что это болезнь. Помните эпизод, когда машина кормит рабочего человека? Этим сказано многое...

— Получается, у капитализма нет будущего?

— Я не люблю капитализм. Не люблю. Считаю, что единственная дорога — это социализм. Но надо его поддержать как-то. Китайцы же сделали...

Вопросы задавал Юрий ДАВЫДОВ-ЗАВАДА

ВЕРНИСАЖ

Михаил Васильевич, Святая Русь

В череду выставок Северной столицы водни весёлые Святки и каникул впечатляет высота духовной планки, заданной их организаторами. В Инженерном (Михайловском) замке до 5 февраля продолжается выставка «Святая Русь». Знаменитые иконы, церковное облачение и, конечно, иллюминированные рукописи Древней Руси, представленные в петербургских музеях, и коллекциями Вологды, Сольвычегодска, Ярославля. Здесь ещё раз осознаёшь, насколько высока была роль эстетического начала и в знаменитом «выборе веры», и в утверждении православных догматов среди славян. Зрителей встречают модель великопленного ярославского храма Иоанна Предтечи в Толочках, настенные цитаты из «Слова о законе и благодати» первого русского митрополита Иллариона... И здесь же

анна Синайского, Троишь цветная, написанная чернилами и расцветочная темперой; печатные книги духовного содержания. Как всегда, выставку сопровождают интересный видеофильм и прекрасный каталог.

В парадной анфиладе залов Эрмитажа — одно из главных юбилейных событий ещё минувшего года: выставка «М.В. Ломоносов и елизаветинское время». Важность юбилея «русского Леонардо» предопределила долготу выставки: она открылась почти в день трёхсотлетия холмогорского гения, а продлится до 11 марта 2012 года. Зрителей встречают знаки праздничного времени «блестательной Елисавет», победительницы прусского короля.

Тут стоящие у дверей скульптурные

— кресты деревянные и каменные, рельефные крышки как со святыми мощами, портреты-парсуны царей XVII столетия. По соседству с властителями «бунташного века» — сцена обручения Лжедмитрия I с Мариной Мнишек, «примитивистская живопись» неизвестного польского мастера; а тут же по соседству — убиенный царевич Димитрий, изображённый на крышке раки из золота, украшенной целой россыпью драгоценных камней.

Но особое впечатление оставляют массивные тома манускриптов, раскрытые, «запечатлённые» под стеклянными витринами. Впрочем, их можно «полистать» благодаря современным экспозиционным средствам — на экранах тут же «лежащих» мониторов.

Ещё одно касание древности — в другом величайшем музее Северной столицы. Эрмитаж совместно с Новгородским музеем-заповедником организовал уникальную выставку «От бересты к бумаге. Книга Древней Руси» (она продлится до 19 февраля).

В небольшом зале — срез письменной культуры Средневековья, причём не только проявления монашеской учёности, но и повседневная жизнь грамотных горожан. Здесь перы — деревянные дощечки, покрытые воском; берестяные грамоты — частные письма городского люда. Вот любовное письмо образованной девушки, переписка монахов, заговор против болезни, жалоба городским властям на разбойников (с указанием конкретных имён — чем не предтеча нынешних борцов за социальную справедливость?), азбука, заветная молитва... А дальше — манускрипты на пергаменте, иллюминированные рукописи — Евангелие, Лествица Ио-

арачата, эскизы коронационных декораций — триумфальные ворота и даже фонтан для... вина, барочная изукрашенность мундиров, платьев на кармашке-панье, саней и конской упряжи. Здесь и сама прекрасная блондинка на троне... А рядом — труды и дни её гениального современника: рабочие инструменты, портреты соперников-учёных немцев, макет Усть-Рудичской мастерской и её свершения — мозаичные портреты, столы, стеклярусные панно. Если припомнить, чем Ломоносов занимался (от первого университета до разработки вертолёта), то можно воскликнуть вслед за Пушкиным: «Он сам был первым нашим университетом».

Смесь барочных излишеств и грации рококо — в изделиях мейсенского фарфора и Невской порцелиновой мануфактуры (русского, самостоятельно изобретённого Д. Виноградовым и М. Ломоносовым варианта фарфора), в изгибах рам и диванов-канопе и даже — в последнем из трёх залов выставки — в шедвре уже постоянной экспозиции музея, грандиозной серебряной раке святого князя Александра Невского. На выставке представлены и макеты петербургских храмов XVIII столетия (причём в предварительных, не осуществлённых вариантах), и религиозная живопись в масляной технике, вытеснившей традиционную темперную иконопись...

Выставка сопровождается видеофильмом и прекрасными аннотациями, а каталог — этот гигантский том весом в несколько килограммов — настоящий апофеоз научного освоения века пудры, мушек, дворцовых переворотов, интриганов и гениев.

Мария ФОМИНА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПРЕМЬЕРА

Круговая порука добра

«Тихая моя Родина» в Театре имени Евг. Вахтангова

Трудно себе представить болше несовременный спектакль: никакой тебе цензурной лексики, никаких протестных интонаций. Напротив, сплошная любовь, идиллия и благодать!

На помощь артистам Елене и Александру Михайловым пришли известные и малоизвестные поэты и музыканты: от Анны Ахматовой, Булата Окуджавы, Николая Рубцова, Иосифа Бродского, Бориса Чичибабина, Игоря Северянина до Геннадия Заволокина, Бориса Шуккина, Сергея Толстого, иеромонаха Романа. И, конечно, режиссёр Владимир Иванов, художник Максим Обрезков и квартет в составе Евгения Иванова, Полины Евлановой, Ольги Жевлаковой и Галины Мальян.

Создатели представления опередили его жанр как спектакль-концерт. А мне показалось, что мы присутствуем не в Театре им. Евг. Вахтангова, где в другой раз можно было увидеть «Принцессу Ту-

рандот», «Филумену Мартурано» или «Перед заходом солнца», а в храме на богослужении, где нас призывают не к противостоянию, но к миру. Где учат одинаково радоваться каждому прожитому дню — летнему, жаркому, и зимнему, морозному, — всё равно! И каж-

дой птичке, каждой рыбке, каждой бабочке — всему живому и существу, что окружает нас. И делают это без всякого надрыва, как бы между прочим, ничего никому не навязывая, тем более не внушая. Будто разбрасывают вокруг семена добра, которые обязательно дадут всходы — всходы любви!

У представления нет единого сюжета, зато есть единая интонация. Назовём её интонацией доверия — от сердца к сердцу! Изна-

чально она принадлежит авторам. Её подхватывают все создатели, постепенно она становится и их интонацией. А в конце концов овладевает и залом, который только что не поёт вместе с артистами, но украдкой смахивает слёзы — слёзы очищения, радости, надежды. Надежды на Бога, но и на себя: на Бога надейся, а сам не плошай! Возлюби ближнего, как себя самого. Не ропщи, не унывай, не завидуй и т.д. и т.п., если не прямым текстом, то инсозкательно, намёком: имеющий уши да услышит!.

Окончилось представление, оттремели аплодисменты, преподнесены цветы. В тишине, с просветлёнными лицами, как после богослужения, покидают зал верующие и атеисты. И подумалось мне: как было бы здорово, если бы кто-то на телевидении однажды догадался вместо всех этих призывов к барьеру и слива всевозможного компромата пригласить всю нашу многострадальную и многоконфессиональную страну всего-то на полтора часа к экранам, чтобы в наших душах наконец воцарился мир, любовь и круговая порука добра!.

Борис ПОЮРОВСКИЙ

МХАТ
28 ЯНВАРЯ

ИМ. М. ГОРЬКОГО
А.П. ЧЕХОВ

ВИШНЕВЫЙ САД

Раневская —
н.л. СССР М.В. Доронина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА
НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР М.В. ДОРОНИНА

Тверской бульвар, 22; заказ билетов по тел.:
697 87 75, 629 81 65 и на сайте театра: www.mhat-teatr.ru

Выбирай и проверяй

Как это делается в Шотландии

Ключ успеха российских преобразований — в постоянном совершенствовании кардинально новых для России способов формирования и действия властей. И в связи с этим необходимо совершенствовать избирательную систему. По всем направлениям.

Возьмём работу избирательных комиссий в момент подсчёта избирательных бюллетеней.

У нас члены этих комиссий в день голосования начинают работать спозаранку, задолго до того, как появятся первые избиратели. А завершают свою работу за полночь, совершенно вымотавшись и физически, и психологически. Причём неизвестно, примут ли протоколы и бюллетени в окружную комиссию? Поэтому люди сидят на избирательных участках до победного конца. Ведь задержка может произойти на каждой ступеньке движения информации вверх — на уровень области, Центра.

Подобная организация дела приводит к тому, что всякая попытка общественного контроля, прежде всего со стороны членов самих избирательных комиссий, воспринимается как недоверие по отношению к ним, как желание помешать их работе. Неслучайно с их стороны часто звучали требования не допускать на участки во время подсчёта голосов каких-либо наблюдателей, представителей партий, кандидатов в депутаты. Парадокс, но право присутствовать при подсчёте бюллетеней у нас сначала получили иностранные наблюдатели, а уж потом наши собственные. Даже после проведения этой нормы в закон в инструкции Центризбиркома избирательным комиссиям на местах это положение упорно «забывалось».

Ну а как проходит голосование в других странах?

Своими глазами наблюдал за голосованием в округе Файф в Шотландии во время выборов в Европарламент. Королевство Файф, как любят называть его местные жители, дало миру экономиста Адама Смита, писателя Д. Дефо, историка и драматурга — Марию Стюарт, Петру Первому — Сант-Андрюс, флаг, ставший символом Российского военно-морского флота.

Выборы в Европарламент проводились по мажоритарной системе, по одномандатным округам и правовым нормам, согласованным со всеми странами Европейского сообщества. Немаловажную роль в организации голосования в Великобритании, и в частности в округе Файф, играет, на мой взгляд... ящик для голосования. Лёгкие металлические кубообразные коробки, имеющие прорез для бюллетеней, с крышкой, плотно надвигающейся сверху на основную часть. Они изготавливаются централизованно. Представители избирательной комиссии высшего уровня, встречая первую группу задействованных в организации выборов на избирательных участках, вручают им пронумерованные ящики с полным комплектом инструкций, списками избирателей и других необходимых аксессуаров. При этом в дальнейшем ящики, содержимое которых постоянно пополняется и обновляется, всё время на виду у всех: и тех, кто занят сбором бюллетеней, и тех, кто, представляя интересы общественности, следит за процедурой голосования. Они в центре постоянного внимания телевидения, поэтому каждый избиратель даже у себя дома видит, что происходит с содержимым ящиков.

Открытость работы — ключевая особенность организации процедуры голосования.

Другая особенность — в прозрачности практикой формализованности всего этого процесса. Действуют лаконично и доходчиво написанные для каждого этапа работы инструкции.

Чрезвычайно примечательно то, что ни один из тех, кто непосредственно соприкасается с избирателями и бюллетенями, раздавая, собирая или подсчитывая их, не является штатным работником, тем более представителем администрации или партии. Они привлекаются только для проведения данного важнейшего действия.

Принципиально важно, что во время голосования работают одни, а суммированием бюллетеней заняты другие. Этим, как правило, вечером занимается молодёжь, пре-

чавшиеся в предшествующие годы. Если возникает неординарная ситуация, она разрешается несколькими экспертами.

Сортировка всех бюллетеней происходит наглядно, в подчёркнуто простой и доступной для понимания форме. Даже то, что бюллетени, упакованные в связки по 100 штук, с указанием их числа на передней специальной карточке, скреплённые резинками, укладываются в знакомые лёгкие металлические корзинки, которыми люди пользуются в больших магазинах, создаёт ощущение простоты, способствует лучшему пониманию и доверию к происходящему.

Столь же церемонно и наглядно, опечатанные всё в тех же металлических ящиках, бюллетени в сопровождении эскорта полицейских машин с сиренами через весь город доставляются под охра-

сов, подведения итогов. Во многих странах в ночь выборов результаты от каждого избирательного округа считаются «неофициальными», хотя и представляются в Центральную комиссию и прессе. Вместо подсчёта голосов в участковых и избирательных комиссиях опечатанные контейнеры с бюллетенями и другими документами после закрытия пунктов голосования доставляются в компьютерные центры города, графства, региона. Голосование в один из выходных дней и подсчёт голосов без перерыва до получения итогов голосования являются отнюдь не обязательными правовыми нормами. Уж нам-то тем более следовало бы иметь это в виду: Россия, занимающая огромную территорию, пока всё ещё не имеет технических возможностей богатых стран. Надёжность результатов, на мой взгляд, важнее нетерпеливо узнать результат.

Кто-то из этих молодых шотландцев, вполне вероятно, примет участие в подсчёте голосов

имущественно служащие банков, фирм, учреждений, которые действуют быстро и спорно, превращая атмосферу медлительного торжества в праздничное соревнование: кто быстрее и безошибочнее подсчитает большее число бюллетеней.

Конечно, организаторами всего действия являются профессионалы, как правило, из администрации местного уровня, однако только в тех случаях, если они не имеют нареканий со стороны кандидатов.

Итак, сбор бюллетеней ведёт один, а подсчитывают их другие. Причём не на избирательных участках, а в специально отведённом для этих целей большом зале, на виду у всех: представителей партий, широкой общественности, кандидатов в депутаты, журналистов и телевизионщиков. Они находятся рядом, но за невысокими ограждёнными барьерами.

Обработка бюллетеней избирательного округа со всех участков происходит быстро, часа за 2–3, и заканчивается к 23 часам. Люди разбегаются по домам. Нет ни спешки, ни суеты, ни долгих ночных бдений, интригующих граждан и соответственно порождающих подозрения.

В первый вечер производится подсчёт только действительных бюллетеней. В некоторых случаях, в зависимости от местных условий, это допускается даже утром следующего дня.

Никто не ждёт и не торопится получить окончательные итоги. Зато процедура подсчёта осуществляется в буквальном соответствии с инструкциями, отражающими все возможные вариации, встре-

ну в полицию. Скажем, в нашем случае они там находились с вечера четверга 9 до второй половины дня воскресенья 12 июня, то есть до момента, когда их в тех же ящиках вновь привезли в тот же зал, где прошёл подсчёт голосов уже за кандидатов непосредственно.

На тех же широких столах с бордюрами (чтобы ничего не слетало со стола) рабочие группы вновь считали и связывали в пачки по сто штук бюллетени. На этот раз конкретных кандидатов. Передняя сторона карточки у каждого кандидата имеет свой отличительный цвет. В итоге всё в тех же металлических корзинах из супермаркетов, под портретами каждого из кандидатов на возвышенной передней сцене выстроили горы пачек разных цветов. Корзины с бюллетенями каждого кандидата наполнялись на глазах у всех. Телевидение транслировало это зрелище.

В ходе подсчёта голосов я счёл своим долгом поговорить с каждым кандидатом в депутаты. Ни один из них не выразил сомнения в честности подсчёта голосов, что, к сожалению, постоянно сопровождает наши выборы. Более того, после торжественного объявления итогов выборов каждый из них и представителей партий заявил об этом публично и поблагодарил всех, кто был занят в избирательной процедуре. Надо думать, это не может в последующем не влиять на дальнейшее поведение лидеров партий в отношении итогов голосования.

Мировая практика проведения выборов отражает широкий диапазон вариаций используемых процедур голосования, подсчёта голо-

в общем, не мешало бы нам позимствовать у шотландцев то, что позволяет им на протяжении десятилетий чётко, оперативно, без срывов проводить важнейшее политическое мероприятие. Лишь чёткая организация процедуры голосования в сочетании с толковым избирательным законом позволит получить систему, которая будет способствовать продвижению к власти достойных людей, в чьих силах и способностях остро нуждается реформируемая Россия.

Можно ли использовать и будет ли работать что-либо из этого в российских условиях? Разумеется.

Исторически ключ всех бед России — беспконтрольность власти и лукавый обман её формирования. Решение проблемы требует коренных законодательств о выборах вплоть до самой Конституции, в которой необходимо восстановление главы, касающейся избирательной системы, гарантии сохранения представительной власти и цивилизованной ненасильственной преемственности власти.

При воссоздании в России гражданского общества и настоящего народовластия не следует терять ни оптимизма, ни мужества, ни веры в собственных граждан. Но и гражданам надо понимать, что честные выборы — это не крики на площадях, а серьёзная, длительная работа.

Евгений АНДРЮШЕНКО, доктор социологии

КНИЖНЫЙ РЯД

Датчанин-землеустроитель

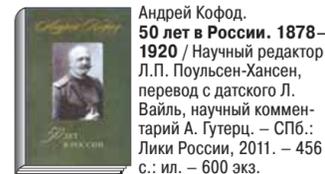
Автор книги Карл Андреас Кофод (1855–1948) — фигура замечательная во многих отношениях. В двадцатипятилетнем возрасте после окончания Сельскохозяйственной академии приехал из Дании в Россию, которая стала его второй родиной. Здесь Андрей Андреевич — это имя значилось в паспорте Кофода, когда он принял российское гражданство, — выучил русский язык так, что в дальнейшем писал на нём научные труды, женился на дочери русского помещика, с низшей ступени иерархической лестницы поднялся до статского советника и члена Совета министра земледелия. Он играл одну из ключевых ролей в проведении аграрной реформы Столыпина: под его руководством за десять лет была развёрстана пятая часть крестьянских земель, а книга «Хуторское расселение» была выпущена колоссальным по тем временам полумиллионным тиражом.

Свою задачу при развёрстании (т.е. разделе более целесообразным способом, чем ранее) общинных земель Кофод видел в том, чтобы преодолеть чересполосицу, крайне неудобную для землепользования. Передел принадлежащей деревням земли стремился проводить так, чтобы каждому двору достался компактный, удобный для обработки участок. Важно было, чтобы владельцы переселились туда, что заметно увеличивало продуктивность хозяйства. Это подтверждал европейский, в частности, датский более чем вековой (с 1781 года) опыт: «разверстание было одной из важнейших причин фантастически быстрого подъёма датского сельского хозяйства».

Однако в начале 80-х годов XIX столетия, когда Кофод приехал в Россию, здесь его никто и слушать не хотел, поскольку разверстание было несовместимо с традиционным общинным землеустройением — «община была истинно русским явлением, поэтому она была вне всяких дискуссий, чем-то святым». Считалось, что община «защищает сельское население от пролетариата». Кофод детально изучил этот феномен — историю, сильные и слабые стороны, современное (на тот момент) положение дел и доходчиво рассказал об этом.

Однако понадобилось более двадцати лет, чтобы идея о развёрстании крестьянских хозяйств в России можно было не только активно обсуждать, но и проводить в жизнь. В начале XX века перед первой русской революцией резко обострился крестьянский вопрос. «В густонаселённых центральных губерниях, особенно в чернозёмной полосе, нехватка земли стала острой, и одновременно с этим и в обществе вера в спасительные качества общины становилась менее непоколебимой, чем раньше. Некоторые противники её смели теперь публично, устно и письменно, выступать против неё». Решающий аргумент появился у Кофода тогда, когда он нашёл «деревни, разверставшиеся по собственной инициативе крестьян». Найти их, изучить опыт можно было только в результате поездок по стране. А для этого нужны были полномочия, подтверждённые документально (чтобы не объяснять каждому уряднику, что делает датчанин в том или ином селе), и денежные средства. И с тем, и с другим возникало немало проблем. Однажды автору пришлось даже продать свою мебель и заложить столовое серебро.

Медленно происходила осознание необходимости перехода от общинного ведения хозяйства к единоличному и на уровне правительства. Наконец, об этом было официально объявлено осенью 1904 года. Надо было подготовить законодательную базу реформ, получивших название Столыпинских, — эта работа велась в течение 1906–1910 годов.

Андрей Кофод. 50 лет в России. 1878–1920 / Научный редактор Л.П. Пуульсен-Хансен, перевод с датского Л. Вайль, научный комментарий А. Гутерц. — СПб.: Лики России, 2011. — 456 с.: ил. — 600 экз.

Целью реформ было выведение крестьян из полукрепостного состояния, в котором они находились после Манifestа 1861 года.

Но сила инерции была такова, что распустить «общину даже сам Столыпин не решился сразу же, да ещё по всей стране» — выходило из неё получили право только отдельные хозяйства, но даже это вызвало «штурм возмущения в интеллигентских кругах... Проведение Столыпинских реформ требовало многих лет мирной спокойной работы». Во вступительной статье книги приводится такой факт. Уже после Октябрьской революции Кофод встретил в Москве одного знакомого, старого большевика, и тот ему сказал: «Если бы Вам, Андрей Андреевич, удалось продолжить свою работу ещё лет на 8–10, то наше дело не вышло бы, никакой революции не было бы».

А тогда, в предреволюционные годы, аграрная реформа и, в частности, разверстание шли впечатляющими темпами. Благодаря в том числе и недюжинной энергии Кофода. Его труды по землеустройству (!) были нарасхват, а неизданный справочник зарубежных законов по землеустройству способствовал тому, что соответствующий российский закон 1911 года стал лучшим в Европе. Он без устали ездил по губерниям, спорил с оппонентами и начальством, организовывал обучение землемеров, агитировал крестьян, устраивая им экскурсии в места удачных разверстаний, т.е. на хутора. А ещё ему поручали знакомить с положением дел иностранцев, которые вдруг проявили интерес к аграрной реформе в России. Суть этого интереса выразил в 1912 году один немецкий профессор: «Двадцатилетний мир и двадцатилетнее землеустройство — и Россия станет непобедимой».

Что было дальше — известно. Мировая война и революция, положившая конец в числе прочего и аграрным преобразованиям.

Выше речь шла о том, что было главным делом автора в России, однако книга интересна не только этим. Но и, например, живыми штрихами к портретам видных государственных деятелей — С.Ю. Витте, Вл. И. Гурко, В.Н. Коковцова, А.В. Кривошеина, П.А. Столыпина («великан среди лилипутов»). Как приключенческий роман читаются страницы, где описываются революционные события 1917 года, поездка в следующем году автора в качестве представителя датского посольства по делам, связанным с австро-венгерскими военнопленными, в охваченную Гражданской войной Сибирь. Так в Тобольске Кофод был арестован по подозрению в шпионаже и на два с половиной месяца заключён в каторжную тюрьму. То, как он провёл это время, красноречиво характеризует этого человека. Во-первых, 63-летний узник ежедневно занимался гимнастикой и обливался холодной водой, во-вторых, обнаружив в тюремной библиотеке учебник итальянского языка, выучил его настолько, что потом мог читать итальянские книги.

Отлично изданные воспоминания А. Кофода — достойная дань памяти незаурядного человека, искренне любившего свою вторую родину и не жалевшего сил для её процветания.

Александр НЕВЕРОВ

ХОРОШО!

Уроки минувшего

В новом году я снова считаю важным прояснить свою позицию: «хорошо» вовсе не означает, будто всё на российских просторах распрямилось, вдумчивый читатель наверняка обратит внимание на то, что я ни разу не вступил в полемику с теми, кто критикует нескладухи нашего частного и общественного бытия, и, значит, признаю несовершенство той жизни, которая выпала на долю нынешних поколений. Моя задача в том, чтобы попытаться уловить тенденции развития. Куда всё же катится Россия? К пропасти, о чём твердит оппозиция всех мастей, выпячивая удобные для неё факты и замалчивая достижения, например, стенаю о том, что кризисное падение экономики России было самым глубоким в мире, однако забывая упомянуть, что излечение от кризисных недугов оказалось самым быстрым? Или же Россия после поражения 90-х медленно, но неуклонно поднимается, а потому в наш эмоциональный обиход пора вернуть надежду на лучшее и близкое будущее?

Казалось бы, если обратиться к итоговой прошлогодней статистике, экономическое выздоровление не должно вызывать сомнений: ВВП вырос на 4 процента, что недостижимо для Европы, инфляция — самая низкая в новейшей истории страны. Но люди, принимающие на веру нелепые слухи (например, о грядущем 10-балльном землетрясении в Туве), отказываются в доверии статистике. Срабатывает инерция советских лет, и невдомёк, что в эпоху открытых рынков и свирепых рейтинговых агентств невозможно манипулировать экономическими показателями страны. Да, в ЖКХ, здравоохранении и прочих отраслях внутренней жизни приписок пруд пруди, они-то, эти, по Бердяеву, «противоречия русского бытия», и тормозят развитие. Но если по-крупному, итогово — не побалуешь, сразу схватят за руку, и это горько ахнет стоимостью зарубежных кредитов, которые берёт наш бизнес, хотя и острее, чем до 2008 года. И случайно ли МВФ прочит России уже четвёртое экономическое место в мире к 2020 году?

Впрочем, от экономики самое время перейти к политике, которой ныне все увлечены и где тоже немало хорошего. Предвижу недоумённый вопрос: здесь-то что хорошего? Многотысячные митинги, споры вокруг фальсификации думских выборов, угроза хаоса и «цветной» революции, усиленная прибытием в Москву американского посла Макфола, специалиста по таким делам... Хочу привести факты, ускользающие от внимания людей, склонных к митинговщине.

Не говорю о политической реформе, заявленной в послании президента, ибо пока неясно, в каком виде его законопроекты выйдут из Думы законами. Важнее другое. Поскольку митинги на Болотной и проспекте Сахарова очень уж явно напоминали события, происходившие на закате перестройки (я был их участником и вправе сравнивать), то небезынтересно указать на два по меньшей мере коренных отличия между тогдашним и нынешним всплесками гражданской активности.

Первое отличие в том, что на исходе СССР митинговщину, борющуюся с командно-административной системой, и гласно и потаённо поддерживала верховная власть, а сегодня власть направлены против этой власти, хотя недовольство порождает ещё более раздутая бюрократия. Получилось, как в известном присловье: за что боролся, на то и напоролся. Но что касается отношений с властью, думаю, каждый понимает, что на практике означает указанное различие.

Вдобавок власть учла трагический опыт других стран. В прошлом году я был в Каире — не у пирамид, а в городе мусорщиков, на площади Тахрир, — и доподлинно знаю, что произошло в Египте. В январе группа «продвинутых» решила испортить ненавистным полицейским праздник «День полиции» и устроила несколько протестных флешмобов, вынудив стражей порядка не вино пить, а разогнать толпы молодёжи. Разъярённые полицейские слишком усердно поработали дубинками, и на следующий день толпа потребовала уволить их начальника. Прозвучали провокационные выстрелы, и престарелый Мубарак пошёл на поводу митинговых требований — именно с этого всё и началось. А заканчивается трагедией

огромной страны, падающей в экономическую бездну, вероятным приходом к власти фундаменталистов, причём хуже всех придётся именно «продвинутому», заварившим кашу, чтобы подлизаться полицейским. Но, учитывая каирский урок, могу ответственно сказать, что упорные вопли об отставке Чурова, абсолютно непонимании в местных фальсификациях думских выборов, — это один из неработанных приёмов «цветных» революций. От власти требуют первой вольды бы незначительной уступки, чтобы распалить воображение толпы.

Ещё важнее второе отличие. В 1990–1991 годах митинговая оппозиция не добилась бы успеха, если бы её не поддержали шахтёры Кузбасса. Именно они, объявив забастовку, предъявили ультиматум властям и инициировали стачки рабочих по всей стране, после чего события приняли необратимый и вполне предсказуемый характер.

А что теперь? Теперь всё наоборот: нижнетагильские сталевары против московской митинговщины, против расквашивания лодки, и это знаковый сигнал особой важности, как бы ни пытались извратить его иные журналисты, нарушающие профессиональный кодекс и по

советским лекалам ставшие митинговыми пропагандистами. Впрочем, о чём вообще говорить, если даже в Кремле, рассуждая о «рассерженных горожанах», напрочь забыли о крупных заводских коллективах. А ведь Путину, спасшему АвтоВАЗ от банкротства, достаточно, как говорится, свистнуть в два пальца, чтобы на митинг в его поддержку вышел весь полумиллионный Тольятти. (Не уверен, правда, нужно ли это делать.)

Эти коренные отличия прежней митинговщины от нынешней, которые в политическом угаре замалчивают, не позволяют снова раскатать российскую лодку до такой степени, что она опять начнёт черпать бортами воду. На сей раз Макфол останется не у дел.

И это хорошо. Тем более что антикоррупционные, антибюрократические митинги очень полезны и очень выгодны всем нам, а особенно Путину, если он станет президентом. Опираясь на мнение этих митингов, можно успешнее свернуть шею многоголовый гидре коррупции.

Анатолий САЛУЖКИЙ

Он был рождён ставить оперы

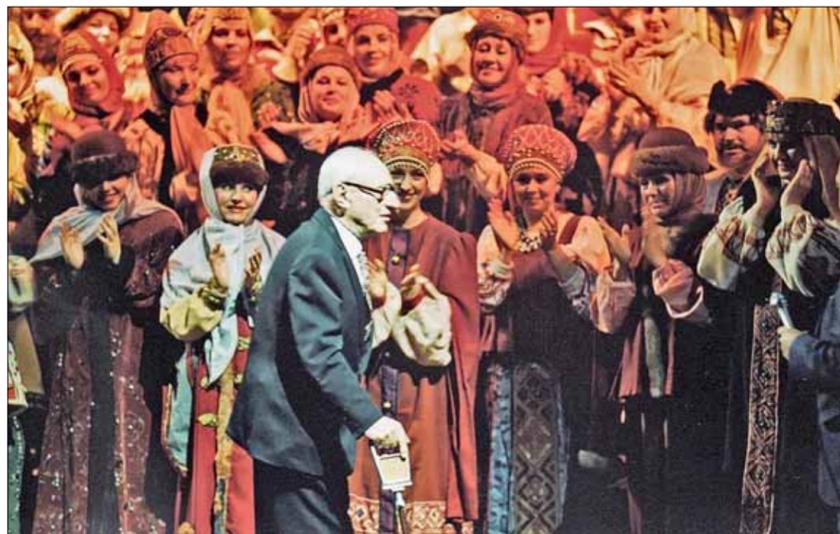
Он любил повторять, что был рождён ставить оперы. Эта, как сейчас говорят, заточенность привела выпускника фабзауча и аппарата химического завода имени Фрунзе Борю Покровского в Институт театрального искусства, когда о профессии музыкального режиссёра там и слыхом не слыхивали. Он стал первооткрывателем профессии, своей постановочной практикой вывел её из разряда вспомогательных на самые передовые позиции и довёл до таких вершин, что перефразированные слова Маяковского «Мы говорим Покровский, подразумеваем — опера, мы говорим опера — подразумеваем Покровский» стали абсолютной истиной.

С 60-х годов Борис Александрович Покровский становится самой масштабной фигурой в отечественной оперной режиссуре: ставит и в Большом театре, где работал с 1943 по 1982 год (с 1952 по 1963 год и с 1967 по 1982 год — главный режиссёр), и в провинции, и за рубежом. В Большом осуществляет постановку классических русских опер, которые считаются классикой: «Евгений Онегин» (1944), «Царская невеста» (1944), «Майская ночь» (1947), «Вражья сила» (1947), «Садко» (1949), «Пиковая дама» (1964), «Руслан и Людмила» (1972), «Млада» (1988), «Орлеанская дева» (1990), «Князь Игорь» (1993), «Хованщина» (1995). Создаёт серию непревзойдённых постановок опер Прокофьева и Шостаковича: несколько редакций «Войны и мира», «Семён Котко», «Игрок», «Катерина Измайлова». Феерически ставит сложнейшую оперу Родиона Шедрина «Мёртвые души», другие современные оперы. Избавляет классику от штампов. В 1972 году Борис Покровский создаёт новый музыкальный театр — Камерный, с отличной от традиционной сцены эстетикой, где в экспериментальных поисках пробует всё: от древнерусской оперы XVII века «Ростовское действо» до современных, подчас спе-

циально написанных в расчёте на постановочные требования мэтра сочинений. Хранитель традиций культуры XIX века, в XX он выступает как новатор. Ныне его новации стали классикой. В XXI веке Борис Покровский уже называл себя консерватором. Но весь его «консерватизм» заключался в строгом следовании музыкальной драматургии: он продолжал ставить то, что написали композитор и либреттист, ни в чём не отступая от замысла авторов. А в авторствах у него были Бетховен, Мусоргский, Чайковский, Рахманинов, с именем которого связана его последняя постановка на сцене Большого «Франческа да Римини», осуществлённая Покровским в 86 лет. В 89 лет была искромётная «Свадьба Фигаро» в Камерном театре, в 90 лет — «Плащ» и «Джанни Скикки» Д. Пуччини, в 92 года мудрое «Угрошение строптивой» и светлая «Волшебная флейта» — его прощальный поклон. И никаких толп ассистентов и помощников: всегда сам, всегда строг и настроен на работу. А когда он работал, он забывал о возрасте. Поэтому его последние постановки в Камерном музыкальном театре столь ярки и светлы.

В преддверии круглой даты «ЛГ» обратилась к замечательной оперной певице и педагогу, народной артистке РСФСР, профессору Московской консерватории Ирине Ивановне МАСЛЕННИКОВОЙ — единственному коллеге, с которой Борис Александрович прожил в счастливом браке 59 лет.

— Мы пришли в Большой театр в 1943 году почти одновременно, с разницей в несколько месяцев. Борис Александрович — москвич, я — киевлянка. Специально не знакомились. Пересекались во время работы. Я была замужем за Лемешевым. И пела в спектаклях Покровского. Он ставил «Великую дружбу» — знаменитый спектакль, и я в нём участвовала. Смотрели друг на друга — и думать ни о

чём не думали. Когда в 1950-м мы развелись с Сергеем Яковлевичем, начался роман с Покровским и продолжался до самой его смерти, на протяжении почти 60 лет.

— Это же целая жизнь!

— Большая творческая жизнь. Значит, было что-то общее, что дало возможность нашим отношениям не портиться. Мы никогда не вмешивались в дела друг друга. Все думали, что я от него чему-то научилась. Но я же не сделала режиссёром, а он не сделался певцом. Каждый занимался своим делом, считался друг с другом.

— Этим «чем-то общим» был музыкальный театр, которому вы, единомышленники, поклонялись...

— Он очень любил Большой театр — большое, крупное искусство. Умел работать с хором, что мало кто умеет и сейчас. Толкучка хора — вечный предмет насмешек. И не то же этого никогда не было. Хор его очень любил — они все получали роли. Его спектакль «Садко» с большими массовыми сценами — это же

чудо! Ничего похожего никто не может сделать. Или вот в «Похождениях повесы» Стравицкого есть сцена «Аукцион», на которой проверяется мастерство режиссёра. Я видела этот спектакль в других театрах, и в Большом в том числе: как до этой картины доходит действие — стоп-машина, все встали толпой на сцене — и кончился спектакль. У Покровского такого быть не могло!

— Ирина Ивановна, а как было быть артисткой в спектакле Покровского?

— Ко мне как к певице и артистке он относился очень хорошо. У нас было мало с ним общих спектаклей. Он никогда не делал мне замечаний, и меня это устраивало. Потому что это было очень умно, очень профессионально и очень музыкально. Он учился музыке, умел читать партитуру, был настоящим музыкальным режиссёром. И великолепно разбирался в артистах. Его подбор исполнителей на спектакли был удивительно хорош. И зачастую неожиданен. Послед-

ний яркий пример. Он ставил спектакль «Франческа да Римини» Рахманинова в Большом. Взял молодого, никому не известного баритона на роль героя. Исполнитель на репетициях сидел в дальнем углу и не проявлял никакого интереса к происходящему, потому что рядом были именитые, со званиями. «А ты в угол забился. Хочешь репетировать?» — позвал его Борис Александрович и сделал с ним роль. И этот молодой человек неожиданно для всех получил за эту роль «Золотую маску». Звали его Сергей Мурзаев, он поёт теперь в Петербурге.

— Талантом и мастерством Бориса Покровского воспитано одно поколение оперных артистов и режиссёров. С 1949 года он преподавал в РАТИ (ГИТИС) — заведовал кафедрой и руководил курсами режиссёров и актёров музыкального театра. Как к нему относились воспитанники?

— Студенты его очень любили. Если он взял студента, он за него бился, не позволял исключать. Пьявко, например, долго развивался как вока-

лист. На пятом году обучения появился высокий регистр, и он стал очень хорошим артистом. Свой педагогический дар Борис Александрович целиком переносил на артистов театра, с которыми работал. Поэтому говорили, что он делал артистов из ничего. На самом деле он видел в них нечто, что потом в каждом умел обнажить. Вот почему студенты и артисты верили ему и очень любили.

— Борис Александрович умел дружить с дирижёрами, в результате чего рождались замечательные спектакли. С Кириллом Кондрашиным — «Сила судьбы» и «Проданная невеста», за которые они, по выражению Бориса Александровича, «отхватили Сталинские премии». Его дружба с Геннадием Рождественским родила «Нос» и «Похождение повесы» в Камерном театре. Тандем с Юрием Темиркановым принёс неповторимые «Мёртвые души»...

— ...Самосуд пригласил Покровского в Большой театр, а Голованов его очень любил и шенил. Когда в Большом ставили «Садко», дирижёром-постановщиком был Николай Семёнович. Он позвал нас с Борисом Александровичем к себе домой и просил быть осторожными. Мы сняли туфли у порога, вошли в комнату и обомлели: по всему полу были разложены листы партитуры, как будто он в первый раз её видел, и началось обсуждение спектакля со всеми его нюансами. Голованов всегда прислушивался к Покровскому, потому что очень ценил профессионалов. Покровский Голованова любил и абсолютно ему доверял. И все дирижёры — и наши, и заграничные, которые приглашали Бориса Александровича, — очень его ценили. Потому что он музыкальный режиссёр, ставил в соответствии с музыкальной драматургией. Это — самое главное в его учении.

Другая сторона — художники, с которыми у Покровского тоже было полное взаимопонимание. Сначала Вильямс

был, потом Дмитриев, Рыбин, Федоровский. На спектакле «Фиделио» появился художник Константиновский из Ленинграда. И он со всеми — в дружбе.

— Создать в главном театре такое количество постановок, определивших на многие годы его художественный стиль и направление! Большой театр должен гордиться таким наследием и свято хранить эти блистательные постановки, но в репертуаре не оставлено почти ни одной из более чем 40 работ Покровского... Что это: непрофессионализм, зависть к гению или сознательное уничтожение того, что составляло славу и гордость русского музыкального театра?

— Творческая зависть и последнее из перечисленного, если позволяют себе так уродовать оперы, которые появляются теперь на сцене Большого. Ленский в ушанке и полушубке... Ружьё, стреляющее в случайной потасовке между Онегиным и Ленским... Борис Александрович никогда не переодевал артистов в современные костюмы: сохранял эпоху. И никогда бы не позволил себе исказить прекрасное произведение Пушкина!

— У вас есть любимые постановки Покровского?

— «Тоска» был исключительный спектакль, а в Камерном театре «Дон Жуан, или Наканунный развратник». Когда вошла в зал на Соколе, испытала настоящее потрясение. Огни в канделябрах были приглушены и слегка мигали, в таинственной полутьме монотонно звонил колокол: бом-бом-бом... Сразу возник какой-то жуткий образ Испании. И фантастический прыжок Дон Жуана на решётку ворот! Знаменитое японское агентство сразу пригласило спектакль на гастроли. В Осаке построили специальную сцену с воротами, чтобы артист мог безопасно кидаться на эту решётку. И ничего там не было вне того, что написано Моцартом!

Беседу вела
Елена ЛИТОВЧЕНКО

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

представляет:

книжная коллекция

Узнай все тайны первым!

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Новый том — в продаже
каждую среду!

Соберите всю коллекцию
из 45 томов!

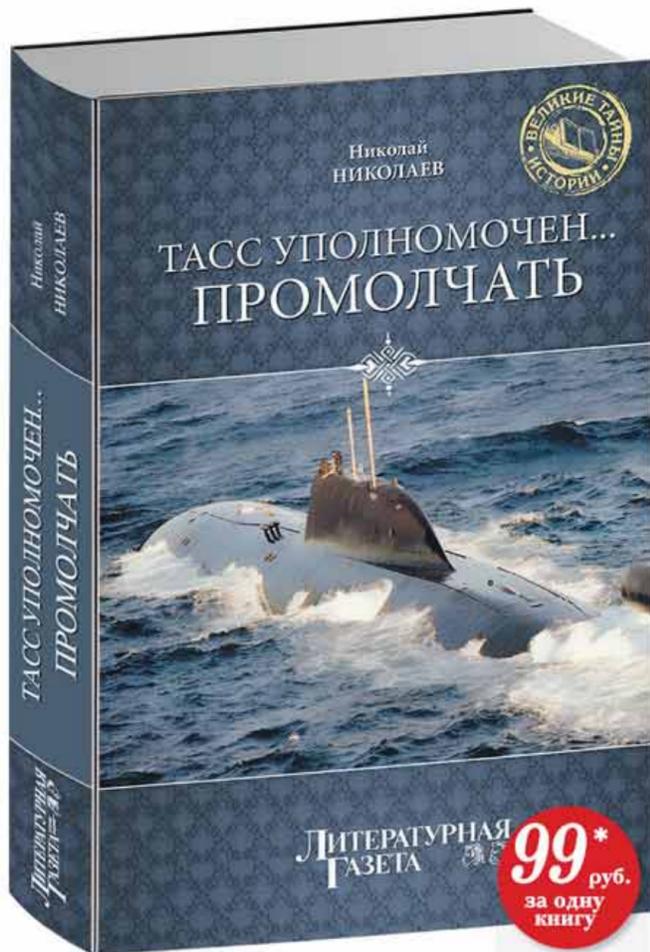
Подробности на www.lgz.ru

Дорогие читатели,

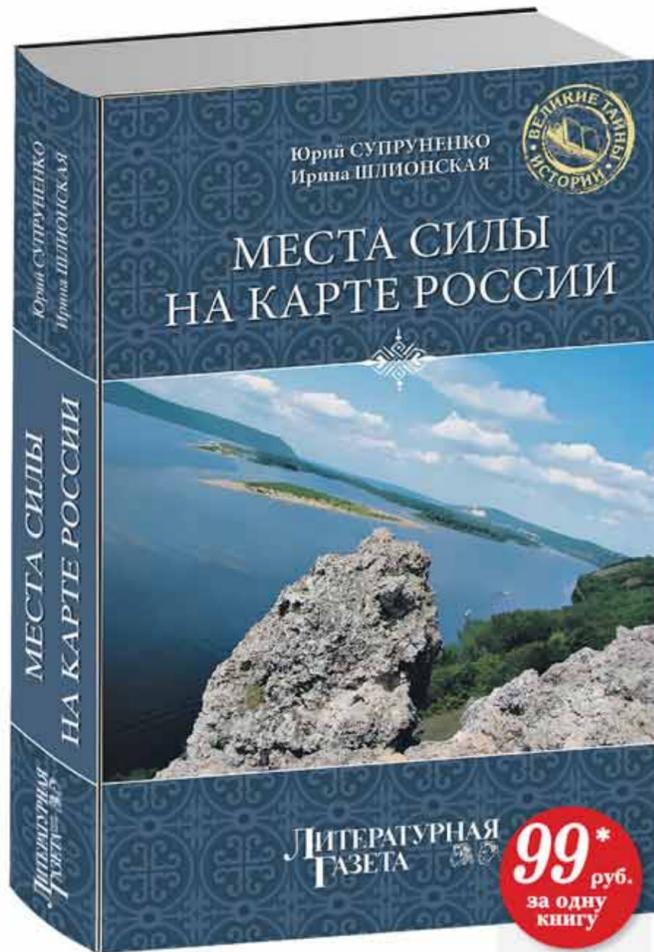
если вы не успели купить нужный вам том в киосках печати, то вы можете приобрести его в редакции «Литературной газеты» по адресу:

Москва, Хохловский пер., д. 10, стр. 6.

Телефон для справок: +7 (499) 788-01-12

с 25 января

с 1 февраля

*Рекомендуемая цена во всех киосках печати Москвы и Московской области

ЯЗЫК МОЙ – ВРАГ МОЙ

Ясно, как день

Как новояз становится нормой

Как-то услышала на одном из собраний: «Наш учебный процесс шёл бы прекрасно, если бы не студенты». Прелестное предположение, приложимое к любой сфере деятельности: «Наш торговый процесс был бы просто конфеткой, если бы не покупатели». «А наш транспортный процесс вообще был бы загляденье, если бы не эти противные пассажиры...»

Вот и язык, как процесс, тихо и спокойно существовал бы себе, не атакуемый и совершенно сохранившийся, если бы не его носители, т.е. те, кто говорит на нём и пишет, ну и мыслит (хочется надеяться). Но так не бывает! Без «носителей» процесса нет. Значит, надо как-то ужиться и искать разумные компромиссы. Что-то, мешающее «идеальному процессу», да, приходится принять. Как принял, например, наш язык разветвлённый и даже упорядоченный по разным уровням сленг. Но есть вещи, которые принять невозможно! По отношению к языку это – наступательная и самодовольная безграмотность, нелепые эксперименты, некомпетентность «ответственных за язык», небрежение к его логике, ясности и чистоте.

Штампы, как фактор, наиболее и часто наносящий удар по письменным текстам, уже хорошо известны и пишущим и читающим и в каких-нибудь пособиях, очевидно, даны списком по алфавиту. Тут и «слово» всех цветов («нефть – чёрное золото»), и серебристые птицы (понимай самолёты), и изумрудный, золотой и серебряный наряд леса, и золотой ковёр листьев, и ветер дальних дорог, и мудрый и усталый взгляд, и снежное покрывало, и полёт мечты. Здесь и синтаксические перевёртыши, вроде «власть денег» – «деньги власти», и перифразы пословиц – «в каждой шутке есть доля шутки», и много другого, «богатого и красивого». Заштампованное мышление продуцирует и удивительные метафоры: «рогатые красавцы» (олени) и «бумажные страны ЕС» (работники бумажной промышленности, а не кошечки).

У этой испытанной гвардии есть и младший отряд: фразочки, ещё не ставшие полноправными штампами, но уверенно продвигающиеся по этому пути.

Наступить на горло собственной песне; хотели как лучше, а получилось, как всегда; дорогого стоит; озвучить; стоят (лежат) – есть не просят; конь в пальто; одна шестая часть суши; пришла никакая; себя любимого; до кучи; не в теме; однозначно; абзац; не користи ради; на блюдечке с голубой каёмочкой; догонят и ещё дадут; мало не покажется; на какой-либо мове, вернёмся к нашим баранам; а был ли мальчик; впереди планеты всей; некто отдыхает, некто и в Африке некто; и многое др. А также неистребимый «блин» и таинственный «ясный перец».

Об армии только – «несокрушимая и легендарная», о русском языке – только «великий и могучий».

Большинство слов и словосочетаний, выделенных курсивом, в целом остроумны, ёмки, иногда имеют весьма достойный генезис, употребляются в речи среднего (т.е. лучшего во многих отношениях) класса и ничем себя не опорочили, кроме того, что **употребляются слишком часто**. И вот что интересно: в устной речи – пожалуйста! А вот в письменной... Не то что запрещено, не то что не рекомендуется, но просто человек с литературным вкусом и языковым чутьём всё же постарается эти клише избежать.

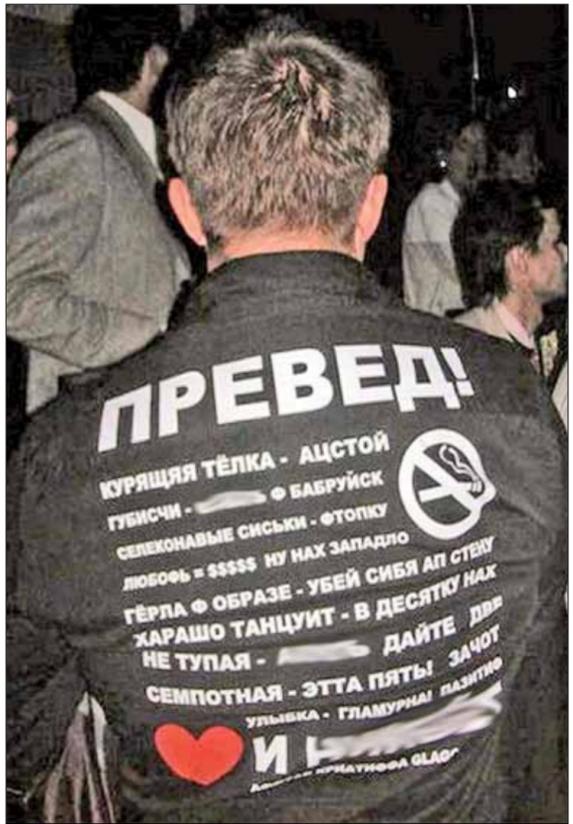
В Германии среди пишущих ходит по рукам статья «Как бороться с редактором». Надо бы добавить «с плохим редактором», но по умолчанию они все такие: *топтатели* порывов, *подрезатели* крыльев, *ничего не понимающие*, *исказители самобытных авторских лиц*. «А я вот как писал *то-ли* и *зелёный*», так и буду писать! Где-нибудь да напечатается.

Герои статьи – плохой автор (не умеет писать) и плохой редактор (не умеет редактировать), и вот – кто кого. А хорошие редакторы **о х как нужны!** И новичкам, и мастерам, в смысле маститым. У целой стайки московских писателей есть милье, устоявшиеся ошибки: камушки, зверушки, убраться (в квартире), выброси, выкини, выни (т.е. «вынь»), почисти, представляет из себя, три пары брюк (т.е. получается шесть брюк), сводные братья и сёстры (в значении – единокровные и

единокровные), переживать (без указания, что именно), а также нечаянное переименование героев, – и всё это беспрепятственно путешествует из романа в роман под благостными взглядами художественного, технического и просто редакторов, а также одного-двух корректоров.

И если в журнале, где есть и редактор, и корректор, даётся реклама «пояса-карсета», следовательно, вся цепочка, причастная к этому «изделию», никогда не держала в руках ни одного приключенческого романа XIX века, где этих «корсетов» множество. А в другом

А вот г-н полицейский сообщает телезрителям: «В результате преступных действий (каких же ещё?) из данной кассы преступниками (кем же ещё?) была похищена денежная масса в размере (не понравилась, исправил) объёмом до трёх миллионов рублей. В данный момент по факту начаты и проводятся (если проводятся, так уж точно начаты) розыскные мероприятия». И несокрушимой колонной наступают на нас «слесарь, шофёр, инспектор и примкнувшие к ним киллеры» и несут они «ортом с кремлёв». А за ними, со скромным достоинством, идут редактора и корректора и несут

издания некая собака имеет собственную красивую, вероятно, итальянскую фамилию «Баскервилли». Понятно: даже нетрудно читаемый Конан Дойль просвистел мимо на большой скорости. И опять же, заметьте, – и для автора, и для редактора, и для корректора.

Хотя по части Шерлока Холмса это ещё не предел. На одном американском интеллектуальном телешоу был ка-а-верный вопрос: «А вот кто таков автор рассказов о детективе Шерлоке Холмсе»? Ну понятно, зал замер. Попросили помощь извне – ноль. На кону дрожали хорошие деньги. Напряжение достигло предела. И вот – первая поднятая в зале рука, и долгожданный, не побоявшийся этого слова, блистательный ответ – «Розовая Пантера!» Так что наша собачка-то ещё ничего!

Язык наш действительно велик и прекрасен, но не так уж могут, напротив, он раним и – ранен. И не богатейшими регистрами сленга, не разветвлённой системой разговорной речи, – это-то как раз богатство, нет, он ранен бескультурьем и безграмотностью, нахрапистыми и торжественными.

В письменных объявлениях по-прежнему: «Просьба иногородних не звонить» – т.е. просят сами иногородние, это их просьба. В речи политика: «Так он учил побеждать русских солдат». Учил, видно, вражью стаю. Программа «Вести»: «Давайте послушаем это из первых рук». Телепередача «Поединок», выступает писатель (!) Т.: «И как вопрошал Лермонтов – «А судьи кто?». Для защиты Лермонтова подойдёт отмазка Дюжонкина: «Я ничего такого о судьях не говорил».

Спрашиваю на остановке: «Скажите, троллейбуса давно не было?» Две обезжиренные девушки на 10-сантиметровых каблучках (обычная рабочая обувь) и в такой же длинной юбках, не обзаведшиеся пока «меринами», – приснули. Скоро стала понятна причина: они все говорят «тралебас», вот им и смешно. Как если бы кто-то обратился к парню, что стоит рядом, в пирсинге и с бананами в ушах – «Ваше степенство».

Действительно, подобных речевых «алмазов» не счесть и перечислять их нет смысла. Но в чём причина обеднения и выхолащивания языка? Только ли русского языка коснулась эта беда или это глобальная проблема? Можно ли противостоять натиску «простоты», и если да, то как? Приглашаем к разговору писателя, лингвиста, педагога, всех тех, кто хотел бы употреблять эпитеты «великий и могучий» по отношению к русскому языку и в будущем.

договора... На новые, хорошо оплачиваемые издания.

Etcetera, etcetera... «Наступив на горло...», ну вы знаете продолжение, – надо наконец поставить точку, потому что у каждого редактора «не счесть таких алмазов в каменных пешерах». Как представитель классической московской университетской школы (что не значит петроградской), не нахожу ни одного пункта в так называемой реформе русского языка, который можно было бы одобрить и поддержать. Это или узаконивание бескультурья и малорачетности (обнаружение, договоренность, брачашиеся, дбсуг, горячее кофе, йогурт, сироты, говестивый), или «имитация бурной деятельности», например, полная и окончательная победа над дефисом, даже в сложных словах, типа авиаконструктор, сверхдержва, постмодернизм, экстраординарный. А также успешное истребление ед и н ственного исключения – на Украине (ох, трудно было запомнить!). Теперь в Украине и т.д.

Узаконивание бескультурья «объясняется» требованиями «прецедентной лингвистики», которую призвали на помощь изворотливые «реформаторы» – многие, мол, так говорят. Чем заниматься преподаванием и просветительством (хлopotное, знаете ли, дело), куда проще – узаконил безграмотность – и всё!

Смелые «инновации» и экспериментирование в отношении нашего терпеливого языка подвинули заняться этим и «смежниками». В одном психологическом журнале препечатан ценный совет: слово «подруга», *ясный перец*, унижает женское достоинство из-за наличия в нём чем-то нехорошей приставки *по-*. А потому рекомендуется заменять его новыми, этически безупречными лексемами: «дружка» – для незрелых особей и «другиня» соответственно – для зрелых. А что, не исключено, через пару лет и этот новояз станет нормой. **Язык ведь, как и культура, сам за себя постоять не может.**

Анна ПАЯК, кандидат филологических наук

К ДОСКЕ!

Знания без воспитания, или Почему Герасим был глухонемым

Помнится, в не так уж далёкое советское время сатирики любили изображать папашу, «забывающего козла», и его супругу, вылупившуюся в телевизор, которые считали: воспитывать своих детей они не обязаны, за это «плотом деньги» школе, а там этим занимаются пионерская и комсомольская организации. Поэтому если сынок «поддаёт и хулиганит», а дочка прислушивается к раскатам сексуальной революции на Западе и больше ничем не интересуется, то папа и мама здесь ни при чём. Потом, как известно, пионерская и комсомольская организации исчезли, высшее начальство провозгласило принцип «Разрешено всё, что не запрещено», ликвидировало цензуру и провело ряд других преобразований.

Ну, из истории хорошо известно, что Порок гораздо расторопнее Добродетели. И хлынула такая волна, что Запад по сравнению с нами оказался отсталым. Миллионным тиражом вышла школьная тетрадка с рифмованным слоганом на обложке «И не сомневайся даже / отдых – кайф, учёба – лажа». А для самых маленьких выпустили игрушку – традиционный русский мишка с рогами и надписью, что он – *дьявол*. На этом фоне уже не столь отвратительными кажутся вульгарные стишата некоего Адамчика «Наша Таня *типа* плачет / Уронила *типа* мячик. / Что бы ей прикинуть, дура, – / Не утонет он, в натуре».

Наивный человек может указать на дурное воспитательное воздействие сих перлов, имя которым легион, и ткёт пальцем в пустоту. Потому что в лихие 90-е воспитание было исключено как понятие из школы и системы образования и перестало употребляться в официальных документах. Дескать, знания нужны, а воспитание – ваше частное дело.

Сравнить этот необъяснимый акт можно разве что с отменой арифметики или с разрушением фундамента.

РЕЗОНАНС

Так что ж такое «хорошо»

«Кто ответит за развал российского образования?» – спросил в своей статье «Гонители и гонимые» («ЛГ», № 34, 2011 г.) профессор МГУ Валентин Недзвецкий. Почему модернизаторы столь упорно изгоняют из школьных программ русскую классическую литературу с её беспрецедентным воспитательным потенциалом? На эти же вопросы, актуальные и сегодня, попытались ответить и участники бурной дискуссии на нашем сайте.

Новая элита насаждает новые нормы без всякого внутреннего ограничения. Человеку говорят: «Ты, конечно, свинья, но ты всё равно этого достоин – пить пиво, курить, не работать, отрываться в ночных клубах, мордовать друг друга и гадить». Какое же это лукавое бесовство – заявлять, что традиционные семейные ценности смогут перебороть маховик государственной насаждаемой деградации.

Безусловно, в одиночку противостоять злу очень сложно. И всё-таки, по моему скромному убеждению, противостоять надо. Например, начиная знакомство ребёнка с миром с «неудобной» ныне советской литературы. С Маяковского того же. Его стихотворение «Что такое хорошо...», если относиться к нему с должным вниманием, способно очень многому научить. «Мойдодыр» Чуковского, забытые сегодняшними деятелями великодушные детские стихи Елены Благиной... Да разве мало было хороших авторов, учивших честности, верности, дружбе, уважению к старшим? С рекламируемых сегодня «мачо», страдающих перхотью, кариесом и обильным потоотделением, никто не захочет ни работать, ни семью создавать.

Вы будете внедрять в сознание ребёнка ценности из советских книжек? Человек с такими ценностями при демократии будет просто нежизнеспособен...

Русский язык и литературу, уменьшив количество учебных часов, объединили в один предмет, что превращает их изучение в заведомую профанацию. И всё это, должно быть, ради столь милого для Адамского свободного ученического выбора тех или иных нравящихся школьнику дисциплин. Но «те или иные» дисциплины никем не оговариваются и определяются исключительно желанием и возможностями школы. А в то же время чтение в начальной школе уменьшено до 3 уроков в неделю. То

есть придётся уповать на чтение дома (в т.ч. и Маяковского).

Нравственность есть всегда, пока есть социум. Вопрос лишь в её конкретном текущем «наполнении», в моральных нормах, в их связи и зависимости от реальности. И проблема соответственно не в том, есть мораль или нет (она есть всегда), а в её отрицательной динамике через постмодернистское паразитирование (в том числе разведение, дискредитацию) на имеющихся (достигнутых ранее) нравственных устоях.

Идеи демократии и либерализма на Западе работают и дают плоды. Поэтому вывод вполне определённый: проблема не в Западе, а в нас самих. Прогресс дал Интернет, современные лекарства, да и много ещё чего. Каждый может использовать это как во зло, так и на пользу.

Да мы все технологии возовим. От ливных банок и систем проектирования до автомобилей. Не говоря уж о лекарствах и памперсах. Реальной науки просто нет.

При всех достижениях, которые вы выставляете как прогрессистские, погощ везде только растут. Транспортные «удобства» каждый год отнимают 30 тыс. жизней. Не было электричества – не было поражения электротокотом. Не было небоскрёбов – не было столько погибших в лифтах. Доступность антибиотикотерапии снижает резистентность общества в целом к бактериальной флоре, а «ферри» смывается с тарелок даже на 11-й раз. В детских игрушках полно кадмия. Хлеб покрывается плесенью на 2-й день. Хотел купить торт «птичье молоко», а у него срок годности 60 дней. И что же там такое? Живой глицерин и силикон?

Черпать энтузиазм в событиях сорокалетней давности дано немногим. Да и тогда, несмотря на чудесное образование и отсутствие ЕГЭ, дела как-то не за-

будем надеяться, что конференция пойдёт на пользу

Юрий БАРАНОВ

дались. При желании можно запросто, с фактами, обосновать тезис о вреде русской литературы. Например, что усиленное чтение и поиск смысла жизни ведёт к пьянству и алкоголизму, и исключение её из обязательных предметов будет способствовать трезвому образу жизни.

По большому счёту ничего отмена ЕГЭ не даст, и нигде проблемы образования не уйдут. Напомню главный, как мне представляется, тезис в защиту этого экзамена: нет никаких причин, по которым выпускник, знающий предмет лучше, сдаст его хуже знающего предмет слабее.

Увы, этот экзамен представляется если не единственным, то главным мерилом качества работы учителя. Вне учёта факторов, существенно влияющих на успеваемость.

Недзвецкий прав в более важном: в деградации системы образования. Но это происходит не из-за ЕГЭ, а из-за смены строя, ликвидации русско-советской цивилизации. Менять надо систему. Вот только менять некому: народ голосует за этот строй.

Автор сам назвал виновников развала российского образования: Фурсенко, Набиуллина (никак не ожидал), Адамский, Пинский, Кузьминов, Греш, Кондаков, Асмолов. Почему бы кому-то из них не написать на крутой стол в «ЛГ» и не объяснить внятно свою позицию?

Им дела нет до ваших желаний и чаяний. Они читателями если и были, то лишь чтобы в школе... да и то читали только, чтобы сдать экзамены... Так что же вы хотите?!

Алексей Буряк

ОЧЕРК НРАВОВ

Кража

— Рома, пора. Прощайтесь, — говорит конвойный.

Мать плачет, прижимает к груди стриженую голову сына. Он сейчас такой чужой, её Ромка, и в то же время такой родной.

— Ладно, ещё две минуты — и в отряд.

Мать целует сына в щеку около уха. И в этом поцелуе, в этой ласке всё: нежность материнская, тревога, боль, прощение, надежда на то, что всё это (свидание при свидетелях; казённое обмундирование; стриженная голова; передача в узелке, которая, говорят, ему не положена; неприятный, тяжёлый для сердца разговор с воспитателем) — всё это, она надеется, в прошлом. Очень хочется верить.

— Пошли, — говорит конвойный. Увидит, спрашивая:

— Жалко мать?
— Жалко, — вздыхает.
— Ты вечер порезвился, а ей пять лет жизни долгой.

Опять вздыхает.

Здесь, в Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (или детприёмнике, как его «по-семейному» называют воспитатели), Ромка на исправлении. Так решила комиссия по делам несовершеннолетних. После детприёмника Ромку ждёт спецучилище.

— Иди.

Он идёт; рубашка на спине пузырится, выдавая худую спину и впадинку между лопаток. Грудный подросток Ромка Князев. Худенький злой мальчик с взрослым прозвищем, подаренным ему его фамилией, — Князь.

Как объяснить ему что-либо, если он хочет только одного: чтобы оставили в покое, не тревожили его суверенитет. Да педагогов, воспитатели рады бы этот суверенитет уважать, но ведь знают, чем это может кончиться. А он, Ромка, не знает — детство, юность не умеют предвидеть.

Человек всегда стремится к самоутверждению. Особенно остро этот процесс проходит у подростка. И если у него в этом смысле ничего не получается в школе, да и дома его не ахти как привечают, остаётся один путь самоутверждения своего «Я» — улица.

Каждый вечер, часов в шесть-семь, компания Ромки собирается в тени лип на соседней улице. У Романа есть друг Барона, как вы понимаете, есть имя — Борис. Их двое друзей — Барон и Князь. У них своя компания, свой мир. Хуже ли, лучше ли иных миров и компаний, но — свой мир. И не замечать его было бы только не благодарно, но и невозможно.

Барон — «шишкар» (лидер). Князь — его правая рука. В авторитетах ещё двое — Стас и Майкл (то бишь Миша, Михаил).

Барон и Князь приходят с гитарой. Гитара плачет и жалуется, и грустит, и смеётся, констатируя якобы эмоциональную многогранность исполнителей.

Здесь свои песни, свой свод ценностей. И это было бы, в общем, неплохо, но вот что обидно: из всей многогласной армии образов «делать жизнь с кого», которыми располагает человечество, «бароны», «князья», «Майклы» и им подобные выбрали в кумиры (больше того — в жизненные идеалы) только тех, кто признан бесспорными авторитетами в их компании. Для Ромы и его друзей, например, это длинноволосые солисты какой-нибудь поп-группы.

На чём держится авторитет Барона? На умении бряцать по струнам гитары — раз. Барон умеет на ходу «склеивать чувих» (знакомится с девушками на улице), что в недалёкой мужской компании испокон веков считалось особым достоинством, — два. И... Вот и всё, если не брать во внимание то, что Барон преуспел в знании «чувацкого жаргона».

Здесь, в компании под липами и с гитарой наперевес, практически невозможно добиться авторитета парню, обладающему, допустим, незаурядными математическими способностями, или большим знатоку и любителю филателии, или человеку, понимающему балет, кино, театр... Здесь, под липами, свой мир, свои критерии, оценки, своя лестница престижа. Бывало, что каким-то образом в компанию Барона (из любопытства к сверстникам, что ли?) залетали примерные ребята, но,

посидев в такой компании два вечера, навсегда уходили из неё, унося горечь разочарования и чувство брезгливости к вульгарному жаргону, пустым, как мыльный пузырь, песням и анекдотам.

Были такие ребята. Ромка даже хорошо запомнил одного из них — Дима его звали. Он пришёл к ним с шахматной коробкой под мышкой и предложил компании турнир. Барон, как ни странно, отложил гитару и согласился, но, получив мат на пятом ходу, распахнулся и залезил Диме затрешину.

Дима в слезах ушёл, а компания безмолвовала. На следующий вечер под липами недосчитались ещё трёх подростков.

Почему, Рома, случай с Димкой тебя не растрожил?... И ты не ушёл вместе с теми тремя?..

Потом была кража — первая в жизни Ромки. Украли мотороллер «Вятка» и мотоцикл «Иж». «Вятку» украли зря — мотороллер был безнадежно запущен, практически груза жёванного хлама. А «Иж» дня за два можно было бы поставить на колёса. Ромка — парень толковый, с рабочей жилкой. Кроме того, учится на автослесаря. «Иж» вмиг был разобран.

Компанию любителей чужой техники привели в милицию, составили протокол и поставили на учёт. Штраф за украденное раскидали на всех — родители каждого из подростков выложили по солидной сумме.

Подросток превращается во взрослого — сложный процесс. Ещё вчера вежливый паймальчик становится вдруг (а вдруг ли?) резким, раздражительным. В семье Романа Князева достаток. Большая квартира, магнитофон «Панасоник», подаренный родителями на пятнадцатилетие, карманные деньги по субботам и воскресеньям. Но Рома отца не уважает и не скрывает этого. А мать ему жалко. Он считает (и не без оснований), что она унижается перед отцом, что она тряпка, раз позволяет ему требовать ежедневные письменные отчёты за растроченные рубли и копейки. Мать выдирает из блокнота листок, вспоминает и досконально записывает все свои траты, до мелочей.

Ему, Ромке, непонятна сверхзадача, которую отец ставил перед собой и выполнил, — закончить институт. Обязательно. Круто прыгнул по административной лестнице вверх. Естественно, стал больше получать.

Значительно больше. Ну а сын считал, что не знания сами по себе привлекали отца, а положение, портфель, власть, которые получает человек вместе с «поплавком». О недостатках родителей Рома может рассказывать сколько угодно. И делает это охотно. Поливать грязью родителей ему выгодно — на фоне чужих недостатков не так заметны собственные.

Из детприёмника Князева хотят отправить в спецучилище. Это серьёзная воспитательная мера. Я бы даже сказал, в его, Романа, положении это крайняя мера. Но прибегать к помощи спецучилища — это значит вырвать подростка из семьи (что само по себе уже сложное испытание), из нормальной жизни.

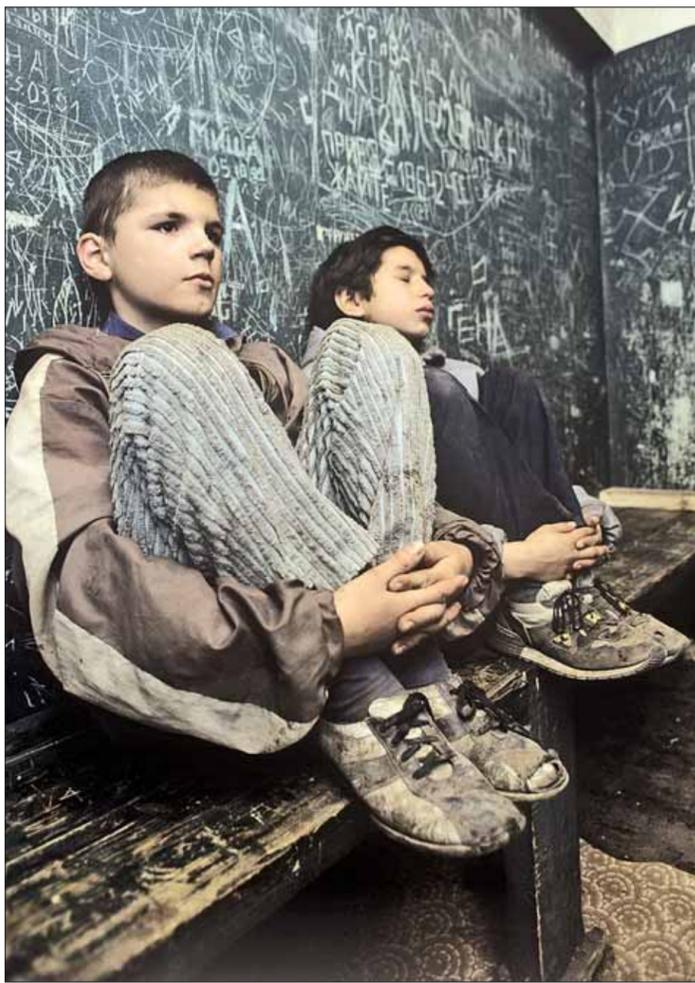
У воспитателей детского приёмника, — говорили мне там, — к Ромке претензий нет: работает он охотно, не ленится, на замечания реагирует правильно, да и замечаний этих немного. Урок пошёл впрок или подросток (а они умеют делать это мастерски) приспособился, притаился до поры до времени?

Всё-таки, думаю, первое. Хочу верить.

А вот ещё одна подростковая судьба. У Анатолия Кузенкова жизнь в семье категорически не сложилась.

...Волосы у парня выцветшие, длинные и немые. Он, видимо, очень гордился ими и, разговаривая со мной, постоянно причёсывал их растопыренной пятернёй. На самом деле волосы и парня не украшали, и о содержимом его головы создавали впечатление самое невыгодное.

В проходной детприёмника он куражился и паясничал. Его не смущало прошлое, оставленное где-то на задворках городка Карпинска, растерянное, как чемоданные штотки, на станциях и полустанках Астраханской

области, Казани, Тюмени... Он — под потолок ростом. Серое лицо. Съёжившиеся, словно обведенные красными веками, глаза.

В приёмной детприёмника медицинский осмотр обязателен. Опытная Василиса Михайловна — врач детприёмника — была категоричной:

— Этого молодого человека необходимо лечить в вендиспансере.

В детприёмник он, разумеется, не попал. Я говорил с ним в приёмной, пока ждали спецмашину из вендиспансера.

Всё, что умеет в жизни Толька Кузенков, — это сквернословить, играть в карты, напиваться, выстукивать два простенных ритма на эстрадной ударной установке, воображая себя Ринго Старром. Немного для семнадцати лет.

Когда же, на каком году жизни начала падать Толина звезда?

Усталый, пахнувший заводским цементом отец после работы ещё с порога полуслушливо просил есть:

— Мать, желудок к позвоночнику прилип!

Потом подходил к сыну, поднимал на сильных руках до самого потолка, хмыкая добродушно:

— Экий у меня утrog растёт...
Ах, как хорошо было давно-давно в детстве!

Потом подрастающий Анатолий всё чаще стал замечать: к запаху заводской спешовки отца примешивается ещё один — резкий, незнакомый. Запах водки — понял он позже.

Чем больше выросл Толька, тем больше пил отец. Тем злобнее становился в своём недуге. Дом Анатолию стала заменять тусклая подворотня.

Когда Кузенков-старший угодил в тюрьму, мать впервые вздохнула свободно... А потом в доме появился отчим. Дядя Коля работал на машиностроительном заводе фрезеровщиком и получал прилично. После долгой болезни устроился на работу мать. В семье Кузенковых надежда на благополучие отвоёвывала у лютой беды каждый день.

Одного не мог преодолеть отчим — равнодушия к чужому сыну. На ласку был скуп, на гостинцы тоже. Но и в ребячих Толькиных дела носил: делай что хочешь.

Первый раз Толя Кузенков убежал из дома, когда ему было неполных двенадцать лет. Поездить много не удалось — сняли на ближайшей станции и отправили в детприёмник.

Архив приёмника сохранил вот такую запись в журнале: «Кузенков Анатолий Константинович. Ведёт себя удовлетворительно, но подросток вольный, много знающий».

«Много знающий...» Да, к той поре Анатолий Кузенков уже выдывал виды...

Милиционер привёл беглеца домой. Отчим выпсал по первое число. С тех пор дядя Коля стал «требовательным» к Тольке. Но по-прежнему не было ни любви, ни уважения к парню. Это была требовательность, граничащая с депривацией, требовательность, которая унижала.

На сей раз Анатолий сбежал в Тюмень, к родному отцу. Тот освоился из заключения и прислал сыну письмо: «Приезжай, сын, заживём на все сто! Будем честно зарабатывать. Я тебе мотоцикл куплю... Нас двое, Кузенковых-то, — ты да я. А мать пушай с новым (здесь отец нецензурно выругался) доживает. Валей ко мне, Толька!»

Трудно было мальчишке не откликнуться на такое письмо. Отец должен был встречать Анатолия на вокзале. Не встретил. В незнакомом городе нужно человека сыщешь не сразу. Анатолий нашёл наконец отцову квартиру. Его там не было. Искали горемычного вместе с соседкой, полгорода обошли. Отыскали — пьяного, грязного, старшегося.

Этим эпизодом и закончилась отцовская «заинтересованность» в сыне...

Кузенкова ссадили с товарного поезда в Казани. Почти три месяца он бродяжничал. Ссадили уже бывалым бродягой-хулиганом. Бродяга, франт, ворихка, каким его знают в комнатах милиции многих городов, здесь, в детском приёмнике, предстал во всём объёме своей беды.

Все корни Толькиной, основательно уже поломанной жизни вроде бы в семье. Все ли? Спившийся отец, равнодушный отчим, уставшая от жизненных неурядиц мать — эти люди сыграли в судьбе мальчика неблагоприятную роль. Самые близкие люди... Но если мы говорим о подобных подростках — «педагогический брак», значит, должны смотреть на эту проблему шире. Ведь о мальчишке знали не только эти трое. Мы должны и впрямь спросить с тех, кто прямо или косвенно должен быть заинтересован в его судьбе. Он учился в школе, с кем-то дружил, кому-то рассказывал о своих детских обидах, жаловался. И при этом остался в вакууме.

Вакуум... Применительно к душе — страшное слово. Душевный вакуум заполняя, как правило, дрянью: водкой, наркотиками, бездельем, агрессией...

Вакуум душевный — мина, заложённая под каждого из нас.

Сергей РЫКОВ

ПОСТФАКТУМ

Хромые лошади

В декабре 2009 года в пермском клубе «Хромая лошадь» во время пожара погибли 156 человек. Все телеканалы горевали по этому поводу. Казалось бы, после такого несчастья будут приняты экстраординарные меры. Но вот минул год. И что же? Попробую коротко изложить то, что обнаружил в интернет-сообщениях:

— мужчина пострадал при взрыве газа в торговом павильоне в Красноярске. Выяснилось, что павильон работал незаконно;

— в Челябинске горел Центр делового сотрудничества. По неофициальным данным, баллоны с газом взорвались в ресторане с другой стороны здания;

— в Ростовской области произошёл взрыв на газонаполнительной станции, в результате которого погибли двое мужчин;

— взрыв на Брянской птицефабрике унёс жизни двух рабочих. Уголовное дело возбуждено по статье «Нарушение правил охраны труда, повлекшее по неосторожности смерть человека»;

— в результате взрыва в помещении насосной установки открытого акционерного общества «Хабаровский нефтеперерабатывающий завод» погиб один человек, ещё один находится в реанимации;

— газовый баллон взорвался в здании дежурной части Железнодорожного отделения МВД в Улан-Удэ, по предварительным данным, пострадали пять человек.

И вот ещё одна трагедия, случившаяся буквально на днях: произошёл взрыв в ресторане на юго-западе Москвы. На его кухне взорвались газовые баллоны, в результате чего погибли два человека и более 50 пострадали. Характерно, что в январе 2011 года инспекторы Госпожнадзора провели проверку здания ресторана и выявили 11 недочётов и нарушений, после чего выписали предписание об их устранении. Но были ли устранены нарушения, так и осталось неизвестным.

По устойчивому мнению, Россия занимает одно из первых мест по числу жертв из-за техногенных аварий, катастроф, производственного травматизма. В интернет-изданиях сообщается: «По данным Роструда, на рабочих местах погибало 4–4,5 тыс. человек ежегодно». Пять лет назад директор департамента Минздравсоцразвития Александр Сафонов говорил в Госдуме: «Ежегодно умирает 750 тысяч человек трудоспособного населения. Около половины из них умирает в результате воздействия производственных факторов на здоровье человека».

Кто виноват? Вот как рассуждает в прессе на эту тему инспектор по охране труда Сергей Луговской: «Российский труженик в самой безобидной ситуации умудряется найти смерть... Рабочий чистил цистерну из-под спирта и решил подсветить себе зажигалкой... На первом месте «общая глупость», как часто пишут в документах мои коллеги. 95% смертей на производстве происходит по неосторожности. Есть масса людей, с которыми можно провести сотню занятий по технике безопасности, а они всё равно сделают по-своему».

Из слов ГОСУДАРСТВЕННОГО человека следует: такой мы народ — фаталисты, дикари. Даже если и так, обязанность государства — защищать нас от самих себя. Огромный аппарат зарплату получает. Каких только инспекций нет! Но когда что-нибудь случается, нам преподносят под тем или иным соусом: разгильдяйство, человеческий фактор.

Многие ли знают, что после недавней страшной авиакатастрофы из недр ведомства вырвалось признание: «В Росавиации требовали от авиакомпании переоборудовать са-

молёты системой предупреждения о близости земли ещё в 2009 году». По международным правилам, принятым и в России, машины без таких систем к полётам не допускаются. А у нас — «требовали». А на их «требование» начались. И государство не шелохнулось. Интересно, во что обошлось закрытие глаз чиновников?

В таких случаях и вбрасывают в общественный оборот: «человеческий фактор». Знаменитый московский ресторатор Аркадий Новиков причиной недавней трагедии в итальянском ресторане назвал разгильдяйство персонала. Ему вторит заместитель начальника управления МЧС по Москве Сергей Анисимов: «В любом случае трагедии можно было избежать, если бы сотрудники ресторана соблюдали все требования безопасности при эксплуатации газобаллонного оборудования. Это халатность чистой воды!»

Глядишь, читатели и забудут, что в том ресторане газовых баллонов вообще быть не должно, не станут допытываться, кто из надзирающих чиновников закрыл глаза.

Вспомним ещё раз трагедию в пермском клубе «Хромая лошадь». Не было, кажется, ни одного правила противопожарной безопасности, которое там не нарушили бы хозяева. Но клуб благоденствовал ВОСЕМЬ лет.

Известный московский адвокат в тедни рассказал, как к ним, в адвокатскую коллегия, пришёл молодой человек, только назначенный инспектор пожарной охраны и заявил: «Будете мне раз в месяц платить 200 долларов. И проблем не будет. А не будет 200 долларов — будут проблемы». Госрэкетиру даже не понимал, с кого решил брать дань. Действительно исходя из обыденной реальности: всех облагает — и все платят, кого и чего бояться?

Кстати, в тот трагический вечер в самом престижном клубе Перми гуляли и сотрудники различных правоохранительных органов. Ведь хозяин клуба им близок — награждён нагрудным знаком «За содействие МВД России» и медалью «200 лет МВД России».

Теперь он под судом. Вместе с ним — другие лица, в их числе и три пожарных инспектора. Второй год идёт процесс. Невозможно понять, почему так долго тянется. Видимо, есть какой-то замысел. Пострадавшие в истерике, говорят, что государство им не помогает, адвокаты обвиняемой стороны над ними открыто смеются.

Возможно, будут судить и директора итальянского ресторана. Его арестовали, показали народу по телевизору.

А вот по поводу гибели 53 человек на буровой платформе «Кольская» в Охотском море — тишина. Хотя там вопиющих нарушений предостаточно. Но нефтяная компания — не рестораничка. Более того, Дальневосточное следственное управление жалует: неизвестные лица изымают документы о буровой, а изымать их имеют право только они, следователи. Вот заявление грозных дознавателей: «Какое-либо требование доказательств и сведений по телефону категорически исключается».

Руководители государства после каждой аварии и катастрофы выражают соболезнование, требуют выяснить причины. Но все знают, что причина одна — тотальная коррупция.

А это о т н д б не человекский, а государственный фактор!

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Всё о дочерях Евы

Эдуарда Графова, автора множества сатирических-юмористических книг, представлять не надо, его знает, я думаю, каждый читающий человек. Напомню лишь, что он ведёт популярную колонку на страницах «ЛГ» «Житиё-бытиё». И вот в руках у меня две его новые книжки. Первая — это гимн женщинам, озарившим начало жизненного пути писателя. Но в ней автор повествует не только о героинях и престелницах, а и об особах женского пола, которых и называть-то женскими язык не

повернётся. Например, о тех, кто спаивает собственных детей, или «просто» не кормит их. И о таких страхах, которые выносят свою малышку на продажу, — не на что выпить...

И, конечно же, не оставил Эдуард Графов без внимания и «сильный» пол, и его отношения со «слабым». В книге — неисчерпаемый набор очень кратко изложенных очень занимательных историй об очень глупых и очень умных мужьях, жёнах и любовниках. И о детях, разумеется. А что, скажите, интереснее этих историй? И, зная

Эдуард Графов. Русская женщина. Она не ходитная, ей просто некогда. — М.: ООО «Сам Полиграфист», 2011. — 242 с.: ил. — 300 экз.

Эдуард Графов. Не писать надо уметь, не каждый это по плечу. — М.: ООО «Сам Полиграфист», 2011. — 144 с.: ил. — 180 экз.

современные литературные нравы, не могу не предположить, что много-много сюжетов будет из этой книги, скажем мягко, позамитовано.

В рецензии, даже краткой, положено что-то покритиковать. Критикую: не понравилось мне название. Думаю, не автор его придумал; ещё в далёкой моей юности слышал я шуточку, что, мол, «русские женщины не холодные, а им просто некогда». Но тогда же,

помню, один остряк заметил, что, видно, автору этой максимумы не повезло с женщинами. Я тоже так считаю.

Вторая книжка — писательский блокнот верного автора «ЛГ», это приткрытое окошко к его, как говорится, творческой лаборатории. Услышанное от друзей, подслушанное в народе, придуманное самим образовало в сумме занимательное чтение. И тоже, думаю, станет искушением для поклонников к заимствованиям литераторов...

Константин ЮРЬЕВ

ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

Автопортрет

Как много в этом звуке

Когда смотришь на работы Алексея Суховецкого, сравнение живописи с музыкой возникает само собой. Не потому, что так явственна аналогия между переливами красок и звуков, хотя каждую его картину, от монументальной панорамы, такой как «Москва. Бородинский мост» (1997), до скромного этюда вроде «Голубых гор» (2010), можно определить в терминах соответствующего музыкального жанра. А потому, что его сюжеты, как и музыка, не поддаются буквальному «пересказу»: зритель волен слышать в них не заданное автором, а своё, сокровенное.

Зачем? Чтобы открыть нам, бегущим сквозь собственную жизнь, нездешность места практически хрестоматийного, растроганного и литературного, и кинематографического. Такими вы Патриаршие не увидите, сколько бы раз ни попадали туда, но, замерев хоть на минуту у холста, вы почувствуете магическую энергетику этого места.

Ещё одна характерная особенность почерка Алексея Суховецкого — умение совмещать несовместимое. Даже если вы каким-то чудом проберётесь в служебные помещения Большого театра, ни из одного кабинета вы не сможете увидеть знаменитую Аполлонову квадригу так, как её изобразил художник. Вам придётся по его примеру выбраться на покатушку крышу, балансируя на грани бытия и спора с пронизывающим ветром. Только возникнет ли у вас желание в таких не слишком комфортабельных условиях любоваться шедевром Клодта?

Москва остаётся для Суховецкого главной, но не единственной любовью. Из своих странствий он привозит запечатлённые в красках мелодии иных городов. «Туризм» (1994), «Крыши Парижа» (1999), «Шербур» (2010) написаны так, словно художник прожил там полжизни: трудно поверить, что за время кратких свиданий можно найти общий язык с гениями мест, столь не похожих на родные просторы. Даже в этюдах, о которых особо распространяются не приняты (ведь, по сути, это лишь разминка перед серьёзной работой), художник достигает законности, самостоятельности, умудряясь уместить в лаконичный «кадр» пейзаж, который в действительности безбрежно-бесконечен («Мёртвое море. Марев», 2001).

Желание проникнуть в суть вещей, отставив в сторону их внешнюю фактурную живописность, позволяет художнику превратить такой не слишком популярный сегодня жанр, как «обыкновенный», «скудный» натюрморт, в своего рода зашифрованное послание, даже если хотите — в философскую притчу. Ну почему ему так важно komponовать средю вокруг маленького, скромного предмета, явно не тянущего на «главную роль» в композиции, — какой-то засохшей дубовой ветки или весьма прозаичной на первый взгляд чёрной рюмки? Но стоит лишь заставить свои серые клеточки работать интенсивнее (по глубокому убеждению Алексея Николаевича, восприятие искусства такая же напряжённая, не терпящая суеты работа, как и само творчество), и скрытый в послании код проявляется: часы, отмеряющие неизмеримое время, — ткань, струящаяся подобно водопаду жизни, — белая чаша как воплощение сосуда бытия, из которого каждый пьёт столько, сколько ему отмерено, — пёстрая ширма, отделяющая видимое от невидимого и, более того, небытие от бытия. А над всем этим — лицо женщины как символ вечности и неиссякаемости источника человеческой жизни («Натюрморт с японской гравюрой», 2008).

Апологеты актуального искусства со всем отпущенным им природой пылом пытаются доказать, что каноны классического искусства жёстко ограни-

чивают для художника возможность самовыражения. Суховецкий оспаривает этот довод каждой своей работой: «Классическая школа не только не ограничивает автора, но даёт ему возможность говорить со зрителем на понятном ему языке. Выражает ли художник себя, громоздя «композицию» из бетона и колючей проволоки? Вряд ли, разве только у него самого эта проволока внутри. Школа даёт художнику крылья, а у не имеющего её крыльями подрезаны. Никому в голову не придёт утверждать, что настоящий композитор не должен быть хорошим исполнителем, ибо это будет «сужать» его композиторский диапазон. Сергей Васильевич Рахманинов был выдающимся композитором и не менее выдающимся пианистом. Почему же владение школой ставят в упрек художникам?»

Однако школа — это не только безукоризненное владение техникой, это ещё и наследие великих предшественников, которое подпитывает художника своей энергетикой. Речь не идёт о ксероксном копировании приёмов, а о вдохновении, рождающемся от соприкосновения с подлинным шедевром: так маяки своими лучами помогают мореходам найти путь через мели и рифы. Впрочем, спорить с «оппонентами» Алексей Суховецкий не любит: время и так всё расставит по своим местам, суетиться не стоит. Он берётся за кисть для того, чтобы взволновать, удивить своего зрителя, помочь ему увидеть, что мир вокруг, каким бы несовершенным он нам ни казался, на самом деле всё-таки прекрасен.

Виктория ПЕШКОВА

СЛОВО МУЗЫКИ

Оркестр «Боян»! Своё не ценить — наша традиция?

Нужно так любить русский язык, как любит Святослав Бэлза, чтобы создать такую литературно-музыкальную программу, как «Великое русское слово». Нужно так чувствовать исконно русское в музыке, как Анатолий Полежаев, чтобы организовать и долгие годы пестовать Государственный академический русский концертный оркестр «Боян».

Во дворце на Яузском бульваре с участием Василия Ланового, Алексея Кузнецова, Ирины Крутой величественно отыграл литературно-музыкальную композицию «Великое русское слово».

Открыл концерт Василий Лановой чтением А.С. Пушкина «Метель» в сопровождении нежного проникновенного вальса Г.В. Свиридова. В честь 70-летия битвы под Москвой звучали стихи А.Т. Твардовского «Я знаю ни какой моей вины...», песни из классики советского кино — «Офицеры», «Белорусский вокзал», песня Виктора Гевиксмана

«Берёзовые сны», русская песня в обработке «Липа вековая», «Баллада о матери» Евгения Мартынова, инсценировка рассказа А.П. Чехова «Дипломат» и многое другое...

Программа была составлена и исполнена так, что любой зритель мог прочувствовать, что есть русская душа — многогранная, терпеливая, но обладающая несокрушимой мощью. Вспомнить, что «гордость за Родину» — это не пустые слова, а реальность, основанная на победах великого русского народа, на его вкладе в мировую сокровищницу культуры.

На концерте присутствовали в основном люди старшего возраста, из молодёжи — единицы. Потому что нет рекламы, потому что всегда востребовано будет не качественное и высокое, а популярное и узнаваемое.

Сейчас фильмы, книги, музыка создаются по принципу «продаваемости», и немногие из артистов, коллективов ставят себе такие задачи — сохранять и развивать традиции русско-

го культурного наследия — «вымирающий вид», их самим нужно охранять.

Согласно Положению Министерства культуры РФ осуществляется поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в области культуры, искусства. Казалось бы, есть прекрасный коллектив, поддерживайте его. Хотя бы не мешайте! Но оркестру ставят различные препоны: сокращают штат, назначают мизерное жалование музыкантам, пытаются слить с другими коллективами, отстранить основателя, руководителя и идейного вдохновителя оркестра Анатолия Полежаева от руководства. У оркестра нет даже постоянного помещения для репетиций.

С такой государственной поддержкой сохранять традиции невозможно и идею вдохновителя оркестра Анатолия Полежаева от руководства. У оркестра нет даже постоянного помещения для репетиций.

Алина ГОРЕЛИК

Профессия художника из тех, что требуют от человека умения принимать судьбоносные решения очень рано: если в детстве не начал относиться к ней как к делу жизни, считай, что опоздал. Причём на всю жизнь. В семье Суховецких никто никакого отношения к искусству не имел, и все были уверены, что увлечение Алексея рисованием со временем пройдёт. Дед перед поступлением внука в Суриковский институт предпринял последнюю попытку повлиять на него: ты бы лучше в архитектуру пошёл, у них хоть зароботки твёрдые, не то что у художников. То давнее дедово наставление каким-то мистическим образом отразилось в творчестве внука: под неуловимым флёром мягких, плавных, почти летящих линий внимательный взгляд всегда отыскивает точную, выверенную до миллиметра, порой даже жёсткую архитектуру композиции: волна и камень.

бимой темой художника стал родной город: «Весь центр я ещё мальчишкой исследовал до малейших закоулков. Старые дома, вовсе не обязательно архитектурные памятники, становились моими друзьями. Меня не коробит, когда рядом со старинной усадьбой расположился шехтелевский модерн, а завернув за угол, наткнувшись на сталинский ампи́р. Меня даже новостройки не слишком раздражают. Москва эклектична по своей природе, потому я и люблю это смешение стилей и времён: мне интересно вскрывать взаимосвязи».

Показать людям то, мимо чего они проходят, не оглянувшись, — так можно было бы сформулировать творческое кредо Суховецкого. Вот «Ворота в старом парке» (2009), за которыми идёт совсем другая жизнь, подчиняющаяся иным, более человеческим законам. А вот перевёрнутые пейзажи укрытого снегом Нескучного сада — и здесь тоже своё Зазеркалье, свободно существующее параллельно с нашим обыденным миром. И Патриаршие пруды он писал не однажды, в разное время года и суток.

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ ИМЕНИ П.И. ЧАЙКОВСКОГО

ПЕРВЫЙ
МОСКОВСКИЙ ОТКРЫТЫЙ КОНКУРС
ВОКАЛЬНО-ФОРТЕПИАННЫХ
ДУЭТОВ
«PIANO & VOICE»

РАХМАНИНОВСКИЙ ЗАЛ I тур	26.01 - 12.00-17.30	МАЛЫЙ ЗАЛ	29.01 - 14.00
II тур	28.01 - 14.00-18.00	Заключительный концерт лауреатов	

ВХОД СВОБОДНЫЙ ☎ 629-9401 www.mosconsrv.ru

Под покровительством Святого Винсента

Святой Винсент служил во времена Римской империи дьяконом архиепископу Валериусу в Сарагосе, принял мученическую смерть за веру и был причислен к лику святых в 304 году.

Весть о страданиях Винсента, его смелости в отстаивании своей веры разошлась по всем большим и малым винодельческим хозяйствам империи. Виноделы Галлии решили выбрать его в качестве своего покровителя, и с 542 года Святой Винсент стал главным покровителем французского виноделия.

Почему выбрали именно его? Это до сих пор остается загадкой. По наиболее распространенной версии данный выбор определили несколько факторов. Во-первых, выбор связан с самим именем Vincent, которое было переведено галльцами, исходя из устного произношения (а большинство крестьян-виноделов в то время были неграмотными), как «вино» (vin — по-французски «вино») и «кровь» (vo французском языке слова «sang» — кровь и «sept» имеют одно и то же звучание). Во-вторых, не последнюю роль сыграло и то, что Святой Винсент был дьяконом, осуществляющим причащение — Таинство, в котором верующие под видом хлеба и вина вкушают истинное Тело и истинную Кровь Христа для вечной жизни.

Каждый год лучшие виноделы Франции в конце января собираются на праздник в честь Святого Винсента, чтобы угостить людей своим вином и побороться за почетное право производить вина под маркой St. Vincent, вина под покровительством Святого Винсента.

Вина привозят на праздник в специальных 225-литровых дубовых бочках (только в Бургундии используются бочки емкостью 228 литров). Обязательное условие — бочки дол-

Владелец Chateau Angelus Жан Бернар Грени: «Святой Винсент живет в душе каждого французского винодела...»

Совладелица Chateau Giscours Лор Батар: «В винах St. Vincent чувствуется что-то божественное, небесное... Прекрасные вина...»

предоставлена тому, в чьей бочке осталось меньше всего бренди.

Святому Винсенту, как покровителю виноделов, поклонялись многие великие французы. Наполеон Бонапарт говорил, что вина St. Vincent даны нам свыше и ему лично они приносят победы. Александру Дюма принадлежит фраза: «Я не знаю ни одного французского вина, над которым бы не витал Дух Святого Винсента! Наши вина лучшие в мире, ибо они созданы под небесным покровительством, покровительством Святого Винсента!».

Поэтому не случайно лучшие вина Франции выпускаются под маркой St. Vincent, под покровительством Святого Винсента. Как образно отметил еще в 1325 году французский поэт Филипп де Витри:

Святой Винсент — от тех хранит,
В чьих жилах кровь с вином бежит,
Кто виноградную лозу
Берег от засух и в грозу,
Кому с небес было дано
Готовить лучшее вино.

Вина и бренди St. Vincent — под небесным покровительством.

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

В этот день я проснулся уже в четыре часа утра. Бывает, прямо во сне ёкнет что-то, ты просыпаешься, не можешь ничего понять — где ты, что с тобой... И всё, сон больше не идёт. Ни уговорить себя, ни убаюкать невозможно. Всё бесполезно. Так и в этот раз.

И вспомнилось мне в эту минуту вдруг почему-то школьное детство, летние каникулы и мой пионерский лагерь, который я терпеть не мог. Просто не выносил этого постоянного коллективного существования. На первой же свиданке с мамочкой моим причитаниям не было конца. Вожатые, уроды, наказывают за любую провинность кедованием — берут кеда самого большого размера, желательного баскетбольный, и лупят по заднице бедных детей, пока эта самая задница не станет похожа на курдюк барана. Режим жёсткий — того нельзя, этого нельзя, за строго огороженную территорию гулять вообще не ходи, иначе даже никакое кедование не спасёт. Перемещаться по струночке и желательным строем с одного мероприятия на другое. А самое главное — в отряде одни дебилы, особенно пацаны. Только вселились, а уже какие-то понятия развели — кто главный, кто прихвостни, кто челядь швиная. Причём превосходство самопровозглашённые пацаны выказывали самым мерзким способом. Низкорослый, но широкий в плечах дегенерат проводил ладошкой в своих трусах меж ягодич и мазал потом этим под носом не таким бойким ребятам. Сволочь малолетняя! Короче, умолял я мамочку чуть ли не на коленях забрать меня из этого ада во что бы то ни стало. И моя единственная в жизни спасительница смилостивилась, хоть и было ей тяжело самой и работать, и за мной хоть как-то присматривать.

Моя единственная неполная смена в летнем лагере завершилась досрочно. Ура! Я думал, что больше никогда в жизни не буду жрать общую еду и спать в спальне больше, чем на две персоны. Но как оказалось потом: ни от чего нельзя зарекается. Семь лет строгого режима на красной зоне — это тебе не пионерлагерь в Сосновке. Называется, никогда не говори никогда. И винить ведь некого, уж что случилось, то случилось.

Я повернулся ещё с минуту и встал. Подумал: вилью крепкого чаю, схожу в душ, побреюся пока. Тем более что накануне договорился с завхозом на его личную мойку. Он мужик суровый, жёсткий, но вошёл в положение, позволил помыть себя с комфортом. В его санпартаментах хотя бы кафельной плиткой стены выложены, шампунь и всё такое, не то что в общей помывочной, где краска облезая и наполовину забитые соски тесных душевых отсеков.

Не знаю, я наслаждался — и вода в это утро была особенно бархатной, и гель для душа нежный до неприличия, и руки шаловливые. Но я отнёс эту возбуждающую мысль сразу, решил сохранить свой порыв до вечера. Ведь вечером я увижу её, мою Наташу.

Как-то с год назад перед обедом Биг Вова — член нашей единой семьи, близкий корифан, суёт мне фотографию, на которой его Нинка улыбается вместе с какой-то женщиной. Я сначала не придал значения, ну тётка да тётка — чуть полноватая, видно, что румяная, светлые волосы в «завлекалочку» закручены — ничего особенного.

— Это кто? — говорю. — Родственница, что ли?

— Нет, — лыбится Вовка. — Это Нинкина подружка, на птицефабрике вместе курей щипают. И с тобой, между прочим, хочет познакомиться. Заинтересовалась.

Мне прямо неудобно стало, с чего это я так ей сдался. Говорю: — Вовик, я зэк. У меня репутация замарана — до самой смерти не очистить! Одна статья чего стоит — тяжкие телесные повреждения с отягчающими обстоятельствами.

А Вован не унимается: — Ничего страшного. Знаешь, когда бабе ласки не хватает, когда некому эту ласку ей дать, никакая статья не помеха. Только бы мужиком был и не обманывал.

В общем, убедил он меня написать Наташе первое письмо, а потом завертелось, да так, что целый эпистолярный роман можно опубликовать. И вот теперь это счастье оказывается

в нескольких шагах, буквально руку протянуть остаётся.

В предвкушении намытый и выбритый, я ликовал, стоя «с вещами» на площадке досмотра осуждённых. Лишь самую малость настроем подпортил прапорщик Поротиков.

— Зря, — говорит, — радуешься, — а сам всё шмонает, чтоб я на свободу ничего лишнего не вынес, кроме чистой совести.

— Пойми, — говорит он так ласково, почти заботливо, — ты там на фиг никому не нужен. За семь лет жизнь так поменялась — не узна-

Пять часов свободы

Рассказ

ещь. Постоянно голова болеть будет, где подзаработать, да чтоб не обманули, где пожать купить подешевле, да чтоб ещё сэкономить на вечеру с девочками. Или тебя ждёт кто?

— Ждёт, — нехотя бурчу в ответ. — Ну тем более. Это ж ответственность. Или ты на её шее собираешься хомутом повиснуть?

— Ничего я не собираюсь! — Вот! Значит, голова за двоих опухать начнёт. А у нас ты как у Христа за пазухой. Никакой ответственности — мы тебя и покормим, и в банке помоём, и спать вовремя уложим, только сиди. Тем более сейчас столько возможностей — учиться можно на кого хочешь, хобби там всякие, веру разрешили.

Разошёлся, прям — отец родной, а сам — изуввер, каких мало. С ним даже офицеры личного состава не связываются. Говорят, ещё до моей отсидки этот гад лубиной одного доходягу насмерть забил. Конечно же, сохраняя «честь мундира», врачи из нашей больницы оформили бедолаге несчастный случай и замяли на этом. Только устное предупреждение Поротинову и вынесли. Ну он первое время ходил тише воды ниже травы, а потом снова чуть что под дых или по почкам, чтоб синяков не видно было. Падла. Поэтому, я думаю, не стану развивать тему. Надо как-то мягко выскользнуть отсюда и идти дальше.

— Вы правы, — говорю, — гражданин прапорщик, — но я попробую чуть побарахтаться в свободной воде.

— Давай, попробуй. Один хрен — к нам вернётся. Вы ж народ такой — сегодня товарищ, а завтра снова гражданин. У тебя, паря, на лбу написано, что ты наш, хозяйский.

На том и попрощался. Я мысленно ему в кармане показал «болт с отягощением» и пощёпал к решёткам выхода.

Да, решётки, решётки... Кто не слышал, как они лязгают, закрываясь за тобой, не поймёт по-настоящему сладости свободы. Неслучайно именно их каждый вспоминает, когда говорит о заточении. «Сижу за решёткой... орёт молодой...» Вот и тогда лязгнуло за мной решётки, правда, уже совсем в обратную сторону. Так я во второй раз оказался на проходной. Тётка в погонах внутренних войск с каменным лицом взяла карточку учёта и подозрительно глянула на меня. И тут же заученным наизубок за семь лет текстом я начал свой рапорт: — Осуждённый Скачков Алексей Николаевич, номер 14 379, статья 111, срок семь лет, начало срока 16 июля...

Пока я автоматически тарабанил, казалось бы, мёртвые цифры моего уголовного дела,

пред глазами вдруг чётко ожила картинка, за что, собственно, я сюда попал. А вспомнить, как говорится, было что.

В парке культуры и отдыха в воскресные и праздничные дни народу всегда — не протолкнуться. У самого входа я сразу покупаю мороженое, получаю сдачу, а глаза так и шарят по окружающим, ни на секунду не останавливаясь. Мне край как нужно отыскать одно знакомое лицо. Самое интересное, что я очень бы не хотел на самом деле увидеть его именно сейчас и именно здесь, среди всеобщего праздника беспечности и легкомыслия. Но сведения получены, и это лицо точно прячется где-нибудь за кустами или в очереди к аттракционам или, может быть, на ступеньках набережной.

Сергей ШЕВЯКОВ

Пять часов свободы

Рассказ

Прочёсывая парк метр за метром с начинающим уже таять мороженым в руках, в конце концов вываливаясь я на опущку меж дерьевьев, где под тенью листья спрятались несколько скамеек. И что же там? Немая сцена. Моя девушка целуется вясос! С кем бы вы думали? Случшим моим другом собственной персоной. Как говорится, застукан на месте преступления. Когда человеку отдаёшь всего себя без остатка с самого, можно сказать, горшка, это, знаете, как-то обидно.

Я не помню, что было дальше. В глазах моих потемнело, разум отказывался фиксировать действительность. Потом говорили, что я схватил первое, что попало под руку, а именно плохо прикреплённую жердину от той самой скамейки, и с размаху огрел ею милого Лёничка прямо поперёк спины. Дальше вообще полная темнота, помню лишь истошный крик Ирки и ментов с наручниками. Всё это как-то скоро произошло, а дальше вообще, как в калейдоскопе закрутилось, — клоповник РОВД, следственный изолятор, приговор и зона.

Та самая зона, которая меня теперь отпускает. Тётка в форме внутренних войск сунула мне какие-то бумаги на подпись, я подмахнул, а она в ответ мне протянула справку об освобождении!

— Гуляй, не попадайся! Как же сладко хлопнула за мной вторая решётка — и вот я на воле. Взгляд в чистое небо, глубокий вдох. Поверить не могу — я свободен!

Ещё с самого СИЗО я начал мечтать, как выйду весь в штатском, короткие волосы уже чуть отрастут, и пройдуся я неспешно по самой главной и самой длинной улице города, чтобы все вокруг обращали на меня внимание — счастливый человек хлялет по проспекту и никуда не торопится.

И вот иду я действительно легко и свободно, оглядываю витрины магазинов, пялюсь откровенно на девчонок, у которых уже всё повылзало и не помешается в лифчиках, мне кажется, даже песенку какую-то насвистываю. Мне тоже как будто в ответ всё улыбается и поёт. Лепота! И тут попадаетесь один малец. Стоит у продовольственного весь какой-то рваный, чумазый и страшно худой, такое впечатление, что штаны, перетянутые вместо ремня верёвкой, держатся прямо на костях.

— Подайте, — говорит, — дяленька, денежку, я stradaй как есть хочу.

Вот тебе и нате, думаю, — денег-то у меня в кармане, что называется, в самый притык. У нас ведь на зонах за работу до сих пор платят по расценкам какого-нибудь тридцать лохматого года. 18 копеек — за то, рупь семьдесят за это.

Что же делать, миркую. Но пацана без пропитания оставлять совсем не хочется.

— Значит, так, — говорю, — денег не дам, один чёрт — на клей своей нохательный потратишь или на бухло, а вот булку с кефиром куплю. Пошли.

Волоку его, значит, к прилавкам. А там — мать честная! Я таких цен и знать не знал и в идею не выдался. У меня аж челюсть отъехала, реально. Раньше столько парфюм стоил или коньяк хороший. А малой всё не унимается, что денежкой-то лучше было бы. Ну, думаю, отступить уже некуда — схватился за гуж, не говори, что опростался. Идём к кассе, а мой шпанёк вдруг вырывает руку что есть силы и орёт на весь, считай, магазин: — Да пошёл ты со своим батоном на хер, придурок!

И бежать со всей мочи. Да... Бывают в жизни огорчения. Дитя кварталов, ничего не напишешь.

Вы думаете, мне это испортило настроение? Нисколько. Ссыпал я сохранённые денежки в карман и пошагал дальше. А вокруг природа в полном соку, листья шелестят от лёгкого ветерка, голуби плюхаются в не подсохших ещё лужицах, диетки, млея, галдят в песчиночках. Короче, шире шаг, равнение на жизнь! Купил себе в ларьке на углу молочный коктейль. Дороговато, но ничего, можно один раз. Иду дальше, смакую детскую прелесть на вкус. И тут меня осенило, надо же Наташке звякнуть, что, мол, еду. Ну ладно. Я высматриваю телефон-автомат под надписью «таксофон», но пока разбираюсь, где какую карточку купить, в него шыгает роскошная рыжая леда, по-другому не скажешь. Ну ничего, покупаю самую дешёвую карточку, жду. Дамочка полякала минутки три всего, удивительно быстро, и вышла, улыбнувшись мне, вроде как под впечатлением от приятного разговора. Мелочь, а, знаете, приятно. И я в таком же приподнятом настроении захожу в будку, сую талон куда следует. Всё по инструкции. Набираю номер и первый раз в жизни слышу голос моей ненаглядной — чуть писклявый, правда, но счастливый до невозможности. Так и так, говорю, еду, ещё пару часов до вокзала, ну и там сколько, не знаю. Короче, объясняю я Наташке весь расклад, а сам секу краем глаза, как наш доктор говорит — периферическим зрением, на крючочке у дверки пиджачок дамский висит. Фиг с ним, поговорили с Наталей, обо всём пе-

Но рыжая блажит, на чём свет стоит, прохожих практически в ополчение собирает. А уж когда паровозным гудком из всех козырей вытягивают клич «милиция», я сразу понимаю, что начинает пахнуть жареным. У меня же из всех человеческих документов — справка об освобождении, причём подписанная всего три с половиной часа назад. Стоп, думаю, надо перехватывать инициативу на себя.

— Шатенка, — возражаю, — чего ты пухнешь? Тебе прям это не идёт. Предмет-то кражи, как ты говоришь, заметь, вот он, я его тебе лично вынес из будки и возвращаю как есть, в целостности и сохранности, а стало быть, никакого состава преступления нет как не было! Усекла?

Она, видать, поняла, что ваши не пляшут, сразу пиджачок хватает и ну по карманам шарить, а сама зло так зыркает всё время в мою сторону. И что вы думаете, эта гнида выкидывает буквально в следующий момент? Типа ответный ход.

— А здесь, — говорит, — у меня во внутреннем кармане пятьсот рублей лежали! Где они?

Ах ты ж, думаю, лявля такая! Деньги-то по тем временам приличные, как сейчас пять тысяч. Ну что ж, попал, не попишешь, грамотный бог, ничего не скажу, профессионально. Слава богу, были у меня в кармане из заработанных и эти пятьсот, и ещё сколько-то бумажек. Протягиваю а ей молча мятуку купюру, а у самого зубы скрипят, гляди вот-вот крошиться начнут. Выхватила она её, тоже молча улыбнулась всем своей невинной улыбочкой и, пожав плечами, мол, инцидент исчерпан, сквозанула в проходной, только её и видели.

Ладно, сплонул я под ноги расходящимся зевакам и поковылял вниз по проспекту дальше. Главное, как мне тогда казалось, свобода осталась при мне, здоровье пока на зависть и вся жизнь впереди, а остальное — растереть да выкинуть, заработаем. Иду, озираясь подозрительно на каждого, как будто волки все, и все хотят моего комиссарского тела. Мне б дойти, мне б на автовокзал попасть, а там спать залагу, и до самой станции назначения, в самые белые рученьки моей несравненной Натахи.

Наверное, судьбе было угодно довести меня до автобусных касс без особых происшествий. Всё как по маслу, даже правила уличного движения ни разу не нарушил, переходил дорогу строго на зелёный свет, как пионер. Суюсь в окошко, типа так и так, нужен билет до Промышленного. Бабулька — работающая пенси-

ни фига. Такое впечатление, что это у старушечки пролетело вообще мимо ушей. Кому я это всё плёл?

— Гражданин, шестьсот тридцать рублей, за вами очередь.

Ну и ну. Иду на площадку посадки. Думаю, хрен с тобой, выдра старая, напрямую попробую. С мужиками, знаете, как-то всё же сподручнее договариваться. Свой своего поймёт. Подхожу к «Икарусу» с табличкой на лобовом «Промышленное», стучу в окошко. Водила выглянула, я аж встрепенулся. Ну, думаю, вот оно, улыбнулось. Парень коротко подстрижен, характерно так, на ручище татуировка, тоже какая надо. Короче, по всем признакам — сидельный. Я говорю: — Братан, ты-то должен меня понять. Я только вышел, справку могу показать, веришь, нет — денег совсем нет, а уехать до Промышленного край как надо! За четыреста свежее?

И что вы думаете — эта падла на ровном месте кобениться начинает, будто выкручивает его всего. — Чё, — говорит, — ты своей мелочковкой трясеешь? Если меня на маршруте контроль почикает, штраф будет раза в три больше, а то и уволить могут. Ты мою семью кормить будешь? Отваливай, не стой!

Я опешил, сначала даже не нашёлся, мямлю: — Ну, может, всё-таки доведёшь, войди в положение... — Отвали, я же сказал: не могу! — и дело с концом. Ну тут уж я выдал, тут уж мне подступило, и те самые выражения, и сколько нужно, и в самой доступной форме. Тика в тика, ни больше ни меньше.

— Не стони, падаль! Никто тебя не тронет. Будешь ты крутить свою бараночку и детей растить. И вырастут они все в тебя — правильные до невозможности! И станут прокурорами, и сыяок, таких как я и ты, между прочим, тоже в тюрьму по приговору засаживать! А теперь можешь сплунуть и прополоскать! Рот закрой, терпила!

Отошёл, смотрю по сторонам, а у самого прямо метафизика какая-то в голове творится. Верите, нет, вокруг народу — полным-полно, а я стою на этом проклятом вокзале будто один-одинёшенек. Ой, люди добрые, люди, вы люди. Захотелось мне поднять голову к небу синему и как-то даже завить. Думаю, как же быть? Может, сверху кто направит? И, блин, направил. Да так направил, что до сих пор икаю.

Прямо передо мной с восемью чемоданами и одиннадцатой авоськами приземляется семья. Суетятся, на часы смотрят. В отпуск, что ли, собрались? Глава семейства порядок навести пытается, сгуровать как-то детей, жену. Руководит, короче, а сам тоже, знаете, клювом щёлкает по сторонам. И как в этот момент так вышло, что взгляд мой сам собой скользнул по его фигуре оценивающе, да и застрял на заднем кармане брюк. Чтоб я провалился, прямо в этот момент оттуда торчало и вовсю на волю просилось толстенное портмоне. Представляете? У меня аж руки зачесались! А, думаю, делать нечего, была не была! У этого лошары деньги, поди, ещё где-нибудь в трусах зашиты, а мне на билет и мелочи любой хватит добыть. Ну решено. Прохожу ненароком мимо этого отпа семейства, цепляю лопатник одними пальчиками...

Скажите, вы верите в правосудие свыше? Я — да теперь, потому что охнуть не успел, как этот отпусник выкрутил мне руку вместе с кошелеком своим и быстренько защёлкнул на ней наручники. И оказался он майором областного УВД, да ещё и разрядником по самбо. Бывает же такое, везёт некоторым как утопленникам.

И всё. Прибыл наряд, а дальше — по накатанной. Раз — и я уже на зоне. Вот так и закончились тогда мои краткосрочные каникулы. Кстате, с Наташкой потом тоже ничего не вышло. Но я всё с тех пор думаю: для чего-то же мне давали эти самые пять часов свободы? Может, для того, чтобы понял, что судьба моя решилась уже окончательно, раз и навсегда. И совсем не тогда, когда увязышник меня на вокзале сгрёб, а ещё раньше, в том парке, где я своего лучшего друга калекой оставил. Ну изза девушки, и что? Калекой же на всю жизнь. Не знаю. А может, всего лишь, чтоб я просто погулял чуть?

САМОТЁК

Максим ПЕТРОВСКИЙ,

33 года, живёт во Франции, в городке Экс-ан-Прованс. Менеджер по экспорту

КОЛЕСНИЦА СУДЬБЫ

*Колесница судьбы
Пронесётся над бездной
Потерянных лет.
И на остров беды
В океан протеста
Причалил корвет.*

*Бросит якорь тоски
По погубимым надеждам
На голое дно.
Нагло чайки в куски
Растерзают постыдно
Мелодию слов...*

*Отчего же попал
На заброшенный остров
Мой дерзкий корабль?*

*Чтобы вновь засверкал
Устремившийся к звёздам
Мечты идеал!*

*Чтобы огненный ветер
Наполнил любовью
Мои паруса,
Узари на рассвете
Мне сердце уютет
Святая роса.*

*Одинокая грусть
По напрасно изломанным
Мечтам — как быть?
Поражения груз:
Пережить, отмахнуться,
Прогнать и забыть...*

*Снова ринутся в бой,
Чтобы страсть захлестнула
Горячей волной?
Или меткой стрелой
Вознестись к небесам,
Где Ковчег золотой?!*

*Отчего заблудил
В тёмном сумраке позднем
Прозренья накал?*

*Чтобы вновь засверкал
Устремившийся к звёздам
Мечты идеал!*

*Чтобы огненный ветер
Наполнил любовью
Мои паруса,
Узари на рассвете
Мне сердце уютет
Святая роса.*

Оксана ВЛАСОВА,

40 лет. Живёт в Воронежске

ДЕРЕВЬЯ

*Росли три дерева у дома,
Слетая ветви, будто жуки.
Я с каждым деревом знаком,
Я с каждым деревом в разлуке.*

*Однажды первое засохло,
Листья осыпалась до кроха.
Погиб отец. И стало плохо
Другим деревьям. Одинокю.*

*Второе вяло постепенно,
От боли злилось и страдало.
Его сплели. И мгновенно
На свете матери не стало.*

*Над третьим — люди издевались:
Кору содрали, вскрыли рану...
У дома лишь пеньки остались,
Но я писать о них не стану.*

«Люблю грозу в начале мая». Но, братцы, честно говоря, сколь впечатлительней бывает гроза в начале января.

Давно замечено народом, как, ужас наводя окрест, нам громыхают «С Новым годом!» тарифы, цены и проезд.

Герман ДРОБИЗ, ЕКАТЕРИНБУРГ
ЧУДНАЯ СВОБОДА
Какая чудная свобода взмола на туфте и вине: чем меньше туфы у народа, тем больше артистов в стране!

Прикинься весёлым Кирухой и нагло под вопли и свист по телушки только похрюкай — присвоят: «Народный артист»!

Быть может, попутал нас леший? Понять мне, увы, не дано: народа в России всё меньше — «Народных артистов» полно!

Владимир СКВОРЦОВ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ДВА САМОДЕРЖЦА
С рожденья мира миром правят Два самодержца — кнут и пряник. Суть власти удивительно проста: Не хочешь пряника — отвоедаешь кнута.

Юрий СЕМЁНОВ
ЛОЖКА И БОЧКА
Ложка дётя вслух мечтала В чёрном деле стать примерной: «Бочку мёда — слишком мало. Испоганить бы цистерну».

ДРАМЫ «КЛУБА ДС»

Иван Абрамович был крупным российским бизнесменом. В лихие девяностые он кое-что прихватил, потом раскрутил и умножил, а теперь, весело орудуя лопатой, заребал по полной.

Жизнь у Ивана Абрамовича шла гладко, складно, и, казалось, этому благополучию не будет конца. Но однажды случилось нечто ужасное: путешествуя у берегов Африки на своей яхте, он попал в плен к сомалийским пиратам.

Перед этими чумазыми ребятами с автоматами всемогущий бизнесмен оказался совершенно беззащитен. Когда Иван Абрамович немного пришёл в себя, ему дали телефон и написали на бумаге сумму выкупа.

— Это грабёж! — возмутился он.

— Есс! — подтвердили пираты, кивнув головами.

— Вы не имеете права! У меня связи, я пожалуюсь кое-кому, и вам не поздоровится!

— Есс! — согласился с ним и в доказательство передёрнули затворы. Через мгновение он ощутил между лопаток ствол автомата.

Тогда Иван Абрамович позвонил жене.

— Что, мой пупсик?

— Попал в плен к пиратам! Срочно нужно много денег!

Услышав эту новость, жена не вскрикнула от жалости, а принялась усиленно соображать. Она была на двадцать лет моложе него. Бросив свою первую жену с двумя детьми, Иван Абрамович заодно с автомобилем решил вдруг завестись новой моделью — более современной и дорогой.

— Где же я их возьму? — недоумевала дорогая модель.

— Как это где?! — оторопел Иван Абрамович. — На тебя записана часть моего состояния! Продай немедленно!

— Ну правильно — часть на меня! А на что я должна жить? Ты, пупсик, об этом подумал? Я тебе давно говорила: всё состояние оформи на меня! Ты же оформил на каких-то дальних родственников. Видите ли, ему не хотелось платить налоги, чтобы в декларации числился лишь один мотоцикл!

Она помолчала и решительно добавила:

— Я тебе не государство! Себя обманывать не позволю! Свою я не отдам!

Иван Абрамович скрипел зубами: «Любашу и детей променял на алчную куклу, которая только и ждала случая, чтобы хапнуть своё! Стерва!»

— Слушай, Сергей! — теперь он звонил в офис высокопоставленному подчинённому, которому доверял как себе. — Я попал в плен к пиратам. Нужны срочно деньги. Большие!

— Что же это ты, Иван Абрамович, так неосторожно-то?... — удивился тот. — Гм... А где деньги взять? Они в обороте.

— Пробегишь по банкам, недвижимость за границей продай!

— Иван Абрамович, даже я не знаю, где ты свои золотые яйца откладывал! Всё оформлено на подставных лиц, по офшорам, в банках твоё присутствие и гроша не дадут. Без тебя — не могу никак! Попроси пиратов отпустить на месяцчишко домой, скажи, что иначе не получится.

Но в телефоне уже звучали длинные гудки. Совсем отчаялся Иван Абрамович. Дрожавшей рукой он стал набирать номер одного крупного олигарха, друга молодости.

— Послушай, Игнат, — умолял Иван Абрамович. — Выкупи меня, дружище! Сам понимаешь: Сомали, пираты, я тут с ними... загораю.

— Иван, да ты в своём уме? Какие пираты? Ты что, нездоров? Или навеселе?

— Здоров. Я на полном серьёзе!

— Ну сам посуди: где я возьму такие деньги?... Новая жена у меня дурная: захотела такую же яхту, как у тебя! В долги залез по самые уши! Ещё несколько миллионов не могу насобирать! Экономлю на всём, даже прислугу, которая по утрам тапочки мне надевает, пришлось сократить!

— Игнатушка, тебе яхта важнее или жизнь друга? — Дружище, ну ты же знаешь, какая она у меня стерва! Если не

подарю, то, считай, развод обеспечен! А она у меня «Мисс-силикон» — 2011! На таких каменных условиях её и приобрёл! Пообещал ей...

— Тыфу! — Иван Абрамович сам оборвал разговор. Пираты от нетерпения уже подталкивали автоматами и смотрели так пристально, что пробежали мурашки по спине.

«Ишь, как халыву ждуть, негодля!.. Позвоню-ка знакомому авторитету, — вспомнил Иван Абрамович. — Раньше он меня крышевал, много моих денег утекло в обшак».

— Нет, что ты, братишка! — отвечал вор в законе дед Гиви. — В этот раз помочь не могу! Всё у нас под контролем: и Москва,

и Россия, и граница, а вот до Сомали руки ещё не дотянутся. Обратись-ка, Абрамыч, к нашему государству! Это дело политическое, в его обязанности входит выручать своих граждан.

Понимая, что это последний шанс, Иван Абрамович стал думать, кому бы из высокопоставленных чиновников позвонить. И придумал.

— Дмитрий Анатольевич! Выручайте своего гражданина! — Чьего гражданина? — спросило государство. — У вас шесть загранпаспортов!

— Поверьте, как вернусь, сразу все лишние сожгу! Остался один — российский! Только сейчас понял, как Родину люблю! Жизнь за неё готов отдать!

— А капитал, большую часть которого перекинули за рубеж, возвращать в страну готовы? — хитро намекнуло государство. — Обязательно поможем грамотно им распорядиться, выгодно вложить в нашу экономику.

Тут Иван Абрамовича словом током прошло. Он сразу уразумел, к чему клонило государство. Вот он, подвох! Нет, на такую дешёвую удочку попадаться не хотелось.

— Дмитрий Анатольевич, вы шутите, да?... — растерянно пробормotal он.

— Какие ж тут шутки? Отправим к вам корабль на выручку, «Альфу» подкинем, проведём операцию. А вы решите потом, куда вложить ваши богатства. Идёт?

«Это уже торг! А ещё государство называется!» — возмутился Иван Абрамович, но опять промолвил растерянно:

— И куда... вложить?... — Разве у нас мало перспективных отраслей? Например — в сельское хозяйство.

От такой перспективы Иван Абрамович полностью потерял самообладание.

— Ну хоть бы в нефть, Дмитрий Анатольевич!..

— К сожалению, нельзя. Там всё давно занято! Могу предложить ещё хороший вариант. Сегодня развиваются отечественные нанотехнологии. Требуется огромные средства!

Иван Абрамович прокрипел зубами, палуба стала уходить из-под ног.

— А чего-нибудь... другого... нет?..

— Да всего и перечислить нельзя, где могут потребоваться ваши деньги! Есть отличный вариант — АвтоВАЗ!

Тут у Ивана Абрамовича перекрестились губы. Он зашатался. Пираты подхватили его под руки.

— Дайте мне... подумать... Это было последнее, что он выдал в телефон. Затем блуждающим взглядом посмотрел вокруг. Перед ним как во сне кружились чьи-то уродливые физиономии: черти, вампиры, лешие, упыри. Ему казалось, все только и ждёт, чтобы броситься на него и впиться зубами. Дышать становилось всё труднее. В голове проносились обрывки непонятных слов: «сельское хозяйство», «нанотехнологии», «АвтоВАЗ»... В то же время из тёмных закоулков души поднималась злость, комок подкатил к горлу. Ненависть нарастала, и, медленно выгнув руку, Иван Абрамович сложил незамысловатую фигуру из трёх пальцев и, обводя ею окружающих, прошипел:

— Вот вам выкуп! Кукиш с маслом, а не АвтоВАЗ!

— Дмитрий Анатольевич, вы шутите, да?... — растерянно пробормotal он.

Кукиш с маслом

Андрей ЛОПАТИН, ЧИТА

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Продолжаем знакомить читателей с произведениями участников IV Всероссийского фестиваля иронической поэзии в Кстове.

МИСТЕР ЖУК
За садовую огород Объявился как-то вдруг Гость из штата Колорадо — Пресловутый мистер Жук.

Что за снесь и что за гонор! Я, наверно, не совру: Это козьи Пентагона, Он агент из ЦРУ.

Во саду ли, в огороде Полосатый аферист Ярко-розовых уродов Посадила на каждый лист.

Под угрозой вся природа, Гости гложут и грызут... — Яки! Вон из огорода! — Раздаётся там и тут.

Над Жуком и всею свитой Собирается гроза — Весть российских паразитов Нам хватает за глаза.

Николай СИМОНОВ

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА
Кто тебя знает: сидишь на листочке Лилии нежной болотной Или на мхом изукрашенной кочке, Ждёшь себе скромно кого-то.

А прилядишься — и впрямь неполая: Ножки и глазки на месте. Если не врёт наша сказка лихая, Чем же ты всем не невеста?

Только поверить и волю исполнить, Если, конечно, царевич, Если же — нет, то на дурочке полной Лучше из нашей деревни.

Иначе и сраму не оберёшься: Озеро в доме напротив, Лебедь выпустит. Ой, нехорошей Это приметное будет.

Пусть себе в раске сидит кружевной На изумрудной подушке Сказка — не ставшая чьей-то женой, Чудо — Царевна — Лягушка.

Олег РЯБОВ

КОНЦЕРТ
Приходите на концерт! Презрекает значимость! Никаких билетов нет! — Доставайте, кто как может. Приходите на концерт! Выступает соловей!

Он сеюдня только пляшет. Вся окольная программу Сократили до нуля. Разрешили только пляски — под «ля-ля».

Приходите на концерт! Марина КУЛАКОВА

Пародия

МУКИ ТВОРЧЕСТВА
Вот самолёт взлетел: «Ку-ку»... А нынче денежки тво-то... Да, загрантур — не трали-вали... Николай СИМОНОВ

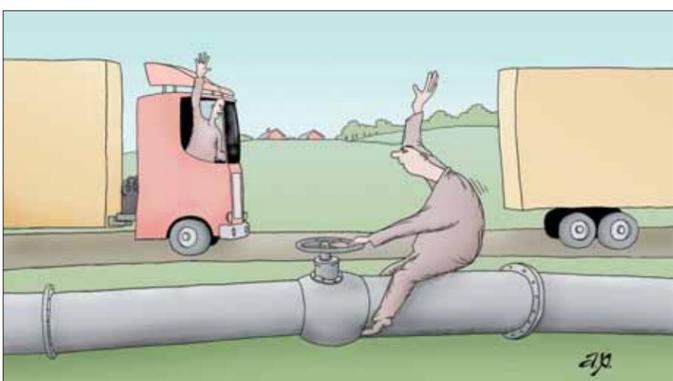
Я ниц и гол, куда ни ткни. Продам стихи, гульну воеву. Сажусь писать, а стих ни-ни, Из-под пера одни сю-сю.

Хочу родить хотя б строку, Но вдохновенья — полный нуль. И слоё тво-то, и мысль ку-ку. В кармане пшик, надежды буль.

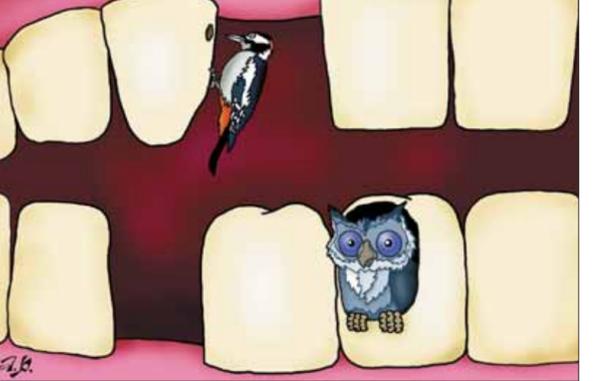
Хочу ням-ням, да нет хрум-хрум. Прошай, известность. Я в печали. В стихах я, видно, ни бум-бум, Поэтому быть — не трали-вали.

Олег ЗАХАРОВ

ВЕРНИСАЖ

14 января в 14 часов в московском музее «Садовое кольцо», находящемся на проспекте Мира, 14, открылась юбилейная выставка картин нашего постоянного автора Андрея Рыжова.

Надо ли добавлять, что выставка открылась с опозданием на 14 минут. Одним словом, кругом 14. Только А. Рыжову исполнилось гораздо больше — 60, с чем администрация его и поздравляет.

Андрей ЛОПАТИН, ЧИТА

МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
Тел. 629 94 01; www.moscons.ru

ФЕСТИВАЛЬ БОЛЬШОГО ЗАЛА
Памяти В.А. Берлинского
26 января, 19.00

Государственный квартет им. А.П. Бородина
Александр БОНДУРЯНСКИЙ (фортепиано)
В программе: Бетховен, Шостакович

«Государственный специализированный институт искусств» объявляет конкурс на замещение должностей по кафедрам:

- КАФЕДРА ВОКАЛЬНО-ХОРОВОГО И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА
- КАФЕДРА ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН
- КАФЕДРА ЖИВОПИСИ И ГРАФИКИ
- КАФЕДРА ДИЗАЙНА
- КАФЕДРА МУЗЫКАЛЬНОЙ ЗВУКОРЕЖИССУРЫ, АКУСТИКИ И ИНФОРМАТИКИ
- КАФЕДРА СЦЕННИЧЕСКОЙ И ЖЕСТОВОЙ РЕЧИ

Срок подачи документов — 1 месяц со дня опубликования объявления о конкурсе.
Телефон для справок: (499) 249-43-87

ТЕЛЕКОМПАНИЯ ВКТ

Телеканал ВКТ представляет: МЕЛОДРАМАТИЧЕСКИЙ СЕРИАЛ «МАРИАННА И СКАРЛЕТТ», Венесуэла, 2010 год. 112 серий.

С 23 января КАЖДЫЙ БУДНИЙ ДЕНЬ в 21.00 НА ТЕЛЕКАНАЛЕ «ВКТ», где ежедневно демонстрируются лучшие отечественные и зарубежные фильмы и сериалы всех жанров для взрослых и детей, смотрите один из наиболее популярных латиноамериканских сериалов последнего времени — «Марианна и Скарлетт». Любовь, ненависть, зависть и предательство — в истории двух сестер, которые, сами того не зная, влюбились в одного мужчину.

Марианна и Скарлетт — две женщины из среднего класса, красивые, с огромным желанием преуспеть. Они становятся соперницами за любовь одного человека - Роберто...

В ролях: Санн Кастро, Каролина Асеведо, Каролина Гера, Патрик Делмас. Режиссер: Андрес Марокин.

КНИЖНЫЙ РЯД
В клетке собственного производства

Эндрю Мортон не первый раз пишет о жизни знаменитого человека — в его послужном списке книги о жизни принцессы Дианы, Моника Левински, Тома Круза, Мадонны. Книга не только знакомит читателя с основными, а также ранее неизвестными фактами биографии знаменитой актрисы Анджелы Джоли, но и даёт возможность посмотреть на жизнь «звезды» с другой стороны — как на историю судьбы девочки Энджи с простыми человеческими радостями, печальми, отношениями, удачами и ошибками.

Эндрю Мортон. Анджелина Джоли. История без купюр / Пер. с англ. Т. Ребиндер. — М.: Колибри, Азбука-Аттикас, 2012. — 432 с. — 7000 экз.

и человек, который в болезни и в радости делит с ней отважное путешествие её жизни. Сбежать не получится, порезать себя, как в юности, уже нет возможности. Энджи, это порождение воздушной стихии, сознательно встала на якорь реальности семейной жизни. Среди её татуировок есть цитата из Теннесси Уильямса: «Возношу молитву за диких сердцем, замкнутых в клетке». Она может смело добавить — «клетке собственного производства».

Эта книга будет интересна, несомненно, поклонникам Анджелины Джоли, а также людям, интересующимся биографией известной личности.

Светлана ХРОМОВА

Как произошло становление характера этой женщины, кто этот человек сегодня — женщина, мать или актриса. На эти

вопросы попытался ответить Эндрю Мортон. Свободная духом, она сама себе построила золотую клетку, окружив себя беззащитными, нуждающимися и лишёнными крова. И ещё у неё есть постоянно растущая семья

Лев Колодный. Рукописи не горят. Как был найден «Тихий Дон». — М.: Голос-пресс, 2011. Адриан Рудомин. Почти весь XX век. Великий библиотекер Маргарита Ивановна Рудомин: Биография в фотографиях и документах. — М.: Издательский дом «ТОНЧУ», 2012.

Николай Кудряшов. Воспоминания. — Выборг: ОАО «Выборгская типография», 2011. Рой Медведев. Тихий Дон. Загадки и открытия великого романа. — М.: АИРО-XXI, 2011. Людмила Шитов. Было? Невероятная история. — М., 2011. З.М. Вальшонок. Балалайка для Дон Жуана: Венок лите-

ратурных пародий. — М.: Аспект, 2012. А.М. Дегтярёв, С.Я. Чабан, Г.Л. Коротких. Созвучие поколений. — Воронеж, 2011. А.Н. Рылёва, О.Д. Балдина. Два взгляда на наивное искусство / Научн. ред. Е.А. Воронцова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы / Отв. ред. Т.С. Царькова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. А.В. Майоров. Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

Книги, присланные в редакцию
Александр Рогов. Глупость открывает. РогАлки. — М.: Литературная Россия, 2011.